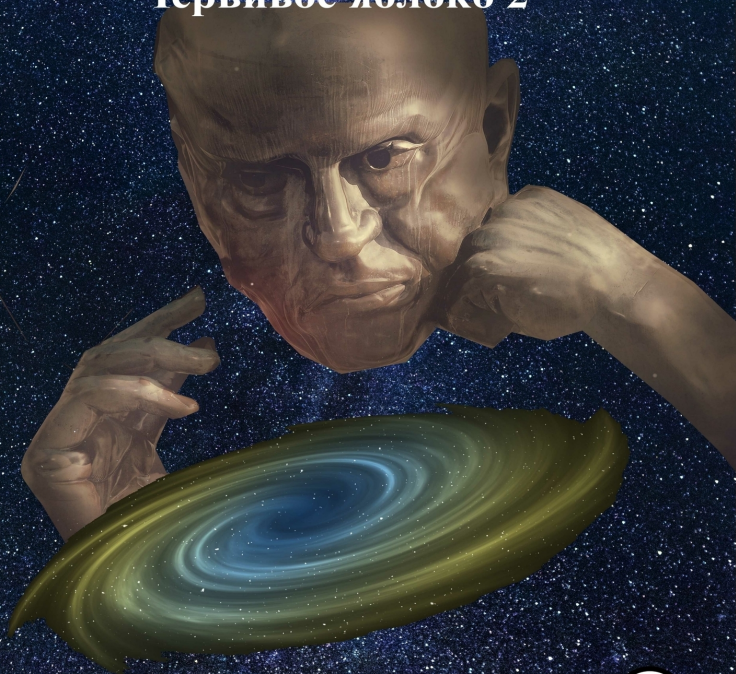

Наг Стернин

Темный бог вечности

Червивое яблоко 2

18+

Наг Стернин

Темный бог вечности.

Червивое яблоко 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=49653879

SelfPub; 2020

Аннотация

У научно-биологической революции два пути. У Азерски симбиоз компьютер – сознание осуществляется в мозгу, у Координатора – в компьютере. Человеческое начало в Рексе получает максимальное развитие (сильнейший интуитивист). Координатор же превратился в «искусственный интеллект», руководствующийся бесчеловечной логикой. Он стремится к божественной власти. Он желает, оседлав интерстарнет, превратиться в темного бога вечности, светлым ему быть скучно. Поражение на Азере показало, что тело Рекса для него недоступно. Он начинает работы с клоном Рекса, одновременно подготавливая переворот в Империи.

Содержание

Глава первая	4
1	4
2	22
3	36
4	56
5	68
6	89
7	102
8	112
Глава вторая	122
1	122
2	142
3	151
4	165
5	176
6	193
Глава третья	201
1	201
2	214
3	224
4	232
Конец ознакомительного фрагмента.	241

Глава первая

1

По экранам локаторов металось гравитационное эхо чудовищной силы. Впечатление было такое, что вокруг "Лиловой Звезды" черт знает кто бессмысленно и бессистемно палит в божий свет как в копеечку изо всех мыслимых оружейных систем.

– Во что это мы влипли? – нервно выкрикнул Фетмен в спину пилота, однако у человека, занимавшего пилотское кресло, даже спина выражала полную и совершенную растерянность.

Шип трясло и швыряло так, будто он умудрился затесаться в самую середину свары между парой весьма нехилых эскадр. Ни одно силовое поле вокруг судна не было постоянным, даже гравитационное при всей своей инерционности скакало и дергалось как припадочное. Поля сталкивались друг с другом, предсказать результаты их взаимодействия не смог бы, наверное, сам господь бог. То тут, то там возникали энергетические всплески, от встречи с которыми не поздоровилось бы и дредноуту. Показания на экранах инфоров сменяли друг друга со скоростью, начисто исключавшей их фиксацию нормальным человеческим мозгом, не говоря уж

об осмыслении. Компьютер соглашался работать только на степени загрубения показаний, при которой от его работы уже не было никакого проку, так что с управлением кораблем не справились бы, кажется, даже лучшие пространщики Корпуса. В пилотском же кресле находился командор-санатор, который и был, прежде всего, санатором, и лишь "вторых" командором.

Прямо по курсу корабля возник чудовищный гравитационный пузырь. На счастье, он схлопнулся раньше, чем "Лиловая Звезда" вляпалась в сферу его притяжения, но и вторичные гармоники взрыва шарахнули по кораблю с устрашающей силой. Антиграв шипа изнемогал от напряжения, и все равно треск шпангоутов корпуса просто заглушил все прочие звуки в рубке – так бывает, когда корабль в горячке боя на полной скорости напарывается на серию гравитационных линз, выпущенных по нему в упор из скорострельной гравипушки. Экраны инфоров "Звезды" на мгновение вообще ослепли, а компьютер завизжал, будто крыса в нежных объятиях скрипла. По корпусу корабля прокатилась серия чудовищных ударов, как будто некий титан прошелся кувалдой по всем составляющим его трансблокам от носовой рубки до кормовых дюз, причем самый страшный удар пришелся как раз на сегмент рубки. Все вокруг ходило ходуном. Сверху сыпалась какая-то труха и мусор – это на космическом-то корабле санации! – и, вдобавок ко всему, окончательно вырубилось освещение. Эни невольно взвизгнула, но оба ее гвар-

дейца и в этот раз вполне, так сказать, соответствовали. Они немедленно придвинулись к ней вплотную, и каждый со своей стороны успокаивающе положил ей руку на плечо.

Никто еще не сумел оправиться от ужаса, как лейтенант-биопша, на мгновение исчезнув, все с той же своей стремительной грацией элѐфанта уже ворвалась обратно в рубку, волоча за шиворот заключенную. В мгновение ока биопша вышвырнула из пилотского кресла бедолагу командор-санатора, плюхнула на его место оконтакторенную сучку и, наложивши ей на затылок свою огромную лапищу, без лишних слов пихнула лицом в экран. И снова, уже в который раз, Фетмен мысленно, причем не без счастливого злорадства, благодарил своих заклятых друзей – сексуально озабоченного придурка Старкоффа и ехидного пакостника Ховрина, только из-за подначек которых ему и пришла в голову мысль назло сделать лейтенант-биопшу вообще начальником своей личной охраны. Ну, где теперь эти половые гиганты, и где он, Дик Фетмен?

Собственно, только благодаря своей новой начальнице охраны Фетмен и сумел избежать судьбы, со всей очевидностью выпавшей, как он полагал, на долю коллег. Останки головорезов Компаний валялись в окрестностях Долины Предков под обломками собственных боевых машин, с них и взятки гладки. Отвечать перед Гнездом за все художества предстояло теперь именно азерскому Совету вкупе с азерской же Экономической Комиссией. Исключение мог соста-

вить, разве что, старый лис Бюллер. Хитрый пройдоха так ни разу и не появился на заседаниях после объявления Эни Боди своих полномочий, сказался больным и всячески демонстрировал свою непричастность к "художествам резвливых реформантов".

В неразберихе и панике разгрома, когда все летело кувырк-ом, каждый спасался, как мог. Проклятая интриганка, оказавшаяся – кто бы мог подумать?! – эмиссаром Объединенных Кампаний, перепугалась до одури и принялась рубить концы. Лишь осторожность, хладнокровие и находчивость лейтенант-биоппши сумели дать Верховному Санатору шанс на спасение. Да, это были страшные часы. Тем более что эскадра гроссадмирала Хилтибранта отнюдь не спешила на помощь агонизирующему режиму, а все конвертопланы Объединенных Компаний смылись из системы Сола еще до начала военных действий. И ни одна живая душа на свете не смогла бы заранее предсказать, да что там предсказать, и догадку-то правдоподобную высказать, что предпримут дальше этот психопат Рекс и его ненормальная тетушка?

Решение "приватизировать" лучшего офицера санации города, пусть и бабу, оказалось для Фетмена воистину счастливым. Лейтенант-биоппша ударными темпами и в кратчайшие сроки перешерстила и реорганизовала его охрану, сформировав при нем нечто вроде личного спецназа. Костяк этого спецназа составили биоппы – ветераны, готовые зубами рвать горло любому, на кого укажет хозяин, лишь бы не

лишиться спасительных уколов. Правда, лейтенант-биопша позволяла себе переизбыток инициативы, однако, справедливости ради, Фетмен должен был признать, что до сих пор инициатива эта шла ему только на пользу.

Когда армада гвардейцев Компаний начала выдвигаться к Гнезду, Ольгерд пригласил Координаторов и членов Экономической Комиссии в полном составе, как он выразился, "на глоточек шампанского, настоящего, земного"... сноб. Вот тут-то лейтенант-биопша, заступив Фетмену дорогу, с непреклонным и одновременно почтительным видом – умеют же люди! – объявила, что господина Верховного санатора сверхсрочно, чрезвычайно секретно и, главное, немедленно ждут в космопорте, куда только что прибыл за ним челнок с шипа "Лиловая Звезда". Она "Звезда", как объяснила окружающим лейтенант-биопша, к болтавшейся поблизости эскадре сэра гроссадмирала отношения никакого не имела, а принадлежала она имперской санации, по делам которой сюда и прибыла.

Общество, с редкостным единодушием сделало большие глаза и с веселым гомоном удалилось праздновать грядущую победу. А на немой вопрос Фетмена, лейтенантша отвечала с невозмутимостью, что ему надлежит лично принять у имперских санаторов и водворить обратно в санационные учреждения Азеры ими, имперскими санаторами отловленную и доставленную "Лиловой Звездой" знаменитую беглянку – хакершу Ану Стеклофф.

Фетмен, никогда не отличавшийся особой быстротой реакции, а напротив того, бывший, если уж откровенно, скорее, тугодумом, просто опешил.

Прославленная хакерша, которая некогда умудрилась взломать защиту банковских счетов самой Старой Дамы и украсть сумму, от количества нулей в которой у всех в Совете дух перехватило, удрала из камеры смертников самого охраняемого санатория Азеры вместе с "Черным бароном". И барон Айно, ближайший советник Старой Дамы, не только шкуры с нее потом не содрал за финансовые художества, но отпустил на все четыре стороны... в благодарность за помощь? Ну, да, наверное. Они там, в Гнезде, свихнулись на почве благородственной порядочности. Для нормальных людей всякие там "порядочность", и все такое, есть вопрос имиджа, к реальной жизни отношения не имеющий. Но эти же не нормальные, а совсем наоборот.

Что касается хакерши, с нею, по словам биопши, история вышла, темней некуда. Эта самая сволочная Стеклофф была случайно обнаружена на битком набитом скрыплами неуправляемом корабле, где оказалась единственным уцелевшим человеком. Откуда на корабле взялись скрыплы, вопрос, конечно же, праздный. Ясное дело, с Рибартона. А вот как корабль попал на Рибартон и зачем, и не был ли он причастен к появлению скрыплов на Азере – вопрос очень даже интересный и важный. Как бы ни пришлось взгляды на это дело пересматривать. А в Совете еще грешили на Ста-

рую Даму, будто без нее тебе подянку кинуть некому. Конкурентов, что ли, нет?

Со спасением стервочке и повезло, и не повезло одновременно. Повезло, поскольку она вообще была спасена. Не повезло же потому, что спасателем оказался шип санации. Была там, на самом деле, и еще одна непонятка. С какой стати шип проделал огромный путь и затратил прорву энергии, чтобы доставить беглянку на Азеру? Так ли уж было важно, чтобы она сидела непременно в том месте, откуда сбежала? Воистину, неисповедимы пути имперской санации, но ему, Фетмену, подарок получался отменный.

Естественно, водворение обратно в камеру мерзавки, совершившей единственный за всю новейшую историю успешный побег из санатория, к тому же, еще и ему, Дику Фетмену, подчиненного, было делом важным, но проделать это водворение можно было и без него... а вот попробовать такую запредельную редкость, как земное игристое вино, второй раз в жизни Фетмену случай представится вряд ли. Однако на его суровый выговор биопша, все с той же невозмутимостью и нисколько не смутившись, отвечала в том смысле, что не стоит "светиться" среди организаторов наезда на Гнездо, особенно в такой момент. Ибо чревато. А на слова, что Рекс, мол, обречен, с не меньшей невозмутимостью возразила, что когда запускали по Гнезду ракеты, уверенность была не меньшая.

– Я с господином Азерски имела дело лично, – сказа-

ла она, не без смущения пожав плечами и, вроде бы, даже оправдываясь. — Дважды. И знаю, на что способен этот тип... то есть... кхм-кхм, господин комт. И еще обратите внимание, сэр. Любопытный факт. Ни один старший кадровый офицер санации на пирушку не явился, хотя насчет выпить на халяву все они отнюдь не дураки.

К счастью для себя, Фетмену хватило ума прислушаться к ее словам. Так что известие о разгроме армады застало его на борту "Лиловой Звезды" за подписанием бесчисленных передаточных документов, каковое подписание проходило под аккомпанемент издевательских комментариев капитана шипа, сэра командор-санатора третьего ранга Юргена Макрослипа.

Известие это просто парализовало и ум, и волю господина Верховного Санатора. Мозг просто отказался его воспринять. Фетмен повел себя так, будто не то чтобы не поверил, а, говоря суконным языком деловых бумаг, "вовремя не придал оному прискорбному известию должного значения". Он продолжал мучительно подыскивать и визгливо высказывать достойные ответы на язвительные инсинуации командор-санатора. Сэр командор-санатор, уютно развалившись в кресле пилота, изволил комментировать происходящие события — поначалу даже и со вкусом — в пространных рассуждениях о "деловых качествах уважаемых сотрудников уважаемого сэра, находящегося во главе уважаемой местной санации... точнее, о полном оных деловых качеств отсутствии... в чем

мы тут лишний раз и убеждаемся, наблюдая за дальнейшим развиванием, так сказать, развития событий".

Впрочем, чем яснее становились масштабы разгрома, тем больше из-под маски язвительной невозмутимости сэра Макрослипа стала проступать некая обеспокоенность и даже нервозность, перешедшая потихоньку в легкую панику, когда он вдруг обнаружил, что его высокий азерский гость совсем не горит желанием мчаться вниз и наводить порядок, а напротив того, явно вознамерился застрять на "Лиловой Звезде" всерьез и надолго. Господин командор-санатор уже просто глаз не отрывал от экранов инфоров, а показывали эти экраны у него почему-то преимущественно район космодрома и Северной шахты. Конечно, районы эти примыкали к Долине Предков, где и разыгрались основные события, но, согласитесь, что логичнее было бы все же показывать саму Долину. Сэр командор-санатор терял самообладание прямо на глазах и выпихивал азерцев уже, как говорят райане, "не мытьем, так катанием". И было это тем более странно, что "Лиловая звезда" до сих пор пребывала в режиме трансформера, причем именно в той его фазе, что соответствовала приему автоматических грузовых модулей.

В самом Городе, судя по эфиру, творилось, между тем, черт знает что. Вся эта шваль, все человеческие отбросы Старых Миров, которыми Совет, вопреки сопротивлению Старой Дамы, заселил верхние уровни Города, высыпали из своих ячеек и принялись громить и грабить деловые, торго-

вые и административные кварталы.

Но это бы еще полбеды. Спуститься ниже седьмого уровня банды все равно не могли. Уровень санации при необходимости мгновенно превращался в настоящую крепость, надежно отсекая взбунтовавшееся быдло от "чистых" кварталов. Но вот если Рекс захочет воспользоваться мятежом, чтобы окончательно взять Город к ногтю, вот тогда уж точно – тушите свет! А как у него такому соблазну не появиться, если с ним самим хотели разделаться именно подобным образом – "косили" под народный мятеж?

Как только выяснилось, что переговоры от имени Гнезда ведет не Рекс, а Старая Дама вместе с какой-то никому не известной, но невероятно энергичной особой женского пола (любовница Рекса?) и таракану стало ясно – переговоры эти есть пустяки, одна видимость, проволочка и затягивание времени. Город обречен. Рекс, понятное дело, наверняка был на пути в него для подготовки вторжения, а то уже и внутри. Экраны за спиной сэра командор-санатора рябило от судов, прущих со стороны Райны к Азере. Надо полагать, это барон Айно во главе выпестованных им для Старой Дамы собственных головорезов спешил, боясь опоздать к "праздничку" – победителям, ясное дело, предстояло славно порезвиться в Городе среди побежденных.

Фетмену ни за что не удалось бы ориентироваться во всем этом хаосе и неразберихе, если бы не краткие, но толковые резюме по перехвату эфира, которыми весьма надежно

снабжала его лейтенант-биопша. Сэр Юрген попытался было помешать ей прослушивать эфир на азерских частотах под смешным предлогом – он, видите ли, ожидает срочного вызова с поверхности. Биопша даже слушать его не стала. Просто переключила все приемники на нужные ей частоты, и отправила корабельную радистку в ближайший угол прической вперед, когда та попыталась, так сказать, "воспрепятствовать".

Строго говоря, раз уж эта лоханка "Лиловая звезда" болталась на орбите вокруг Азеры, время, чтобы организовать эвакуацию Совета, наверное, еще было. Можно было даже попытаться перевести за границу хотя бы часть капиталов. Однако, похоже, что эта самая Эни Боди не оставила никому из бывших соратников, друзей и любовников ни единого шанса.

Баба от страха совершенно слетела с катушек. Бедолага Ольгерд, обвиненный во всех смертных грехах, был прихлопнут как муха, о чем и возвестили телекоммуникаторы планеты. Связаться с коллегами – даже с энергичным до неприличия живчиком Ховриным – никак не удавалось. Как пить дать, все они тоже были ею уже прищучены. "Делать ноги" следовало без промедления и именно на "Лиловой Звезде", других шансов сохранить жизнь просто не просматривалось.

Впрочем, догадливые люди во властных структурах Азеры все-таки были. В квадранте причального створа цен-

трального сегмента "Лиловой звезды" объявился вдруг посторонний флаттер-челнок и, сбивая с мысли и не давая сосредоточиться, истерически визжал СОС и требовал-просил-умолял разрешения на немедленную стыковку. Видать, еще кто-то – уж не Бюллер ли хитрозадый? – вовремя догадался рвать когти из обреченного Города. Рушилась не просто привычная и уютная жизнь. По всем швам трещал и разваливался, казалось бы, незыблемый, несокрушимый и вечный миропорядок... а поведение этого самого чертова командор-санатора не поддавалось никакому разумному объяснению. Сэр Макрослип не только не давал челноку разрешения на стыковку, он вел себя так, будто пределом его мечтаний было выпроводить с шипа представителей местной власти вкупе с подсанационной воровкой как можно скорее, а что с ними будет дальше – хоть трава не расти. На экранах инфоров перед сэром капитан-командором от Ошбы до Северной шахты пылала поверхность планеты. Все наземные сооружения Северной шахты, примыкающие к Пульсарке, превратились в пылающие развалины. Горело и плавилось все – даже сталь, даже бетон. Горящие потоки расплавленных камней, металла и вообще черт знает чего, с завораживающей неотвратимостью вулканической лавы медленно вползали в Пульсарку, вздымая в небо кошмарную смесь черного дыма и молочно белого пара. Почему корабль торчит на азеростационарной орбите, и что он там выглядывает, этот извращенец от санации? А сэр Макрослип, между тем,

взглядом не удостоивая своего визави, дергался, скалился, кривился и, похоже, даже не без испуга, во всяком случае, без прежнего наглого удовольствия, твердил:

– Будьте добры, уважаемый сэр Координатор, забирайте вашу беглянку и извольте покинуть вверенный мне шип.

Фетмен, в свою очередь, дергаясь и трясясь, открывал и закрывал рот будто рыба, выдернутая из воды. Ситуацию следовало немедленно брать под контроль. Нужно было отдавать какие-то приказы, как-то распоряжаться, командовать, но голова была совершенно пуста, и от ужаса хотелось орать в полный голос. Он беспомощно посмотрел на биопшу, и, перехватив этот взгляд, лейтенант-биопша снова сгребла ситуацию в свои могучие биопьи лапищи.

– Чего ждет многоуважаемый сэр? – язвительно спросила она командор-санатора. – Быть может, он изволит, наконец, стартовать?

Сэр Макрослип согласно покивал головой, бездарно пытаясь натянуть на растерянную физиономию достоинство и приличествующую старому космическому волку ироничную невозмутимость.

– Конечно-конечно. Я жду лишь, чтобы Ваш премного-уважаемый шеф убрался с моего корабля... вместе с Вами, милочка, и прочей всяческой подсанационной швалью.

Так что новая начальница охраны спасла Фетмену свободу, а может и жизнь, когда, негромко отдав команду своим панням, сунула под нос командор-санатору игломет и сказа-

ла: "Пинка для ускорения ты дождешься. Стартуй, парень. Азерский не любит санаторов, а я наглецов, при любом раскладе ты в проигрыше". Молодец, баба... хотя, какая биопша баба? Что касается прочих соратничков по Совету и Комиссии, то – секунды не усомнившись, полагал Фетмен – каждый за себя, милостивые государи, каждый за себя, и никто за других... в том смысле, что нахрен они тебе сдались, жизнь за них рисковать?

Лейтенантшин спецназ был подстать своей начальнице. Шип был взят под контроль в мгновение ока, команда даже охнуть не успела.

– Ах, ты, сволочь! Пиратство! Нападение на старшего по званию, да еще санатора! – завопил командор-санатор, окончательно и бесповоротно покончив со всеми своими потугами на достоинство и невозмутимость.

Лейтенант-биопше, в отличие от капитан-командора, изображать ничего не требовалось. Если на свете существовала богиня хладнокровия, то начальница охраны господина Фетмена была ее самым совершенным воплощением в, так сказать, "мире смертных".

– Старший по званию санатор здесь он, – невозмутимствовала она, показывая пальцем на Фетмена, – а себя ты вообще уже можешь смело считать рядовым надзирателем на урановых рудниках. Это ж надо такое учудить – на союзной планете антиимперский мятеж, а командор боевой единицы космофлота санации не только не оказывает помощи закон-

ным властям, он им даже убежище отказывается предоставить от бунтарей и черни. Он их бросает на... как это... на произвол. Кстати, если ты еще раз выскажешься в мой адрес неуставным, так сказать, образом, я тебя кровью умою!.. Я вообще этого идиота не пойму, – повернулась она Фетмену. – Нас он прямо-таки выпихивает с корабля, планетарный челнок с беглецами не принимает, что он о себе вообразил, этот кретин? Рядом идет бой, а корабль у него разложен в грузовую транс-форму, будто он с планеты гешефт какой-то желает поймать. Не поймешь, то ли это шип санации, то ли какой-нибудь контрабандист и нелегал.

Сэр Макрослип окончательно потерял голову. Он вскочил, трясаясь от ненависти, и заорал во все горло:

– Ты что такое себе позволяешь! Это что еще за инсинуации?! Официально предлагаю вам всем для вашего же блага немедленно покинуть конвертоплан. Вы препятствуете секретной операции имперской санации!

– Ну, ты, ошибка природы, – сказала лейтенант-биопша, глядя на сэра Юргена, пожалуй, даже жалостливо, – есть такой печатный текстик, называется "устав службы санации", ты про него когда-нибудь слышал? Чему только тебя в училище учили? Ты и в самом деле такой дурак, что не понимаешь, как все это будет выглядеть в глазах твоего же собственного начальства? Нашел время выдрючиваться. А может, ты вовсе и не выдрючиваешься? Может, мы тебе и в самом деле на чем-то жареном ненароком хвост защемили? Включай

трансформер на сборку, парень, и стартуй, пока я тебя под арест не взяла и в одну камеру с нашей воровкой не засунула.

Лейтенант-биопша некоторое время рассматривала Макрослипа теперь уже с брезгливостью, будто червяка, неведомыми путями попавшего на ее начищенный биопий ботфорт, потом повернулась в Фетмену и сказала, ткнув пальцем через плечо в командор-санатора:

– Уважаемый сэр командор третьего ранга извинит некоторую экстравагантность нашего поведения. А не извинит, так и черт с ним, мы и без его извинений обойдемся.

Сэр Макрослип молча плюхнулся на сидение, отвернув в сторону красную до свекольности физиономию, да так и застыл в неподвижности своим собственным опространственным голографическим портретом. Командор-санатор полностью впал в прострацию, ни на что не реагировал и молчал. В голове его – следует отдать должное, довольно объемистом предмете – в панике метались, спотыкаясь друг о друга две сиротливые мыслишки, одна из которых выражалась вариациями на тему "завалил задание", а вторая – "что теперь со мной будет? "

Какой счастливой еще совсем недавно казалась ему идея не красться к Азере тайно, как прошлые разы. В конце концов, как ни старайся, а подойти к планете совершенно незаметно все равно не удастся. Вон уже и слухи ползут о каких-то пиратах и контрабандистах, а рядом целый космофлот. Сцапают, доказывай тогда, что ты лишь выполнял при-

каз, извозчик ты, и о своем грузе даже представления не имеешь.

Очень уж соблазнительно показалось сэру Юргену подойти к Азере теперь вполне-себе легально, не таясь, под прикрытием передачи местной санации пойманной беглянки, Собственный план представлялся ему безупречным и изящным: передать беглянку, под шумок принять груз и отвалить к месту назначения. Да вот – на тебе! О грузопоезде – ни слуху, ни духу, на шею навязалась целая куча наглецов. Недаром говорит древняя мудрость, что инициатива наказуема. Отвечать перед начальством теперь придется по полной программе.

Между тем, под бдительным присмотром лейтенант-биопши были отданы все необходимые команды к старту и немедленно принят на свободный стыковочный узел челнок, оравший СОС... о чем, впрочем, ей тут же пришлось пожалеть, что не без злорадства отметил для себя сэр Юрген. Из челнока вывалилась невероятно красивая и столь же невероятно заносчивая особа женского пола, имевшая при себе двух вооруженных офицеров гвардии Компаний, тут же принялись выяснять отношения с людьми Фетмена. Каждая сторона очень хотела всыпать другой, что называется, "по первое число". Остановило кровопролитие только то, что у дамы с ее гвардейцами против спецназа лейтенант-биопши не было ни малейших шансов, а те, в свою очередь, не могли дотронуться до нее и мизинцем, поскольку она оказалась – с ума

свихнуться! – полномочным эмиссаром Объединенных Компаний. Командор-санатор смотрел в сторону, в конфликт даже и не пытался вмешаться, что было с его стороны вполне благоразумно. Впрочем, между Санацией и Компаниями испокон веков трения, и в эту свару можно было не ввязаться с чистой душой – начальство, в случае чего, в претензии не будет.

И уж совсем ниже травы и тише воды вел себя сэр Юрген спустя несколько часов, когда его со всей возможной бесцеремонностью вышвырнули из пилотского кресла, заменив на оконтакторенную воровку и хакершу. Положение шипа было критическим, как выпутываться из этого положения он представления не имел, а красавица биопша была в рубке, пожалуй, единственным человеком, не утратившим еще способности соображать.

– Ваши рассуждения, – презрительно усмехнулся Координатор, – типичны для гомо сапиенс, то есть устарели на целую геологическую эпоху. Смысл происшедшего вовсе не в том, что Империя проиграла схватку со Свободными мирами, оказавшись, как изящно выразился господин Заместитель Верховного санатора, совершенно к оной схватке не готовой. Ну-ка, объясните мне, в чем проявилась наша неготовность? Что именно мы должны были предвосхитить, что предпринять? Как, да и вообще к чему нам следовало подготовиться?.. Схватку проиграла не Империя, поскольку Империя ни с кем не воевала. Смысл происшедшего, сэры, совсем в другом. На Азере впервые гомо сапиенс вступил в прямое открытое противоборство с гомо супер, и человек оконтакторенный выиграл вчистую, что вполне естественно. Иначе и быть не могло.

Оба собеседника господина Координатора переглянулись. – Простите, сэр, но это явная натяжка, однозначно, – сказал Зам. Главного Санатора, бездарно изобразив на своей толстощекой физиономии раздумчивое выражение. – На нашей стороне играет вполне достаточное количество оконтакторенных. Полагаю, их у нас на много порядков больше, чем у...

– О чем это Вы говорите таком? – весьма невежливо пе-

ребил его Координатор. – Во всей вселенной львиная доля оконтакторенных это яйцеголовые. На втором месте с отставанием в десятки раз космос. На третьем армия. И только на четвертом управленцы, и то на сугубо исполнительских должностях. Или вы там у себя в санации такие продвинутые, что допускаете интов к руководству? Кто берет в расчет исполнителей? Речь идет именно о людях, принимающих решения, то есть, о нас с вами с одной, и о Азерски, Кулакоффе, Айно, с другой стороны.

– Не нас с Вами, а Вас, – не менее невежливо вмешался Генеральный акционер. – Вас лично с одной стороны, и Рекса Азерски с другой. Так будет точнее.

Координатор с подчеркнутой насмешкой покрутил головой.

– Не знал, что команду у вас в Объединенных Компаниях. Господа акционеры обо мне столь высокого мнения? Это радует. Вообще-то, я оказался в системе Сола совсем не в связи с азерским... э-э... инцидентом. Совпадение было совершенно случайное... а может, и не случайное. Может быть, кое-кто очень хотел втянуть в эту историю Имперского Координатора-колониалиста и имперские вооруженные силы? Самого-то меня в систему Сола привел интерес сугубо личный. Но выводы, весьма своевременные и жизненно важные для нашего общего Проекта, я сделал. Практические выводы, так что соответствующие программы уже запущены и идут полным ходом. Что касается печальных азерских собы-

тий, то фигурами в этой шахматной партии двигал, увы, не я. События, можно сказать, захватили меня врасплох.

– Не события, – не желал уgomониться Генеральный акционер, – разве что развитие этих событий по непредусмотренному сценарию. О самой акции Вы были информированы самым обстоятельным образом. И совсем не протестовали. Кстати сказать, Азерски появился в системе Сола в Вашей свите, уважаемый сэр. Не спорю, райан, как мне доложили, он прижал весьма качественно. Но почему-то он получил от Вас в награду именно отпуск... о котором не просил, насколько я знаю, но которым не преминул так блестяще воспользоваться. Нет-нет, уважаемый сэр, не надо все сваливать на Компании, – Генеральный акционер просто истекал желчью.

– Будь, по-вашему. Скучно мне спорить по пустякам. Однако я повторяю свой вопрос – что бы вы сделали, оказавшись на моем месте? Устранили Азерски? А когда вы поняли масштаб этой фигуры?.. а, сэры?.. Когда смогли оценить все его значение для... э-э... так сказать, судеб Империи в целом?.. Когда поняли, что устранение этой личности есть неперенное условие самого нашего с вами существования? Да и поняли ли? Если нет, то я вам об этом сообщаю как об истине в последней инстанции. Жизнь... точнее, как бы это сказать... э-э... функционирование комта Азеры как автономной самостоятельной личности, категорически несовместимо с нашим с вами функционированием. Но когда я сам

сумел осознать этот прискорбный факт, было уже слишком поздно. Оказалось, что в моем распоряжении к этому времени уже не имелось возможностей для исправления этого прискорбного положения... э-э... реальных и сиюминутных – подчеркиваю, сиюминутных возможностей.

– Извините, – Генеральный акционер был крайне настойчив, – но в деловых кругах Ваша позиция понимания не находит. В Совете Акционеров Компаний не знают, что и думать. В сущности, Вы бросили гвардию Компаний на заклание, так сказать. Вы могли наплевать на всяческий политес и вмешаться в конфликт лично. В конце концов, за Вашей спиной была вся мощь эскадры гроссадмирала Хилтибранта. Да и вообще у Вас была масса возможностей разобраться со строптивыми комтами Азеры.

– Координатор вскинул на собеседника глаза и тихо сказал:

– Господа акционеры, как всегда, имеют желание загрести жар чужими руками. И их совсем не волнует судьба этих рук, они же чужие. Разве гвардия присутствовала там официально? Официально это были возмущенные народные массы. Мятеж это был против законной власти, если официально. Да и вообще, – передразнил он Генерального акционера, – Вас плохо информировали. Надавить я, видите ли, пытался. Только вот у меня, у недотепы, не получилось.

Генеральный акционер пружинисто поднялся со своего места и с угрюмым видом принялся прохаживаться по руму.

– Оказалось, – продолжал Координатор, – что я имел неточное, неполное, да что там – просто искаженное представление, как о своих возможностях, так и об общей расстановке сил, уважаемые сэры. Рекс Азерски видел проблему не только вернее и глубже, он просчитал конфликт как шахматную партию на много ходов вперед. Вплоть до самого мата. К стыду своему я должен признать, что Азерски просто использовал меня, чтобы попасть на Азеру без помех. Я-то полагал... э-э-э... ну, скажем так, решить кое-какие проблемы за его счет именно когда он будет в пути... по дороге на Азеру, словом. Он вообще не должен был до нее добраться. Я даже организовал для этого на рейсовом конвертоплане некие, как бы это сказать... мероприятия. Но Азерски разрушил мои планы. Что касается дальнейших событий... Разумеется, энергетической мощи эскадры хватило бы, чтобы распустить на атомы эту чертову Азеру вместе с ее строптивыми комтами... правда, что вместе с ними, это, конечно, не факт. Но сэры, назовите мне хоть одного политического деятеля в истории, который решился бы на подобный шаг в... э-э... подобных обстоятельствах? Нет, сэры, вы такого не знаете, и не потому, что невежды, а потому, что его не существует в природе. И никогда не существовало.

– Акция проводилась в интересах всей Империи, – выкрикнул Генеральный акционер, – а вовсе не только Компаний!

– Не спорю, – согласился Координатор. – Это так и есть.

Но нужна ли, скажем, любому из вас победа Империи ценою вашего собственного самоубийства? Как вы полагаете, сэры, что сделали бы мои... чуть не сказал – враги... мои наследники и конкуренты?.. А всяческие заклятые друзья, все эти коллеги, партнеры по бизнесу и политике?.. прочие заинтересованные лица?.. Долго ли я усидел бы в Координаторах? Ну, а во-вторых, трагический конец независимого мира, который предпочел погибнуть, но не уступить шантажу Империи, стал бы началом конца самой Империи. Империя одряхла, сэры, крайне одряхла и близко, как бы это сказать, приблизилась к своему концу... э-э... существования. Коллегиальное управление себя изжило. Правящая элита просто не способна управлять всей этой рыхлой и неповоротливой массой миров. Империя сегодня нуждается в диктатуре... – Координатор взглянул на собеседников и поспешно прибавил, – триединой диктатуре. Военной, экономической и теолого-идеологической. Смотрите, даже Азерски при всем традиционном для их семейства демократизме раздавил на своей планете эту самую демократию к чертовой бабушке. Он ввел у себя чрезвычайное положение и прямое Вице-королевское правление. Кстати, сэры, обратите внимание, что структура правления Азерой в точности соответствует намеченной нами – у них там, похоже, тоже триумвират.

Генеральный акционер немедленно выдал очередную ироническую ухмылку.

– Простите, сэр, но считать в пределах десятка я тоже

умею. Рекс, Старая Дама, Кулакофф и Айно, это четыре, а не три.

– Рекс делами Азеры заниматься не будет. Не обольщайтесь. Не его масштаб. Он займется созданием для Империи консолидированного внешнего врага. Коалицией Свободных миров он займется. Это, во-первых. А во-вторых, он начнет объединять оконтакторенных, то есть создавать нам врага внутреннего. Для кого-нибудь из вас секрет, что инты недовольны?.. Нет?.. Место интов в иерархии Империи, конечно же, не соответствует их реальному значению даже сегодня. А завтра? Азерски может вполне рассчитывать на них. Если и не вполне как на врагов Империи, то как на врагов имперской элиты – безусловно.

– Наша элита, почти весь ее верхний слой, – продолжал Координатор, – не имеет контакторов. Как показала азерская эпопея, элита Империи практически недееспособна, и никакие деньги поддерживать дееспособность скоро уже не смогут совсем. Увы. Мы с вами здесь и собрались потому, что единственные среди имперской верхушки отдаем себе в этом отчет. Мы готовы взять на себя бремя полномасштабной власти, но, уважаемые сэры, на наших висках тоже нет контакторов, а без них у нас нет ни единого шанса удержаться на вершине пирамиды. Нас скинут наши собственные оконтакторенные помощники точно так же, как некогда наши с вами предшественники Координаторы Высшего имперского Совета свергли... э-э... сменили на вершине имперской пира-

миды выродившуюся имперскую аристократию во главе с главным придурком – императором. Кем координаторы тех лет были, собственно говоря? В сущности, всего лишь среднеранговыми чиновниками в системе исполнительной власти, правда, сидевшими на ключевых местах. Более умные убирают со своего пути более глупых. Это аксиома.

– В системе санации такое невозможно, однозначно, – безапелляционно заявил санатор. – Да и у вас обоих, я думаю, это не так-то просто сделать.

Генеральный акционер желчно хмыкнул.

– Да бросьте Вы, в самом деле! Вы-то сейчас чем занимаетесь, не шефа ли своего любимого собрались мочить? В общем, наш хозяин тут совершенно прав. Услужливый дурак, знаете ли, всегда предпочтительнее ретивого умника. И Вас самого шеф выбирал по этому же принципу. Просто некоторым хитроvanам – не будем ни в кого невежливо тыкать пальцем – ловко удастся прикинуться шлангом и бестолочью. Так ловко, что я и сам иной раз покупаюсь... Ни один руководитель не терпит возле себя умников. А всех прочих подозревает в хитрозадости. Смотришь иной раз в такие вот совершенно невинные и жутко преданные глаза, и думаешь, а не пора ли тебя ротировать и брать к ногтю, такого всего из себя придурковатого и преданного? Кстати, Вас-то самого шеф не подозревает?.. нет?.. а то он у вас мужик простой и без комплексов. Пукнуть не успеете, однозначно, – передразнил он санатора. Санатор надулся.

– Вот вам, сэры, пожалуйста, еще один штришок к проблеме пользы от знания истории, – с легким смешком сказал Координатор. – Это стало уже общим местом, что любая элита со временем вырождается. Но каков механизм этого процесса?

– Если мы Вас сейчас не спросим, это Вас не остановит, правда? – желчно сказал Генеральный акционер. – Вы все равно осчастливите нас самым подробным ответом на вопрос, который мы не задавали. Так что, давайте-ка, я лучше сразу спрошу. Для экономии времени. Ну, и каков этот механизм?

Координатор согласно покивал головой и продолжал:

– В основе его сама власть и лежит, а именно те принципы, которые Вы только-что упоминали. В конечном счете, это дихотомия элита-быдло. Все хотят относиться к элите, и никто к быдлу. Новая элита возникает на сломе эпох, когда подчиненными людьми, чуть ли не всеми без исключения, неудержимо завладевает новая идея. Я имею в виду, идея, которую старые элитарии освоить не способны, поскольку она, идея, угрожает самому их существованию, их власти. Она, идея, всегда провозглашает видимой целью завоевание в очередной раз царствия небесного на этом свете. Рождают ее всяческие идеалисты, но новорожденную властную элиту составляют, естественно, совсем не они и, уж конечно же, не быдло. Пока идеалисты воюют за всяческие суверенитеты, свободы слова и прочие благоглупости, вроде человеческих

прав, власть прибирают к рукам деловые люди, кто ж идеалистов подпустит к власти? Стоит им только к власти приблизиться, их оплюют, оклеветают, вываляют в дерьме, пристрелят из-за угла, наконец. И никто их не поддержит, потому что святой принцип деловой жизни – "ты мне, я тебе" им, бескорыстным, непонятен. А у деловых людей у каждого свои интересы. Их надо согласовать. Делиться надо!

Координатор со вкусом хохотнул.

– Итак, победа. Наступает время дележа мест и доходов, дележа власти и расстановки своих людей внутри... э-э... всего. Ну а любое начальство, как Вы, сэр Генеральный акционер, совершенно справедливо заметили, при подборе кадров исходит из следующих принципов: раз он руководит и все не разваливается, в его интересах обеспечить и поддерживать "статус кво". Его аппарат должен, прежде всего, обеспечивать устойчивость его собственного места. Следовательно, аппарат должен быть, во-первых, лично руководителю предан, то есть, организован по принципу клики – я тебе, пока ты мне. Ну а во-вторых – и это самое главное, господа! – никто в аппарате не должен превосходить начальника умом, дабы не появилась у подчиненного крамольная идея спихнуть начальника с руководящего стула. В итоге, при подборе сотрудников исходят не из пресловутой "максимальной компетентности", эффективности и других подобных идеалистских благоглупостей, а из идеи личной преданности руководителю, да-да, именно так, не лицемерьте, сэр Санатор,

оставьте идеализм идеалистам и прочему несерьезному народу.

Координатор оглядел собеседников и сокрушенно покачал головой. На лице Генерального акционера видна была только скука и злость, а санатор глядел на мир глазами жирными и мелкими как лужа на асфальте.

– Очень грустно, господа, что вы не хотите вчувствоваться в... э-э... философию истории. Это есть наша база, наше все, квинтэссенция, суть, основа и фундамент, сэры. Все станет для вас совершенно очевидно, если рассмотреть ситуацию не из кресла руководителя, а со стула аппаратчика. Благ катастрофически не хватает, господа, а одаряют ими лица начальствующие! Люди, а не идеи. Идеи – они витают, а люди существа приземленные и хорошо знают, с какой стороны бутерброд намазан маслом. Наличие идей обретению благ только препятствует. Ну, так какая судьба ждет идеи в недрах аппарата, этого вам можно и не говорить, верно? В основе любого аппарата лежит двойной стандарт – блага для себя, идеи для быдла. В нем культивируется личная преданность, "чего изволите", полное отсутствие сотрудников умнее начальства. А следствие из этого такое: каждое последующее поколение руководителей в подметки не годится предыдущему, поскольку рождается оно внутри аппарата из тех же аппаратчиков, а все, что умнее, действующим начальством вокруг себя было загодя выполото и выкорчевано. Каждая смена поколений к власти приводит все более

глупых и недееспособных людей. Проходит несколько поколений, и у руководства оказываются такие пьяные бездари с дрожащими лапками, такие никчемности и лизоблюды, что наступает неизбежный карачун для всей руководимой системы... А теперь разберем наш с вами случай. Хотим мы того, или не хотим, но нам придется в самое ближайшее время допустить до ключевых постов на всех уровнях руководства "гомо супер". Без них с управлением Империей сегодня просто не справиться. Ну и под конец вопрос на засыпку: как долго "гомо супер" будут терпеть над собою наши художества?

– Вы нарисовали нам чрезвычайно безрадостную картину, – сказал Генеральный акционер с изрядной долей злого сарказма в голосе. – Если все обстоит, как Вы говорите, тогда дело швах, знаете ли ... да... Прямо так вот сразу и тянет на операционный стол. Контактторы вживлять. От отчаяния.

– Боюсь, что это было бы совершенно бесполезно даже при удачном исходе операции, – в тон ему ответил Координатор. – Мало заполучить контактторы на собственные свои виски. Надо еще стать интом. А это требует времени, которого у нас нет, и боли, которую мы не любим и боимся. Идя таким путем, мы по своим способностям никогда не сможем даже приблизиться к тому же Рексу Азерски. Мы и здесь безнадежно опоздали.

– Подумаешь, боль... – презрительно скривился акционер. Координатор вздохнул.

– Ну, сэр, не скажите. Самый процесс, так сказать... э-э... обретения интуиции, крайне болезненный. Даже мучительный. Иницируют его стрессы, что само по себе скверно, а уж боль, которая его сопровождает, это, доложу я вам, нечто...

– Ну, сэры, вы даете, – сказал Заместитель Генерального санатора. – В какие такие догонялки вы собрались с Азерски играть? Догнать его мы ни при каких условиях не догоним. Он, имеются донесения, обращается с чужими мозгами как с собственным компьютером – читает, управляет, программирует, перепрограммирует... хозяйничает, одним словом. Вы-то сами, кстати, как? – обратился он к Координатору, – Вы имели с ним непосредственный контакт. Ничего такого не заметили?.. нет?.. Имейте в виду, от него фантомом не отгородишься. Он и через фантом достанет, однозначно. Тот еще фрукт. Его не догонять, а убивать надо. Не медля. Если мы и тут тоже, как вы говорите, уже не опоздали. Я не теоретик. Я практик. Во всяком случае, я всем нам особо обольщаться не советовал бы. Говорю, как профессионал.

– Зачем же мы тогда с такими предосторожностями, конспирируя и прячась от всего мира, сюда пробирались? – злобно выкрикнул Генеральный акционер. – Чтобы расписаться в собственном бессилии? Чтобы вздернуть лапки кверху? Может, нам пора уже начинать Рексу Азерски задницу лизать, раз у нас других шансов нету? Вскидывать, так сказать, на подножку экспресса, пока он еще в тоннеле не

скрылся?

– А вот насчет шансов, я с Вами поспорю, – тихо сказал Координатор. Шансы у нас есть. И немалые. У древних в ходу было совершенно замечательное ... э-э, как это... формулировочка: "Время это деньги". Улавливаете мысль? Деньги-то пока еще у нас.

Платформа вылетела на вершину холма и остановилась. Крысы остались внизу в ржавом тумане, но уже то, что они прекратили преследование, не предвещало беглецам ничего хорошего. Скорее всего, по ту сторону холма была стая гамадрилов, если не что-нибудь похуже. Откуда взялась вся эта нечисть? Места были относительно благополучные, раньше подобного тут не встречалось. По крайней мере, в таких количествах. Наверное, бежали подальше от Гнезда, спасаясь от бушевавшего там боя.

Вершина холма была почти свободна от смога, но до базы оставалось еще добрых километров десять. И было совершенно непонятно, какой прием ждет там оставшихся в живых беглецов. Комендант базы себя ничем перед Гнездом не скомпрометировал, так что вполне может не только не дать флаттер-челнок, он и арестовать может. Захочет выслужиться перед Азерски, охнуть не успеешь, как окажешься под замком. Да и эта самая "Лиловая Звезда" способна стартовать отсюда к чертовой матери в любой момент. Раз уж пошла полоса невезения, очень даже способна, хоть бы прямо и из-под носа.

Кто-то весьма невежливо толкнул Ховрина в бок. Ховрин оглянулся. Изодранная окровавленная одежда, встрепанный колтун на голове, закрывающая лицо маска респиратора —

попробуй определить, кто бы это мог быть.

– Стас! Что будем делать? – Судя по голосу, это был молодой Виктор Бюллер, с которым сыграла злую шутку любовь к экзотическим напиткам. Не пойдя он к Ольгерду лакать земное вино, сидел бы вместе с папашей и сестрицей у себя на десятом уровне, надежно отсеченный от бунтующей черни седьмым санаторным. Бюллеры не пакостили Азерским лично, капитуляция им, надо думать, ничем не грозила. А теперь приходится ему спастись в сомнительной компании бывшего Координатора если и не от Азерских, то от разбушевавшегося быдла, а что хуже – еще не известно, уважаемые господа, вот так то.

Все уцелевшие торопливо набивали запасные обоймы, но вряд ли на платформе был хоть один человек, который не понимал бы, что еще одной такой передраги они уже не переживут.

Столкновение с крысами дорого обошлось беглецам. Из биопов, сидевших по периметру платформы, не уцелел ни один. Да и находившимся в середине тоже изрядно досталось. Рыжий биоп, приставленный к лазерной пушке, тот самый, что темечко продолбил Ховрину этой своей чертовой тактикой штурмового боя на ограниченном пространстве, исчез. Все сиденье пушки было заляпано свежей кровью. Исчез и Вэл Азерский, втавивший остальных в эту жуткую авантюру... что было совсем уж скверно, поскольку теперь на платформе не осталось ни одного человека, мало-маль-

ски разбирающегося в военном деле. Впрочем, что значит "втрывивший"? К середине дня и таракану стало ясно, что для всей азерской верхушки был один лишь способ уцелеть – удрать с планеты на "Лиловой Звезде", причем спастись надо было отнюдь не только от Рекса со Старой Дамой. Просто Вэл, некогда военный имперского ранга и вращавшийся в кругах, понял все про эту самую Боди и прочих пауков в банке раньше всех... если не считать паразита Фетмена. Вот уж от кого никак нельзя было ожидать такой прыти. Случайность? А может, это он, Ховрин, прежде недооценивал своего однокашника и компаньона?

Ховрин всегда полагал, что знает истинную цену своим бывшим однокашникам, а ныне коллегам по Совету, да и всем этим тоже, которые из Экономической комиссии. Он был единственным членом Совета, попавшим в его состав не благодаря толщине личного или кланового кошелька, но пробившимся благодаря энергии, уму и деловой хватке. Ну, и связям, разумеется, конечно же, связям. По меркам других членов Совета, он был сущий бедняк, так что по собственному вполне искреннему ховринскому мнению, наличие у него личных корыстных интересов было вполне оправдано и логично. Тем более что не только Фетмен, оказавшийся на острие своего бандитского клана, но абсолютно любой из коллег по Совету и Комиссии руководствовался в своей работе тоже, знаете ли, отнюдь не альтруистическими общепланетными интересами. На словах-то во краю угла у всех

азерских государственных мужей всегда стояли интересы народа Азеры, вот только на поверку они неизменно оказывались интересами Объединенных Компаний... однако, однако и еще раз, однако же, не только! У любого из них всегда находилось место и для собственного корыстного интереса... в очерченных Компаниями рамках, разумеется. Маленького и скромного интереса, если по имперским масштабам, но – своего! Личного! И когда рухнула сила, державшая их вместе, давившая – да, но и одарявшая благом утоления жажды денег и власти, столкновение интересов стало неизбежным. Пауки. Пауки в банке. Каждый жрет каждого, и всем наплевать на всех.

Как Рекс встретил вторжение! Как он его встретил!

Совет и Комиссия собрались почти в полном составе. Отсутствовали только старший Бюллер, Фетмен и силовики. Для банкета Ольгерд избрал Центральный Рум Управления Движением. Грузоперевозки уже были практически прекращены к чертовой матери из-за скрыплов, причем во всем Городе, а не только в Северной шахте, так что ЦРУД все равно бездействовал. Все технари ЦРУДа с утра только тем и занимались, что настраивали бесчисленные экраны инфоров зала на панорамный показ Долины Предков. Ольгерд уже примерял к себе кресло Председателя Совета Координаторов, он даже с Эни Боди позволял себе разговаривать, цедя слова через нижнюю губу. Идея предоставить элите Азеры возможность с максимальным комфортом, да еще под настоящее

земное игристое вино наслаждаться эпохальным зрелищем – крахом династии грандов Первой империи, показалась этому крестину чем-то вроде его собственной инаугурации.

Честно говоря, Стас Ховрин отнюдь не рвался к этому зрелищу. Но – с крысами жить, так сказать, по-крысиному и питаться. Не пойти означало подписать себе как политику смертный приговор. Последнее время он то и дело задавал себе вопрос: неужто никто вокруг не видит, что с появлением в Городе скриплов положение на планете кардинально изменилось? Неужто опыт Рибартона никого ничему не научил? Пока скриплов еще относительно немного, но они практически уже вытеснили людей из Северной шахты. Разведчики говорят, что все пещеры над Пульсаркой битком забиты зеленой икрой. Что будет, когда скриплы полезут наружу из всей этой икры, об этом не хотел – или не мог, не умел? – думать никто. Начальство велело бить Азерских, а скриплов бить – такого приказа не было, и что из того, что оно начальство об этих самых скриплах представления не имеет?

Имперская государственная машина, как всегда, демонстрировала чудовищную неповоротливость и инерционность. Однажды запущенный маховик неумолимо продолжал наращивать обороты, и горе тому, кто попытался бы хоть как-то повлиять на его движение. Гвардейцы Объединенных Компаний орудовали на планете как на оккупированной территории. На Совет Координаторов они просто плевали. Чуть ли не всю санацию планеты – даже курсантов – забрали с со-

бой и превратили во вспомогательные части. Поставили, так сказать, в положение "прислуги за все". Оставшихся в Городе санаторов едва хватало на охрану нижних ярусов. Даже за-слоны против скрыплов были сугубо символическими. Остало-лось только надеяться, что известия о появлении скрып-лов в других шахтах были лишь паническими слухами.

Стол, как выражался сам хозяин, "а ля фуршет" был на-крыт на платформе охраны, зависшей над полом пример-но в двух третях высоты рума. Внизу в эффектном ракур-се инфорами был воссоздан голографический портрет Доли-ны Предков. Впрочем, это был не портрет, это был динами-ческий голографический слепок, демонстрируемый в реаль-ном времени. Общество сгрудилось у стола, с веселым го-моном разливало по бокалам пенящийся напиток и дружно разбирало по тарелкам деликатесные закуски.

– Господа, господа, – перекрывая общий гомон, вопил Ольгерд, – смотрите, гвардия пошла. За победу, господа, до-лой тиранов, да здравствуют прогресс и идеи!

Винтокрылы, десантные кары и прочая военная машине-рия отсюда, сверху и в самом деле смотрелись очень внуши-тельно.

Вэл Азерски стоял с бокалом в руке чуть в стороне от прочей публики. Породистая физиономия его вид имела несколько усталый, хмурый, может быть, даже слегка пре-зрительный и брезгливый. Ховрин подошел, встал рядом.

– Как Вы думаете, Вэл, эта операция... она не займет мно-

го времени?

– Господа, – отрывисто сказал Вэл, демонстративно не глядя на собеседника, – я никогда не любил и не люблю тетку Калерию, но, чтоб вы знали, я ею восхищаюсь. И всегда восхищался. Разумеется, вставать на пути Объединенных Компаний или, как выражается наш хлебосольный хозяин "на пути прогресса и идей" я считаю донкихотством и чуть ли не глупостью... – он взглянул на ошарашено тарасившегося Ховрина и скривился, как от лаймона, – а, неважно. Я с вами, но не ждите от меня восторгов по поводу гибели великого рода.

– Простите, – тихо сказал Ховрин, – я как-то не подумал. Простите...

Как он теперь понимал, именно это извинение и спасло ему жизнь. Без Вэла гвардейцы Боди прихлопнули бы как муху среди прочих и его тоже, а уж прорываться из Города на грузовой платформе сквозь толпы озверелых мародеров ему просто не пришло бы в голову. Да, тысячу раз права была Старая Дама, когда не хотела пускать на Азеру люмпенов из Старых Миров.

– Вы совершенно правы, – осторожно сказал Вэлу Ховрин. – Смотрите, какая силища прет. У Гнезда, мне кажется, нет ни одного шанса.

– Если бы шансов не было, – возразил Вэл, – Рекс ни за что сюда бы не полез.

– Вы хотите сказать...

– Я ничего не хочу говорить, я выражаю надежду и собираюсь наблюдать. Кстати, снизу будет много лучше видно. Основные события разыграются не в Гнезде, а вот там, – и Вэл ткнул пальцем в Ошбу. – Я спускаюсь. Если хотите, идемте со мной.

Вэл повернулся и стал спускаться с платформы вниз. Ховрин устремился следом. Спустившись на пол рума, он обнаружил, что с ними увязался и младший Бюллер, так и не выпустивший, однако, из рук бутылку шампанского. Бюллер – старший, хитрый старый лис, и здесь умудрился подстелить-таки себе соломки, и появлению сына на ольгердовой попойке не воспрепятствовал. Для этих сын замещал больного отца, а для тех, ежели что – ну, очень уж хотелось юноше отведать настоящего земного винишка. Что взять с шалопа?

Вэл напряженно вглядывался в голограмму и что-то бормотал себе под нос. Ховрин прислушался. "Почему он не стреляет, сейчас будет поздно, поздно, поздно...", – и тут долина будто взорвалась грохотом и огнем. Земля, воздух, все пространство голограммы оказалось переполнено мечущимися машинами, ракетами, взрывами, раздирающими эти машины и ракеты в мелкие дребезги, растянутыми в сверкающие полосы пленками лазеров, разносящими на атомы все, что попадалось на их пути. Ховрин содрогнулся, представив себе, каково приходилось среди всего этого ада людям, а прямо над ухом у него со всхлипами взвизгивал Вэл:

"Ай, как он их! Ай, как красиво! Ай, как... стоп, а это что еще за?.." И в ту же самую минуту произошло нечто... нечто странное, непонятное и невероятно страшное. Голограмма Долины вдруг скрутилась самым диким и противоестественным образом, как если бы из нее вдруг выпали или вывернулись наизнанку целые фрагменты. Нападающие машины, только что находившиеся в самых разных местах Долины и на самых различных вертикальных уровнях, оказались захвачены циклопической спиральной воронкой, неудержимо тащившей их в одну общую точку, а уже в следующее мгновение всю эту воронку накрыла чудовищной мощи огненная волна.

И все кончилось.

И все началось...

Когда погромщики попытались преградить дорогу их платформе, Вэл без малейших колебаний пустил в ход огнеметы. Вокруг свистели иглы, на пути то и дело буквально из ничего на глазах возникали баррикады. Платформа плевалась огнем, поливала огнем и мчалась сквозь огонь, порождаяемый и ею самой, и громилами, люмпены разбегались, как тараканы, из всех щелей платформу засыпали бутылками с какой-то горючей дрянью и вообще всем, что только можно было бросать. То один, то другой из окружающих охранников и спутников летел в огонь под колеса с разбитой головой или иглой между глаз, так что когда платформа вырвалась из шлюза на поверхность, Ховрин – экая наивность! – подумал,

что худшее уже позади.

– Куда мы теперь? – спросил он Вэла.

– На Урученскую базу. Загрузимся во флаттер-челнок и – на Лиловую Звезду.

– А если комендор базы не захочет дать челнок?

– Тогда возьмем силой. Это наш единственный шанс.

И вот теперь, после жуткого марш-броска сквозь гамадрильи и крысиные стаи, можно было констатировать удручающую истину: этого самого "единственного шанса" у жалкой кучки беглецов, оставшейся от вырвавшегося из города отряда, больше не было. Там, в Уручене им останется лишь отжаться на милость коменданта... если они доберутся до базы, разумеется. Ховрин вдруг поймал себя на мысли, что ему – ну да, именно так – просто жалко Рекса, которому после столь блестящей победы теперь волей-неволей придется разбираться и с Городом, и со скрыплами, и со всем тем, что Совет успел натворить на поверхности. А люмпены? Назад Старые Миры всю эту сволочь уж точно не возьмут, а перебить их как крыс у Рекса рука не поднимется, это точно. Что касается Города, хочет того Рекс, или нет, Город существует и никуда теперь уже не денется. Он есть. Это данность. И Рексу обязательно понадобятся люди, способные с ним управляться... ну, может, и не обязательно, но вот этот шанс для него, Ховрина, воистину единственный и последний.

В клубящемся внизу смоге обозначилось движение. Кто-то, совершенно не скрываясь, поднимался к вершине холма,

и направлялся этот некто явно в сторону платформы. Возня на платформе мгновенно прекратилась. Все повернулись лицами к Ховрину, безоговорочно признавая в нем вожака.

Ховрин ухватил за плечо ближайшего биопа и мотнул головой в сторону плазменной пушки. Биоп плюхнулся на сидение, и пушечная турель, взыв сервоприводами, стремительно развернулась, готовая засыпать склон холма энергетическими корпускулами. Ржавый туман расступился, и... Ховрину вдруг очень захотелось протереть себе глаза. На какое-то мгновение он ощутил себя внутри телетаксерного сериала "Пауки Вселенной". Уперев левую руку кулаком в бедро, и энергически помахивая правой, весь с головы до ног увешанный всяческим смертоубийственным железом, упругой походкой, так хорошо знакомой бесчисленным мирадам человеческих существ всех обитаемых миров, к нему приближался сам Макс Гронкс... вот разве что возраст его соответствовал еще первому десятку сезонов сериала. По сторонам и чуть сзади, как бы "прикрывая" шефа и вожда, перемещалось "на полусогнутых" еще несколько столь же юно колоритных суперменов, в руках сжимавших всяческие бластеры и базуки. Причем стволы оных были недвусмысленно направлены в сторону платформы.

– Кто такие? – рявкнул Гронкс простуженным басом. – И чего это вы тут шляетесь среди боевых порядков? Чего это вы тут вынюхиваете?

Присутствующие снова повернулись к Ховрину.

– Я – координатор Ховрин, – сказал тот. – И я здесь по делам службы. А вот что вы здесь делаете?

Все суперменство слетело с юного курсанта в мгновение ока. Вытянувшись в струну и кинув к виску правую длань, он проорал:

– Отряд курсантов Центрального высшего училища са-
нации в полном составе находится при исполнении особо-
го задания командования. Докладывает старший по команде
старший курсант Макс Гронкс.

Ховрин с удивлением отметил, что лицо "старшего по ко-
манде" уже закрывает положенный по уставу респиратор.
Когда успел?.. И вообще приятно, что хотя бы здесь слово
"координатор" не успело еще утратить своего магического
значения.

– Это что же, тебя так и зовут – Макс Гронкс?.. в смысле,
это твое имя – настоящее?

– Так точно! Родители купили мне на совершеннолетие
новое имя, так сказать, в честь, потому что я получился по-
хожий.

– Что же тут у вас за задание такое, и как это курсант вдруг
оказался старшим по команде? Где офицеры?

Вот тут-то и выяснилось самое интересное. Оказалось,
что курсанты училища должны были перекрыть дорогу от
Гнезда к Урученской базе, где находился единственный на
планете флаттер-челнок, способный длительно функциони-
ровать в открытом космосе. Портовые челноки, предназна-

ченные для доставки пассажиров на рейсовые конвертопланы и обратно, в счет, естественно, не идут. По замыслу гвардейских стратегов, этот заслон должен был исключить для "птенцов гнезда Айвенова" возможность к бегству с планеты.

Курсанты оседлали шоссе и коротали время за всеми доступными им развлечениями, а именно: флягами из задних карманов, картишками и сигаретами с травкой. Попутно они расстреливали все живое, рискнувшее появиться вблизи боевых порядков. Что касается офицеров, то большая часть из них во главе с начальником училища коммодором Корном исчезла еще задолго до марша. Оставшиеся совсем не вмешивались в курсантские развлечения, поскольку заняты были, что называется, "выше крыши" сообщениями с поля боя. И если курсантов только повеселило известие, что Гнездо разделало гвардейцев как мясник кролика, то офицеры от этого известия чуть ли не впали в ступор. Так что когда часа два назад в боевые порядки училища плюхнулся легкий прогулочный винтокрыл с очень красивой женщиной в сопровождении двух надутых как индюки гвардейских офицеров, училищное начальство исчезло вместе с ними, возложив обязанности старшего по команде на курсанта Гронкса. Как предполагал Ховрин, сделано это было исключительно потому, что Гронкс был единственным из всех старших курсантов, который к этому времени более или менее твердо держался на ногах... а может, просто первым подвернулся

под руку. Предписано было старшему курсанту Гронксу "выполнять боевую задачу и ждать дальнейших распоряжений". О том, что офицеры его банально "кинули", курсант, похоже, даже не задумывался, ел глазами начальство и ждал распоряжений, дабы исполнять оные со всем возможным усердием и рвением.

За спиной Ховрина раздался тяжелый вздох Виктора Бюллера:

– Как он сказал? Красивая женщина и два гвардейца?

– Очень красивая женщина, – ядовито поправил Ховрин. – Так что наше дальнейшее движение к Уручену, похоже, потеряло смысл.

– Ты думаешь...

– А что тут думать? Челнок на базе только один. Если это наша уважаемая эмиссарша, он стартует с минуты на минуту... о, смотри!

Из ржавого тумана вырвалась зеленая молния и, стремительно набирая скорость, устремила в зенит. Через несколько мгновений раздался оглушительный рев ионных двигателей и, разнося в клочья ржавый туман, налетела воздушная волна.

– Слышал? С нею было только два офицера, – вздохнул Виктор, проводив глазами взлетающий челнок. – А остальные, ну, которые в Городе окаянствовали по ее приказу? Она и гвардейцев кинула, паскуда!

– Какие будут приказания, господин Координатор? – за-

орал вдруг курсант Гронкс таким дурным голосом, что оба собеседника даже подпрыгнули от неожиданности.

– Приказания?.. ах, ну да, приказания... Собрать ко мне командиров подразделений для постановки задачи.

Ховрин взобрался на платформу и выпрямился, думая про себя, что отсюда, с высоты он будет выглядеть гораздо внушительнее, маленький рост, из-за которого его в школе однокашники дразнили "горожанином", всегда был его тайной – так он, во всяком случае, думал – ахиллесовой пятой.

– Господа курсанты, – обратился он к обступившим платформу молодым людям – Пользуясь полномочиями, присвоенными мне конституцией Азеры, я, Координатор Станислав Ховрин, на поле бо... в общем... так сказать, боевой задачи... досрочно произвожу курсантов Азерского высшего училища санации, исполняющих обязанности командиров подразделений, в младшие лейтенанты!

Дальнейшая его речь была прервана восторженным ревом луженых глоток, а Виктор, глядя на приятеля во все глаза, мысленно аплодировал ему. Не надо было быть великим мыслителем, чтобы понимать, что эти молодые люди отныне за своего Кординатора порвут горло кому угодно... если, конечно, Рекс допустит это сделать.

– Старшему курсанту Максу Гронксу, принявшему на себя командование училищем после того, как его руководство... э-э... в сложнейших боевых условиях... приближенных, так сказать, и вообще... – Ховрин чуть было не за-

явил во всеуслышание о дезертирстве офицеров училища, но вовремя спохватился, делать подобные заявления впопыхах было, пожалуй что, и недальновидно, — повторяю, в сложнейших условиях, да, так вот он, минуя чин младшего лейтенанта, производится в лейтенанты.

Переждав новую волну восторженного рева, он продолжал:

— Лейтенант Гронкс, прошу подготовить мне на подпись соответствующие документы... Минутку, лейтенант! Документы вы мне подадите во время марша. Какие у училища средства передвижения?.. Платформы на воздушной подушке?.. Прекрасно. В городе беспорядки. Подрывные элементы, о которых не раз предупреждала Совет госпожа комтесса... жаль, конечно, что Совет вовремя не прислушался, человеческий эгоизм не имеет границ... м-да... Нас дурили! — он широким жестом обвел вокруг себя рукой, как бы объединяя всех присутствующих в одно единое сообщество дуримых и отделяя от тех, злонамеренно и даже злодейски дуривших. — Так вот, мы никогда! Мы всегда на стороне закона и законной власти, освященной вековыми традициями! Подрывные элементы, пользуясь, так сказать благоприятным моментом — как то: отсутствием сил санации, и все такое, подняли вооруженный... м-м... грабеж. Наша с вами задача беспорядки пресечь и поддерживать в Городе порядок вплоть до передачи власти в нем представителям... м-м... законной власти. Объявляю во всеуслышание и твердо, так сказать,

клянусь, что все курсанты, отличившиеся во время принуждения подрывных элементов к... м-м... порядку, будут награждены, в том числе и досрочным производством в чин. Как, судари мои, господа младшие лейтенанты, вы, во главе с лейтенантом Гронксом, сможете справиться с поставленной задачей?

– С полпинка! – радостно заорали новоиспеченные офицеры. – Нас учили! Да мы этих козлов – в иглы!.. в огнеметы!.. Да мы их – как клопов по стенкам!

На платформу одним прыжком взлетел новоиспеченный лейтенант Гронкс. Подсунувшись к уху Ховрина, он прогрохотал оглушительным – прямо как в телетаксерном сериале – шепотом:

– На связи в моем коммуникаторе седьмой уровень. Требуя самого главного.

– Слушаю! – рывкнул Ховрин в подсунутый коммуникатор с чуть ли не полковничьими интонациями в голосе. Однако коммуникатор ответил ему поистине генеральским рыком.

– Какого черта?! – ревели динамики хриплым героическим баритоном. – Я вас спрашиваю, какого черта вы все там делаете?! Вы что там яйца высиживаете? Цыплят надеетесь вывести? Из ваших яиц цыпята не вылупятся! Их вообще следовало бы давно оторвать к неблагозвучной матери! Какого черта вы еще не в Городе? Кто вы такой?.. вы не коммодор Корн, где коммодор, черт побери?!

– Я координатор Ховрин. С кем имею честь?..

На том конце связи поперхнулись и явственно выматерились.

– Простите, господин Координатор. На связи Жарко-второй, генерал-майор беретов в отставке. Я вынужденно принял на себя командование силовыми структурами Города, поскольку господа старшие офицеры санации – те, что уцелели при наезде на Гнездо, естественно – изволят находиться черт знает где. То ли разбежались и попрятались, то ли... Слияли, словом. В городе разгул черни и полный беспределный бардак, причем, похоже, что блестяще организованный бардак, чтоб меня на атомы разнесло. Все, что здесь происходит, не просто смердит, а воняет, что твой биопий нечищенный галюн после всеобщей диареи.

– Не понял. Какого черта тогда делает санация? Почему не приняты меры? Биопы, что ли, у вас тоже все разбежались?

– Да нет! Сил у меня не то чтобы достаточно, но... В общем, полагаю, сил бы хватило. Но я с нижними чинами, оставшимися верными присяге, блокирован по периметру седьмого уровня, да так ловко, что мы и носа высунуть не можем. Лифты и эскалаторы выведены из строя, а в шмон – тоннели... простите за жаргон, в магистрали спецреагирования неизвестные сволочи вывели андроидов с лазерными бурами, а какая у них моща вы представляете? Шмаляют вдоль шмон – тоннелей лазерными разрядами почем зря, стоит только там даже крысе нос высунуть. И плевать им, что

все тут может к чертовой матери рухнуть вниз и обвалиться аж от самого гидропонного уровня. Вся у меня надежда только на вас. В вашем распоряжении кроме курсантов есть еще какие-нибудь части?

– Откуда?

– Понятно... Что вы намерены предпринять? Может, попробуете все же прорваться сюда, к седьмому, и разблокировать меня? Идет?... Главное нейтрализовать андройды, дальше мы сами. Всех мародеров вышвырнем на поверхность за милую душу, опыт есть. Кто у вас командует курсантами?... ага... понятненько... это вы очень умно додумались произвести их в лейтенанты. И будьте настороже, черт побери, не нравится мне этот мятеж, какой-то он неправильный, это я вам точно говорю. Мятежей я, что ли, не давил? Уж, как-нибудь! Ручаюсь, что вас будет поджидать куча сюрпризов: и баррикады будут, и мины, и ракетами могут шмальнуть, так что за воздухом следите... И вот еще что. Все развилки, проемы, окна, даже все дырки со щелями с любого этажа, что выходят на трассу вашего движения, должны быть взяты на прицел. При малейшей угрозе – шмалять изо всех стволов, и никакой пощады, а если попадет кто невиновный – что делать, сам виноват, не суйся под горячую руку... Вот что, давайте-ка мне сюда этого вашего Гронкса, я буду его инструктировать. Задачи ему поставлю.

Ховрин повернулся к Гронксу.

– Приказываю вам любой ценой и в кратчайшие сроки

разблокировать седьмой уровень. Любой ценой, лейтенант, даю вам карт-бланш, в средствах можете не стесняться. Получите инструкции от господина генерал-майора и... это... как его... приступайте выполнять, лейтенант.

Виктор Бюллер глядел на друга с непонятным выражением на физиономии. Истолковав это выражение превратно, Ховрин пожал плечами и с нервным смешком сказал:

– Я профессионал. Хорошие профессионалы могут пригодиться любой власти. Я хочу показать своему однокаш... величеству вице-королю, что не все бывшие противники его тетушки воры, дураки и откровенное дерьмо. Если я хорошо служил прежней власти, должен же он понимать, что я только выполнял приказы. Ему я могу служить не хуже. Как минимум не хуже, потому что кретинских приказов он отдавать не будет. В конце концов, я идеально знаю городское хозяйство.

– Сам я господина комта лично знать чести не имел, но все утверждают, что он еще тот чистоплюй. Хотя, конечно, власть людей меняет. Он, может, и позволил бы тебе показать, какой ты весь из себя белый и пушистый, тем более что сволочизмы в адрес Гнезда за тобой, вроде, не числятся. А вот как насчет Старой Дамы? Для нее Город – бельмо в глазу. Она спит и видит, чтобы... словом, чем хуже в Городе, тем лучше для нее. Так что на ее благодарность не рассчитывай.

Ховрин криво усмехнулся и пожал плечами.

– У меня что, есть другой выход?

Хакерша, следует отдать ей должное, даже находясь в биопных лапах, тоже ни на секунду не потеряла присутствия духа. Одного взгляда на экран ей оказалось достаточно, чтобы правильно оценить ситуацию.

– Сенсоры закрываешь, холуйская рожа, грабли убери, – полузадушено прохрипела она. Биопша отпустила ее голову и сделала шаг в сторону, а подсанационная, подключившись к компьютеру, тут же взяла ситуацию в свои руки.

Арестантка так ловко орудовала системами управления, что сэру Макрослипу пришла в голову мысль, что набитый трупами и скрыплами корабль гнусной воровки – вполне возможно и такое – оказался на оживленной космической трассе совсем не случайно. В конце концов, где Рибартон, а где трасса? На допросах воровка все, естественно, врала. И про свое похищение врала, и про изнасилование, и про скрыплов, что ничего о них не знает, тоже врала. Управляла кораблем явно она сама, это верняк. Управление потеряла, и в самом деле, из-за разгерметизации, но разгерметизацию – как пить дать! – устроила сама же, как раз, чтобы избавиться от скрыплов. Черт побери, и он, командор-санатор, еще радовался... следовал бы инструкциям, кретин, так нет, блеснуть захотелось.

Результаты вмешательства подсанационной в управление

шипом стали сказываться практически мгновенно. Корабль постепенно перестало трясти, прекратился зловещий треск переборок, красный цвет экранов медленно, но верно начал сменяться зеленым.

Наконец, арестантка развернула кресло пилота и с ленивой усмешкой принялась разглядывать присутствующих. Впрочем, выражение ее лица мгновенно изменилось, как только она споткнулась взглядом об Эни Боди и ее верных офицеров: блондин справа, брюнет слева, руки на плечах у защищаемой красавицы, глаза смотрят мимо всех присутствующих, и подбородки задраны чуть ли не выше носа. Да и внешность Эни явно произвела на арестантку самое тягостное, можно сказать, возмутительное впечатление. Подсанационная насупилась и впиалась в Эни яростным взглядом. Эни демонстративно зевнула и отвернулась. Подсанационная повернулась к лейтенант-биоप्ше.

– Эй, жаба, слушай сюда, – воровка с надеждой покосилась на возмутительно-хамски-нагло красивую биопшу, но та только хмыкнула ей в лицо. Воровка разочарованно пожевала губами, что делать, "достать" биопшу не удавалось... ну, да и черт с ней, другие есть... – Я имею в виду, это что еще за фря? Вот эта, с подпорками? Впрочем, холера с ней, командует тут не она, верно?

Подсанационная завозилась в кресле, устраиваясь поудобнее, закинула ногу за ногу, оглядела притихший рум и вонзила свой острый взгляд в Фетмена.

– А Вас я узнала. Вы – этот, как же Вас... ага, вспомнила, Вы Жирнякофф по фамилии, Верховный азерский санатор Вы, вот Вы кто, Координатор Вы и, вообще, шишка... по азерским понятиям, конечно. По имперским-то Вы и на прыщ на голом месте не тянете. Судя по как ваша жаба обходится с капитаном, Вы в этих катакомбах главная тигра. Ну, так и что, будем договариваться, а, тигра? Я, со своей стороны, намерена предъявить ультиматум. Из трех пунктов. Но сначала преамбула для прояснения общей ясности. Мы находимся в сфере конвертирования эскадры grossадмирала Хилтибранта. Любой человек с мозгами понял бы это давным-давно. Что тут делает эскадра – вопрос не ко мне, вопрос к сэру Координатору по делам колоний. Как вы, идиоты, умудрились затесаться в сферу конвертирования, вопрос тоже не ко мне, вопрос к капитану шипа. Это жуткая пруха, что мы до сих пор живы. Я не могу вывести корабль из сферы, эскадра совершает маневры, мне пока что не вполне понятные. Вроде бы, grossадмирал освободил в пространстве два – три коридора конвертирования...не знаю, не знаю... Но, даже если и так, соваться туда я бы не рекомендовала, подождать надо, приглядеться, коридоры эти явно не про нас. Может, затесались оне – координатор, я имею в виду – в такую даль для рандеву какого сверхсекретного? Тогда слава звездам, что о нас не подозревают, а то давно распустили бы на атомы. Так что обращать на себя внимание и выходить на связь с эскадрой должно умеючи, крайне осторожно, и луч-

ше бы на инфоры лично знакомых людей, буде таковые найдутся.

Теперь собственно ультиматум. Первое, непреклонное. Я ни за что не вернусь обратно в клетку, лучше смерть, вот только умирать будем все вместе, скопом, так сказать, коллегиально. За компанию, попросту говоря. Второе, категорическое. Я ни на секунду не доверяю вашей шайке. Поэтому, как только кончу говорить, все, кроме господина экс-Главного санатора, вполне добровольно пройдут в тюремный отсек и собственными лапками захлопнут за собою люки на замок... К вашей гориллообразной подстилке, господин санатор, это относится, прежде всего. Она найдет, чем заняться, самцов ее породы тут хватает, и кроме Вас есть кому пощекотать ее в разных нежноинтимных местечках, и сделать ей приятно. А если женщину захочется Вам – так вот она я. Я гораздо лучше, во всех смыслах, зуб даю, можете проверить, Вас ждут незабываемые ощущения, уверяю, и даже сюрпризы... Да... И, наконец, третье, утешительное. В жизни каждого из нас, здесь присутствующих, к настоящему моменту сложилась ситуация, для всех без исключения чреватая серьезнейшими неприятностями. В качестве выхода я предложу вариант, который устроит всех. И Вас, господин экс-санатор, и вашу рукастую гоблиншу, и даже многострадального командор-санатора. Мое предложение позволит ему оказаться в глазах своего сурового начальства чистеньким до полной белоснежности... Эти господа командуют тут не вполне

правомочно и вполне себе бесцеремонно, не правда ли, господин командор? Кстати, если мне объяснят, кто такая эта дебильная фря с подпорками, я вполне способна учесть и ее интересы. Зовут меня Ана Стеклофф, господа, и обращаться со мной впредь я предлагаю со всей возможной обходительностью, именно что как со стеклянной... и на равных, с-суки позорные!

– Ну, и зачем же нам садиться под замок? – лениво поинтересовалась лейтенант-биоппша, булабочные уколы типа "жаба-холуй-гоблинша-подстилка" ее, похоже, совсем не задевали.

– А затем, что ты, харя биоппья, да и все прочие тоже, можете сунуть меня в клетку из одной только сволочности. Дуря я вам верить? На размышления, советы и обсуждения даю пять минут, и ни мигом больше. Потом, если вся присутствующая шушера, поджавши хвосты, не залезет в клетки, я бросаю управление, и – да поможет нам всем бог.

– Блефует, крыска, – сказала Эни и презрительно повела носом.

– А ты проверь, фря. Вперед! Кстати, интересуюсь спросить, как тебя обслуживают твои подпорки, попеременно или оба-вдвоем? Если вместе, то тебе еще одного не хватает для полноты ощущений. Рекомендую с полным знанием дела.

– Стойте, стойте, – торопливо вмешался Фетмен. – Только не надо горячиться, обзывать и все такое. Не надо это...

неконструктивно оскорблять. Про какой-то такой вариант вы там сейчас говорили?

– Совсем другой разговор. – Ана удовлетворенно покивала головой. – Скажите, господин экс-санатор, у вас, конечно же, есть контакты с кем-нибудь из свиты Координатора по делам колоний?

– Естественно. Я хорошо знаю кое-кого из окружения его Советников от информации и теологии. И я не экс...

– Вот и чудненько, – бесцеремонно перебила оконтакторенная преступница. – Я внимательно выслушала запись переговоров азерского Совета со Старой Дамой, и последний этого Совета меморандум тоже, благо таксеры тут у вас орали, как припадочные. И крысе ясно, что поражение потерпели не Компании и даже не Координатор, потерпела поражение Империя. Пусть реально комты полуколониальной Азеры раздолбали гвардию Компаний, но как они ее раздолбали! В присутствии господина Верховного Координатора Империи именно по делам колоний... в истинном теле, заметьте, да еще во главе огромного космофлота. С таким поражением господин Координатор смирится вряд ли. Все враги Азерски сейчас автоматически становятся его естественными союзниками. И особенно ценны для него будут коренные азерцы, прежде всего Вы, господин Фетмен, да-да, именно Вы как глава законного правительства планеты в изгнании.

Фетмен охнул. Впрочем, речь оконтакторенной воровки произвела огромное впечатление на всех присутствующих,

исключая, разве что, господ гвардейских офицеров. Воровка, конечно же, заметила это и с довольным видом помахала рукой.

– Обойдемся без аплодисментов. Лучше я продолжу. Пригожусь ему и я. Да, я тоже. Преступления, за которые меня посадили, были направлены против Старой Дамы и только. Глупая я тогда была. Думала, если обчищу Гнездо, то мне не только не попадет, а властями нашими азерскими еще и зачтется во благо, спасибо скажут... экая наивность. Наши правители – простите, господин Координатор, но это правда – не способны видеть дальше собственного носа. Да и вообще, воровать собственность хоть у государства, хоть друг у друга, у нас дозволено только собственникам, а когда на нее покушается кто-нибудь посторонний – все распри побоку, тушите свет и ату его! Что касается Рекса Азерски, я ненавижу его всеми фибрами души. С какой стати одним все от пуза, и талантов, и денег, и титулов, а уж морда лица... тонут, можно сказать, в благах жизни и захлебываются, а другим если и хрен, то собачий? Красавчик, с-сволочь, и сноб и весь из себя мачо, простая девушка хоть из платья выпрыгни – взглядом не одарит... Не-ет, господа, я еще контакторы золотые буду из него, связанного, вилкой по живому выковыривать!

– А почему вилкой? – оживился вдруг Фетмен. Все прочие тоже оживились, и уставились на нее с явным и неподдельным интересом.

– Ну, как... – растерялась преступница. – Что значит, почему?... Потому!

Окружающее общество взирало на нее по-прежнему с почтительным уважением, правда, теперь уже не без доли некоторой разочарованности. Саму же Ану вопрос Фетмена выбил из колеи настолько, что ей потребовалось сделать над собой заметное усилие, чтобы вернуться к прерванной мысли.

– Да. Непременно вилкой, потому что, так сказать, вот именно... о чем это я... а-а, ага. Короче, я сейчас через старнет пролезу на инфор кого-нибудь из ваших друзей, что служат у советника от теологии. Насколько я понимаю, именно Теолог занимается у господина Координатора внутренней безопасностью? Эй, командор-санатор, я права?.. вот видите. – Небрежным мановением руки она отмела возможные возражения. – С вашего корабельного компьютера сумею влезть в любой инфор, не сомневайтесь, компьютер – прелесть что такое, да и хакер я от бога, вы такого еще и не видавали, ручаюсь. Я предложу сэру Советнику услуги человека, знающего азерские условия изнутри, человека, имеющего на планете агентурную сеть, да еще и обладающего легитимными правами на власть, ваши услуги, господин Верховный Санатор. Я все представлю так, что Вас немедленно свяжут с Советником, и Вы договоритесь об аудиенции. На аудиенцию возьмете с собой меня. Да-да-да, возьмете, и не машите на меня своими лапками, не перебивайте меня. Вы человек из совсем другой властной вертикали, вы санатор, а

не колониалист. Я гораздо лучше Вас ориентируюсь в ваших достоинствах, которые могут заинтересовать сэра Советника, так что взять меня с собой в Ваших же интересах. Я гораздо лучше сумею ему разъяснить все твои несравненные достоинства, жирный, так что не возникай. У меня ты пойдешь не как личность, а как структура, это много клеветнее, если Вы, сэр, не верите мне, спросите у своей лакейши – подстилки – жабы – гоблинши, она подтвердит. Ведь подтвердишь, рыло?.. Вот видите, подтверждает... что совсем не отменяет моего требования о твоём добровольном заточении, харя биоппя, не надейся. Береженого, знаешь ли, и звезды берегут. Что касается интересов господина командор-санатора, то он у нас пойдет по ведомству мужественных спасателей. Сэр командор-санатор вырвал из лап озверелых мятежников и разъяренной толпы одного из Координаторов Азе-ры, и так далее. С риском для жизни, заметьте, вот оно как. А это тянет на внеочередное повышение в чине, медальку какую-нибудь дадут, и все такое. О том, что тут происходило в действительности, все участники, включая меня, будут помалкивать в тряпочку, исходя из собственных шкурных интересов. Мои интересы вам понятны, господа?.. Ну, я прямо тащусь с вашей вменяемости. В таком случае Вы, господин... Фетмен со своей помесью гоблина с гориллой будете у нас уже не трусами, бросившими планету в решительный момент. Вы, господа, будете героический арьергард героически отступающей героически разбитой героической армии...

ладно-ладно, гоблинша, труса в твой адрес я беру назад. Ультиматум принимается?... тогда за дело, друзья и сподвижники, за дело, то есть, по камерам! Впрочем, у нас осталось одно мутное место непроясненное. Кто-нибудь понимает, в чем интерес этой крыски? – Ана ткнула пальцем в Эни Боди. – Эй, гримза, убеди меня по-быстрому, что наши интересы совпадают, а то ведь и жеребцы твои тебе не помогут.

– Камеры отменяются, – отрывисто сказала Эни Боди. – Пальцем тебя с этого момента никто не тронет... корова... пока я буду тобой довольна. Так что браваду свою, хоть она в твоём положении и понятна, кончай сиюжеминутно, чтоб я больше ничего такого... заткнись, одним словом.

Выдержав для внушительности паузу, Эни обвела всех присутствующих строгим взглядом, зафиксировала оный на лице Фетмена и продолжала тоном максимальной официальности:

– Поскольку преступление данной подсанационной было экономическим и, следовательно, подпадающим под мою, как эмиссара Компаний, юрисдикцию, объявляю ей это... как его... полную амнистию и беру к себе на службу. Борцов с тиранией клана Азерских надо награждать, а не наказывать. Это просто позор, что эмиссару Компаний только то и приходилось делать на планете, что исправлять преступные недальновидности оной планеты, управленцев. А то и вообще прямые судебные ошибки. Как в этом случае, например. Все вокруг ошарашено молчали.

– Ты, как там тебя... слушай мой первый приказ. Сейчас ты немедленно выйдешь на связь с эскадрой, и не с какими-то там паршивыми лакеями Советника от теологии, а с самим сэром Координатором...

Взорвись в рубке бомба, эффект не был бы более ошеломляющим.

– Сумеешь войти в инфор его Ответственного секретаря?.. Вот и прекрасно. Вызов сделаешь от моего имени личный и конфиденциальный. Кстати сказать, – Эни Боди сладко улыбнулась окружающим, наслаждаясь всеобщей оторопью и ужасом, – приказывать я вам всем не могу... пока... но совет все-таки дам. На время моего с Его имперским сиятельством сэром Координатором контакта выметайтесь-ка отсюда все к чертовой матери. Чтобы духу ничьего в рубке не было для вашей же пользы. Подождите снаружи за порталной мембраной. Закрытой, естественно. И подслушивать настоятельно не рекомендую... нет, если, конечно, кому-то жить надоело, тогда – вперед.

Сердце Аны дало длинный-предлинный сладкий сбой. Наконец-то... Наконец! Наконец ей удалось ухватить фортуны за хвост. Очищение от всех грехов, полная легальность, да еще и выход на самый верх... конечно, ты будешь мною довольна, очень довольна, с-сучка, а там посмотрим. Как говорится, протеин не боги жарят. Как интуитивистка-то я буду сильнее тебя. Это верняк, какие могут быть сомнения? И то сказать – тебе бы мои испытания, санаторий бы тебе,

камеру смертников, Рибартон, корабль, набитый скрипками под завязку. Чтобы несло корабль черт знает куда, ты сидела бы в обесточенной рубке одна-одинешенька, а скрипки за решетками воздуховодов скреблись бы. Вот тогда бы ты и узнала, как он обретаётся, интуитивизм этот самый, и что такое боль в спине.

– Приступать? – со всей возможной почтительностью спросила она. Эни с подчеркнутым недоумением вздернула бровь: как, мол, ты еще не?.. и выжидающе повернулась к окружающим.

Какое-то время в рубке стояла мертвая тишина. Потом с размеренностью кузнечного молота в металлический пол рубки ударили тяжелые биопьи ботфорты. Лейтенант-биопша, как бы подавая пример окружению, покидала рум церемониальным шагом, вскинув руку к голове в издевательском приветствии. Ана осторожно покосилась на свою новую шефиню. Эни Боди смотрела в спины выходящим и брезгливо кривила губы. "Ничегошеньки ты обо мне не знаешь... и это так здорово!" – думала Ана. И это, в самом деле, было "здорово" для нее, хотя другие люди вряд ли согласились бы разделить с нею этот восторг. Дело в том, что операция по вживлению контакторов отнюдь не окончилась для нее "вполне благополучно". Она превратила девушку в маниакальную убийцу на сексуальной почве, безжалостную, беспощадную и, благодаря контакторам, настолько хитрую, что Ана за все это время ни разу даже не попала под подозрение.

– Ну, опять пошла нудятина: – раздраженно взвыл Генеральный акционер. – "Сэры, историю надо знать! Сэры, историю надо изучать!"

Координатор тонко улыбнулся.

– Правильно. Надо. Потому что все уже на свете было, и не по одному разу. А победить Азерского можно только одним способом, если заранее знать, что он только еще собирается предвидеть. Когда я говорю " время это деньги", что я имею в виду? Если время может быть обращено в деньги, то и обратный процесс тоже очень даже осуществим. У нас весьма мало времени, но зато весьма много денег. И это радует. Фишка вся в том, что наши цели уже определились. Ломать головы над ними не надо. Так что особая быстрота соображения на нынешнем этапе нам вовсе даже и ни к чему. Можем обойтись и без контакторов. Пока. А целей у нас три. Основная совершенно понятна. Нашим историческим долгом перед Империей и галактическим как бы это сказать... э-э ... одним словом, необходимо немедленно перестроить властные вертикали и встать во главе. Две другие цели, хотя они, вроде бы, и вспомогательные по отношению к этой главной, сейчас выходят на первый план. Во всяком случае, без их решения переворот в Империи неосуществим. Прежде всего, Азерски. Если мы решим этот вопрос сейчас, то и Свобод-

ные миры, и инты как сообщество потенциальных противников, лишатся лидера еще до того, как они этим лидером обзаведутся. Определив для себя эту задачу в качестве приоритетной, мы можем обрушить на мерзавца весь интеллектуальный потенциал Империи. С суммарным интеллектуальным потенциалом и десятку Азерских не справиться, а он пока что у нас один, сэры. Вторая задача, это наш собственный интеллектуальный потенциал. Личный, так сказать. Мы должны стать интами как можно скорее и, заметьте себе, безболезненно и без особых усилий. Я имею в виду – личных усилий.

– Ну и ну! Это Вы – да! Это Вы – конечно! "со всей возможной язвительностью воскликнул Генеральный акционер, – как это оушены рапанусы фьютят, дайте вспомнить... ага!.. "Трахнуть нам бы хорошо бы элѐфанта пребольшого, и неважно, кто он, мальчик или девочка!" Даете, коллега. Уж настолько-то мы и сами в проблеме разбираемся.

Генеральный акционер повернулся за поддержкой к санатору, но тот лишь отрицательно покачал головой.

– Нет-нет. Дайте ему договорить. Я полагаю... словом, ему есть что сказать и предложить по этой части. Господин Координатор никогда не кладет все яйца в одну корзину. Что бы он ни делал, у него всегда есть запасной вариант, и не один. – Санатор повернулся к Координатору. – Эти выводы, сэр, о которых Вы говорили... Вы решили форсировать свои запасные варианты?.. Который?.. Продолжайте, сэр, продол-

жайте.

Координатор несколько мгновений пристально смотрел ему в лицо. Санатор невозмутимо и благожелательно улыбался. Насторожившийся и внутренне одобравшийся Генеральный акционер внимательно и не менее пристально рассматривал обоих своих собеседников, медленно переводя взгляд с одного на другого.

– Хотел бы я знать, кто из моих людей на вас работает, – прервал Координатор затянувшееся молчание. Санатор мягко и медленно развел в стороны руки, пошевелил сарделькообразными волосатыми пальцами и, скромничая, поднял к потолку рума взгляд своих маленьких заплывших жиром поросячьих глаз.

– Ладно-ладно, – продолжал Координатор. – Считайте, что я не задавал никаких вопросов. Только проследите, чтобы доклады обо всех этих делах ложились на стол Вашего шефа разумно препарированными. Учтите, что это... э-э... в ваших собственных интересах.

– Уважаемые, – желчно заявил Генеральный акционер, – может быть, вы и меня тоже, так сказать, введете в курс дела? А то мне как-то надоело, знаете ли, единственному в руме тупо хлопать глазами. Маленькие частные тайны, как известно, рожают ба-альшее общее недоверие.

– Сэры, – тихо, но как-то по-особенному внушительно заговорил Координатор, – смотрите, что происходит. Мы уже говорим о недоверии друг другу. А ведь совместная работа

только начинается, и цена ее невероятно высока. Один из нас дает понять остальным, что весьма пристально следит за ними... хотя и без того ясно, что это входит в его профессиональные обязанности. Правда, в этом случае результаты своих наблюдений он должен был бы выкладывать на общий стол. Второй показывает остальным, что ни на грош им не доверяет. И оба они при этом только и делают, что мешают третьему сообщить им, что именно он уже предпринял для общей пользы тройственного союза.

– Вы ждете, что я сейчас тут начну от раскаянья корчиться и плакать и волосики драть со стыда? – фыркнул Генеральный акционер. – Не дождетесь. Деловая элита, может, тоже глупеет из поколения в поколение, но наивных людей в ней нет. Они у нас не выживают.

Координатор впервые за время разговора проявил признаки раздражения.

– Не переборщите со своим недоверием, уважаемый сэр. Это все может кончиться очень плохо, и если бы только для Вас лично... Ваше положение в триумvirате центральное, ключевое. От Вас зависит многое, если не все. В самом ближайшем будущем мы должны будем действовать быстро, не раздумывая, а делать это, не доверяя союзникам... ну, я даже и не знаю...

– Он прав, – вмешался Санатор и дружески пихнул Генерального акционера локтем в бок. – Не мешайте ему рассказывать.

– Во время прошлой нашей встречи мы наметили программу неотложных действий для подготовки к акции захвата власти, – ядовито продолжал Координатор. – Сэр Генеральный акционер должен был заняться организацией соответствующего фонда... э-э... денег потребуется немерено, сэры, уверяю вас. Вы, сэр Санатор, должны были заняться консолидацией под нашими знаменами имперской санации и вооруженных сил Империи, а я должен был заняться разработкой концепции проекта в целом, его детализацией и, естественно, информационно – идеологическим обеспечением... Заметьте, я не подвергаю сомнениям ваши действия, сэры. Я вам вполне доверяю и уверен, что вы делаете для общего дела все, что возможно, и даже больше. Было бы смешно, если бы я, человек ни бельмеса не понимающий в военном деле, начал указывать Вам, сэр Санатор, как надлежит обеспечивать переворот в военном и санационном плане... или Вам, сэр Генеральный акционер, предписывать действия в финансовой сфере. Но, сэры, – Координатор значительно поднял вверх указательный палец и внимательно оглядел собеседников, – я действительно никогда не кладу все яйца в одну корзину, тут сэр Санатор полностью прав. Я стараюсь предвидеть возможные осложнения в будущем и предупредить нежелательное развитие событий.

– Фонд создан, и он непрерывно пополняется, – завопил Генеральный акционер. – Вы себе не представляете, насколько популярны идеи перестройки Империи в дело-

вых кругах, но люди бизнеса – народ осторожный. Они хотят иметь гарантии... они хотят приглядеться... они хотят...

– Да и в армии дела идут неплохо, – возмутился Заместитель Верховного санатора. – Вы не можете этого не признавать. Почти три четверти космофлотов империи уже на нашей стороне – по крайней мере, потенциально. В санации дела идут несколько... м-да, но, сами понимаете, сэры, тут мы должны быть предельно... так сказать...

– Сэры, сэры, я-то никого ни в чем не обвиняю, я всего лишь... э-э... отвечаю на обвинения. Сэр Санатор, как ему и полагается по статусу, разумеется, прав. Будь иначе, он как профессионал никуда бы не годился... Вы просто поразили меня сегодня, сэр Санатор. Вот так, походя, выдавать тексты... э-э... чуть ли не рекламной поэтической силы... "корзины с яйцами", с ума сойти... ну да ладно об этом. Ближе к делу, сэры, и побольше конструктива. Итак, мы с вами уже уяснили для себя, что, не решив проблемы нейтрализации интов и Азерски, мы не справимся с поставленной задачей. Но весь наш разговор буквально тычет нас носом еще в одну проблему. Нашу с вами проблему, решить которую мы обязаны прежде всего, иначе незачем с переворотом и затеваться. Мы должны обеспечить себе интуитивизм, молодость, здоровье. Это фундамент. – Координатор замолчал, значительно глядя на собеседников. Собеседники тоже молчали.

– Насущная необходимость в интуитивизме и прочих, как

бы сказать... э-э... телесных благах была мною осознана давно. Именно эти работы оказались продвинутыми наиболее далеко. В итоге, как выяснилось, готового решения у меня пока "увы". Но кое-какие наработки имеются, я непременно их вам изложу. Идея была в том, чтобы создать некую комбинацию из сознания одного человека и тела с подсознанием другого. Понимаете? Что-то наподобие фантома, но на реальном живом биологическом носителе вместо псевдотела. То есть берется фант человека, как для фантома, потом под этот фант подгоняется молодое, здоровое, крепкое тело. Тело это, разумеется, предварительно препарируется. Появляется возможность замены старого, больного, изношенного или просто плохо функционирующего тела. Причины могут быть разными. Вы понимаете?

– Что значит, препарируется? – удивился Генеральный акционер.

– Сознание из него выскребается, – нетерпеливо перебил санатор, – неужто невдомек?

– Начисто? – изумился Генеральный акционер. – Но это же убийст... ага... ясно, ясенько, очень многое становится понятным... Можно, значит, подобрать тело с контакторами, тело вполне себе даже готового инта...

– Какое такое убийство! – шумно веселился Санатор, глядя на финансиста со снисходительным превосходством. – Юриспруденция тысячелетия стоит на принципе, что убийство – это когда вы видите перед собой труп. А где туточки

труп? Нету! Значит, и убийства нету. Это, если хотите, всего-навсего что-то вроде аборта.

Генеральный акционер дернул в его сторону носом и сказал, обращаясь подчеркнуто лишь к Координатору:

– Но почему Вы так уверены, что интуитивизм – функция телесная, а не функция сознания, не душевная функция?

– Приятно иметь дело с умными людьми, – улыбнулся Координатор. – Они зрят в корень, и если спрашивают, то... э-э... Это радует. Все дело в том, что вначале было именно тело, факт этот непреложный. Сознание, "слово" – логос, если хотите – появилось позже, много позже. А вот насчет того, что сознание первично, материя вторична, так это для быдла. Чтобы возлюбили Господа больше собственных сопливых чадушек со слюнявыми матушками, козлы, не-то по морде, по морде... Владыки мира категорически не должны принимать всерьез собственную конъюнктурную риторику, а то бывали в истории примеры, и все они плохо кончались. Но у первичности материи есть и другая, обратная сторона, из-за которой, к сожалению, использование чужих, донорских тел есть путь, имеющий побочные всяческие... э-э... побочности. Чужое тело влияет на фант даже еще больше, чем всякие биомеханические замещения, и это может не понравиться Вам как заказчику. Заказчики желают оставаться сами собой. В смысле – личностями, полностью адекватными прежним. Даже транслюдия или постлюдия – это не для нас, в смысле, не для них.

–Что-что? – Генеральный акционер с недоумением воззрился на собеседников. – Что это еще за ...людии или как там их?

– Это яйцеголовые называют видоизмененных людей транс- или постлюдьми, – с наслаждением пояснил Санатор. – У которых часть систем жизнеобеспечения разрушилась при стирании фанга и теперь замещена биомеханической или биоэлектронной.

– Киборги, что ли?

– Да нет! – киборги вообще не люди, от человека там уже ничего, кроме мозга, не осталось. А эти еще люди, хотя и полу... зато у них всякие там возможности. Стрелять могут из себя или газами травить, и все такое. В общем, сверхчеловеки, так сказать, но при этом, увы, только в ограниченном смысле, так как неполноценные. К сожалению.

Координатор некоторое время предельно тяжелым взглядом в упор глядел на Санатора, с наслаждением рассматривавшего потолок. Молчание затянулось. Наконец, Координатор вздохнул и продолжил.

– Так что основной упор мы сейчас делаем на работу по использованию клонированных тел. Я намерен использовать именно клонов для превращения нас с вами, сэры, в людей оконтакторенных, и не просто оконтакторенных, но уже готовых, зрелых интов, в гомо супер, сэры!

– Но, позвольте, – удивился Генеральный акционер, – постлюдия, хренлюдия... насколько мне известно, клоны – су-

щества крайне нежизнеспособные. Помнится, яйцеголовые объясняли мне причины. Дело в том, что клон создается сразу взрослым. Он не жил. У него ни одна мышца не двигалась. Все рыхлое, сырое, как у цыпленка бройлера. Сплошная вода. И с иммунитетом дело швах, потому как ни один микроб или вирус какой завалящий к нему отродясь доступа не имел. Это даже хуже, чем бройлер.

– Вот над этим сейчас и работают в одной из его лабораторий, – сэр Заместитель Верховного санатора с тонкой улыбкой ткнул пальцем в Координатора. – Обо всем таком он и рвется нам рассказать, а Вы вмешиваетесь и не даете.

– Ничего-то от нашей санации не скроешь, – рассмеялся Координатор, и в смехе его ощутилось некое странное облегчение.

– А не в том ли тут дело... поправьте меня, если ошибаюсь, – сказал Генеральный акционер, сочась и даже истекая сарказмом, – что Рекс Азерски умудрился внести коррективы и в эту сторону Вашей деятельности? Я имею в виду, что он отбил у Вас всякую охоту завладеть его телом. Тогда. На конвертоплане по пути с Райны на Азери. Кто там у Вас обеспечивал операцию, молодой Гольденцвикс, кажется? Кстати, юный барон куда-то пропал... неужто Вы на него настолько обиделись?

Генеральный акционер несколько долгих секунд наслаждался видом своих компаньонов. Да и было чем, вид у обоих был основательно растерянным: "и ты тоже?" – явственно

читалось в глазах санатора; выражение физиономии Координатора было, пожалуй, аналогичным, разве что слово "тоже" следовало бы заменить на "туда же".

– Нет, – тихо сказал Координатор. – Все далеко не так просто и примитивно. Я, знаете ли, дорожу своей личностью, единственной и неповторимой. Исследования показывают, что... словом, ни в одном из экспериментов с реальными, так сказать, объектами не удалось сохранить личность реципиента в неизменности. В итоге всегда получался совершенно другой, новый человек. Абсолютно новый. Причем, из одной и той же исходной личности получались новые, абсолютно непохожие ни на прототипа, ни друг на друга. Они оказывались различны по всем параметрам – моторике тела, темпераменту и даже жизненным установкам, некоторые из них не только полностью отвергали инсталлированную в тело личность, но и отторгали ее как инородное тело. А мои яйцеголовые старались, уверяю вас. Очень старались. Повторяю, я дорожу своей личностью. Думаю, что и вы оба тоже. Единственный приемлемый для нас с вами путь – отсутствие в донорском теле вообще какой-либо личности, то есть клонбоди. Именно благодаря исходной своей рыхлой слабости клонтело влиять на инсталлируемый в него фант не должно. Клон принимает инсталлируемую в него личность как единый управляющий пакет программ, который надо только настроить и согласовать. Это вроде как наподобие компьютера и периферийных устройств. В работе с клонами у меня,

правда, после первых впечатляющих успехов возникли некоторые... э-э... замедления. Похоже, яйцеголовая верхушка этой зоны Проекта полностью выработала свой потенциал, а отработанный материал во главе такого дела ... ну, в общем, изменения некоторые там у меня назрели. Так что надеюсь на серьезные подвижки в самое ближайшее время. Что касается юного барона Гольденцвикса, то он сейчас как раз в этом направлении и трудится.

– Минуточку... и черт с ним, с бароном, – отмахнулся Генеральный акционер, цепким умом финансиста сразу ухвативший самую суть проблемы. – Это клонированное тело, ведь оно становится чем-то вроде костюма, верно? Его можно будет менять бесчисленное множество раз, я правильно понимаю?

– Однозначно, – с наслаждением выговорил Санатор.

– Хорошенькое дело! – Генеральный акционер впился пристальным взглядом в невозмутимое лицо Координатора. – Вы, это что же, хотите меня уверить, что готовы вот так вот запросто, вполне бескорыстно, поделиться с нами чуть ли не бессмертием... и все такое?

– Но вы же готовы делиться со мной властью и деньгами, – сказал Координатор, пожав плечами. – Я взвесил и просчитал все возможные вероятности. Да, сэры. Мы обречены на тройственный союз. Мы необходимы друг другу. Навсегда. Навечно. Я даже не уверен в этом, я знаю. Не существует человека, способного в одиночку справиться с Империей.

– Императоры справлялись.

– Это было давно, да и кончили они плохо. Для того чтобы вечно... подчеркиваю – вечно властвовать над вселенной в одиночку мало самому быть вечным, нужно еще быть и всеведующим, и вездесущим, и всемогущим. Нужно быть богом.

– Ладно, с этим все ясно, – сказал Генеральный акционер. – Считайте, что Вы меня убедили, тут я весь Ваш вместе с потрохами. А что предполагается предпринять против интов и самого Азерски? Конкретно? Как предполагается предотвратить их вмешательство в нашу акцию?

– По важности обе задачи примерно одинаковы, однако, как ни странно это может показаться на первый взгляд, с интами совладать будет проще. Ну, в самом деле. Среди этой публики, как известно, велики демократические настроения, а также и всяческое радение за пресловутые интересы общечеловеков. Конечно, нет человека – нет проблемы, но работать-то кто будет? Следственно, нужно найти средство, которое бы в решительный момент нейтрализовало эти их... как бы сказать... э-э...общечеловеческие позывы, и заставило их заниматься исключительно собой, своими корпоративными или – того лучше – личными интересами. Не нужно убивать их всех, они нам еще понадобятся. Надо облить их такой грязью, чтобы ни о чем другом они и думать не могли, чтобы колотили себя в грудь и орали, мол, не виноватые мы. Когда власть уже окажется в наших руках, они могут обще-

человечничать сколько угодно... тем более что... э-э... особо разгуляться им не позволит сэр Верховный триумвир вооруженных сил и санации, – Координатор привстал и ответил шутливый полупоклон в сторону Заместителя верховного санатора. Собеседники со вкусом расхохотались.

– Так вот, уважаемые сэры, мои яйцеголовые развернули широкомасштабные исследования не только психологического, но и вирусного плана. Целью является разработка нового класса компьютерных вирусов. Это будут черви – убийцы, призванные атаковать не компьютерные программы, а человеческий мозг. Представьте себе, что накануне решающего дня по нашей команде интерстарнет окажется заполнен огромным количеством червей-убийц, которые на фоне устрашающей психологической атаки через персональные компьютеры примутся крушить мозги интов, особенно молодняка. Какова фишка?

– Вряд ли эта атака будет такой уж успешной, – с сомнением покачал головой Генеральный акционер. – Инты быстро разберутся, что к чему, и передавят ваши "червирусы", как скрыплы крыс.

– Кто бы спорил! Конечно, они быстро во всем разберутся. Но я же говорю, нам и не нужно, чтобы инты передохли. Они нам нужны, инты. Им, интам, на нас еще пахать и пахать. Просто им долго будет не до внешнего мира. К тому же, так вот сразу разобраться в сути происходящего будет нелегко. Внешне смерть будет выглядеть... э-э...от вполне

естественных причин. Просто среди интов вдруг прокатится волна инфарктов, инсультов, полной потери иммунитета и всяческих разных прочих тромбозов. Нет-нет, это верняк.

Генеральный акционер задумался, почесал лоб, затылок, и повернулся к Координатору.

– А что с Азерски? Я как-то не врубаюсь... С ним-то что? Этот малый ваших червей, извините за каламбур, как червяков передавит.

– А вы задайтесь вопросом, что представляет собой этот человек, и попробуйте поставить себя на его место. Сэры! Для Азерски, как и для любого из нас на его месте, инты, говоря языком яйцеголовых... э-э... "питательная среда", не более того. Вы всерьез полагаете, что он бросит все свои неотложные дела и кинется их спасать? Он действующий политик, и уже в силу этого обстоятельства с неизбежностью обязан обладать здоровой беспринципностью и цинизмом. Без этих свойств в политических катакомбах тебя никакие контакторы не спасут. Все прочее – риторика, демагогия, популизм, тривиальная глупость – выбирайте любую дефиницию по вкусу. Следствие: к Азерски необходим сугубо индивидуальный подход. Его на мякине не провести и сетевыми червями от наших задниц не отвлечь. Бить его, как и любого из нас, надо со всей возможной неожиданностью в самые слабые и больные места. Все это совсем не просто, сэры, и даже где-то проблематично, по крайней мере, для рядовых умов.

– Жаль, что не решились Вы тогда распылить эту самую Азеру вместе с ним.

– Я, по-моему, все вам внятно объяснил, – сухо сказал Координатор.

– Объяснить-то Вы объяснили... но я вот что хотел бы узнать, кто нам мешает разделаться с ним в день переворота? Выделим пару флотилий, аннигилируем Азеру вместе с Райной, всего и делов, как говорится.

– Что это вы тут несете? – взволновался вдруг Заместитель верховного санатора. – Может, нам для этого дела еще пару-другую дредноутов класса "Разрушитель Солнц" выделить? Вы хоть представляете себе, какие потребуются силы для контроля только над ключевыми районами Империи? А нейтрализация неприсоединившихся флотов? А нейтрализация внутриимперских центробежных сил? Периферийные элиты, как только почувствуют слабинку центра, тут же кинутся в разные стороны, и плевать им на экономические интересы собственных планет. Силовые акции неизбежны, господа! И вообще, наша задача разделаться с Азерски, а не с Азерой. С человеком, а не с планетой. С чего вы взяли, что, уничтожив Азеру, мы уничтожим и его тоже? Вы сами-то на его месте стали бы этих флотилий дожидаться? Как запахнет жареным, он оттуда немедленно и свалит. Вот тут он и задаст нам настоящую работу, лови его тогда по свободным мирам. Пока Азера цела, он к ней привязан, ясно вам? А вот чтобы все независимые планеты распылить, и в мирное время

никаких дредноутов не хватит. Вы лучше не жмитесь, а выделите приличную сумму для киллеров. И вообще, Вы что, не знаете, что на Азере добывается сегодня чуть ли не половина инглания, а это есть основа симбиозных контакторов и фундамент НБР?

– Не-ет, это нечто! Наша санация меня просто умиляет! – взорвался Генеральный акционер. – Она почему-то вообразила, что деловые люди сплошь безмозглые кретины. По-вашему, на Азере этой самой мир клином сошелся? А яйцеголовые на что? Велим – десяток таких планет отыщут, хоть бы и по пульсирующим речкам. Вселенная велика.

– Сэры, будьте же благоразумны, – Координатор укоризненно покачал головой. – Азера нам, конечно же, пока что нужна. Да, многие яйцеголовые считают, что пульсация водных потоков вызывается, если... э-э... поблизости большие запасы инглания, но немало и таких, что полагают это несусветной чушью. Я поинтересовался у своих яйцеголовых, так они такую ахиною понесли, что уши вянут. Нет, аннигиляция не выход. Но – есть идеи. Очень плодотворные, как мне представляется. Проблема Азерски, сэры, осознана мною... нами... во всех аспектах. Во-первых, у меня плотно работают над подготовкой для него персонального проекта ликвидации "Троянский конь". Тут мало подготовить убийцу. Мало подвести его к Азерски, хотя уже и эти задачи невероятно трудны. Главное, надо сделать так, чтобы сэр Рекс не заподозрил подвоха... представляете себе сложность задачи? Я

себе на ней чуть ли не вывихнул мозги. Параллельно я намерен – с помощью денег, которые для этой цели выделит, разумеется, сэр Генеральный акционер – все-таки интенсифицировать специальный раздел программы сетевых червей – убийц для Рекса Азерски лично, с учетом особенностей его мозга. Когда-то этот мерзавец весьма остроумно сравнил Старые Миры с большими червивыми яблоками. Так вот теперь этой сволочи предстоит столкнуться с положением, при котором червивым яблоком станет так любимый им интерстарнет... и не только интерстарнет, но и его собственная гнусная башка в придачу.

– А разве это возможно, чтобы такая избирательность?.. – удивился Генеральный акционер. – Нет-нет, деньги мы дадим, сколько надо, столько и дадим, но...

– Возможно, возможно, – хмыкнул Заместитель Санатора. – Сэр Координатор планирует использовать для отработки этих персональных вирусов собственных клонов сэра Азерски. Он уже вовсю гоняет этих клонов по одной из своих планеток.

– Это правда, сэр Координатор? – удивился Генеральный акционер.

– Разумеется, – невозмутимо отвечал Координатор.

– У вас имеется исходный материал для клонирования Рекса Азерски? – продолжал удивляться Генеральный акционер. И снова удивление его разрешил Заместитель санатора.

– Оригинального не то, чтобы много, но на пять – шесть клонов хватит. К тому же можно использовать и вторичный материал, взятый у клонов. Кстати, сэры, как бы все-таки разобраться, это, в самом деле, правда про пульсацию в водных потоках возле залежей инглания? Или, все-таки чушь, плешь и сплошная ересь?

Инфор мелодично курлыкнул сигналом вызова. На экране появилась даже не бледная, зеленая от проявляемой дерзости физиономия Ответственного секретаря.

– Несанкционированный внешний вызов, Ваше Имперское Сиятельство, – пискнул Сушеный Сперматозоид. – Там...

– Сударь мой! – холодным тоном перебил его Координатор, – Вы сошли с ума?

– Но это Эни Боди, Ваше Имперское Сиятельство ... Вы приказали, чтобы при любых обстоятельствах...

– Ох уж эти мне исполнители! – Координатор, снисходительно улыбаясь, покрутил головой. – Воистину... э-э... заставь дурака богу молиться! Ну, раз уж так вышло... Откуда она взялась, как умудрилась меня отыскать здесь, да еще влезть в инфор, хотел бы я знать?

– Что она в Вашем инфоре, я тут ни сном, ни духом, а контакт проводится из рубки корвета по имени "Лиловая Звезда".

Санатор подскочил на месте и изменился в лице. Секретарь покосился на него и снова воззрился на начальство. Вы-

ражение лица Координатора привело его в ужас.

– Это один из корветов "Звездной флотилии" санации, Ваше Имперское Сиятельство, – пролепетал он. – Суда для особых поручений руководства санации...

Координатор вопросительно повернулся к Санатору. Санатор скривился и пожал плечами.

– Что делать с корветом, Ваше Имперское Сиятельство? – губы у секретаря прыгали, руки дрожали.

– Уж как-нибудь разберитесь с этим без меня, – раздраженно сказал Координатор. – Кто, кстати сказать, ставил защиту инфора? Немедленно займитесь этим болваном.

Секретарь, кажется, находился уже на грани обморока.

– Яйцеголовые... они уже... обновление... плановая ротация исполнителей... а этот, который... он ротирован три месяца назад...

– Жаль! Я б ему сейчас! Сэры, – Координатор снова повернулся к собеседникам, – прошу меня извинить, но я вынужден вас ненадолго покинуть. Вот тут, в баре, у меня элитные земные напитки: франкские вековые коньяки, благородные российские водки, виски от скотчланда и так далее. Там есть даже подлинный "Можайский сучок", настоятельно рекомендую, водка – это что-то! Это вам не бесцветный безвкусный омерзительный рафинэ – отнюдь! В ней есть привкус натуральной, подлинной раритетной дрожжевой сивухи, которую невозможно подделать ни на каком хроматографе. Но поспешите с дегустацией, я покину Вас всего на

несколько минут. Кстати, сэры, предлагаю назвать наш союз "триумвиратом" вполне официально, поскольку в древности так назывались успешные, подчеркиваю – успешные... как бы это ... сообъединения трех умных, волевых и решительных... э-э... предприимщиков... предпринимантов... словом, против окончательно разложившихся упадочных демократий, так сказать.

– Вы чем-то обеспокоены? – спросил Генеральный Акционер у сэра Санатора, проводив Координатора задумчивым взглядом. – Эта леди Боди ваш человек?

– С чего Вы взяли? Вовсе нет. Я впервые о ней слышу, – Санатор торопливо отвернулся и плеснул себе в бокал из первой же подвернувшейся бутылки. Впрочем, это оказалось именно тот самый разрекламированный "Можайский су-чок".

Как только шедшие в авангарде платформы с курсантами пересекли внешний створ центрального шлюза шахто-квартала, они наткнулись на баррикаду, наспех набросанную поперек путепровода из всяческого несерьезного хлама. И тут водитель головной машины совершил непростительную, можно сказать, роковую ошибку. Не обратив внимания на отсутствие на баррикаде защитников, он с веселыми воплями устремился вперед.

– Стой, придурок, стой! – заорал Гронкс дурным голосом, однако было уже поздно. Головная платформа под веселые вопли облепивших ее курсантов сходу врезалась в баррикаду.

Грохот взрыва ударил Ховрина по ушам, рванул по нервам, заставил подпрыгнуть и тут же сжаться в комок. Он испуганно посмотрел на Гронкса. Гронкс стоял, намертво вцепившись в поручень, лицо его было белым, глаза остекленевшими. Ховрин перевел взгляд вперед, туда, где над местом взрыва еще клубился дым. Все, что осталось от платформы после взрыва фугаса, можно было бы собрать метелкой в детский совок.

Хохот, вопли и дикие песнопения, с которыми колонна неслась к Городу, прекратились в одно мгновение. Курсанты как-то разом осознали, что они находятся не на увесели-

тельной прогулке, а в боевом походе, что относиться к этому факту надо со всей возможной серьезностью, если хочешь остаться в живых, разумеется. Курсанты хотели.

В течение следующих нескольких минут коммуникаторы в каждом курсантском шлеме содрогались от истошных воплей Гронкса, фразеологическую базу которых составляли ни разу не повторившиеся выражения резко пониженной цензурности, а смысл укладывался в нехитрые вопросы: вы... эти самые... совсем уже это самое, или почему?!. У вас, у этих самых, что ли мозги в этом самом месте, или как?!. И сами вы это самое, или, может, что?!. Монолог закончился железноголосым обещанием собственноручно лишить хоть сколько-нибудь выдающихся частей тела всякого, кто впредь попробует выпендриваться, причем слова новоиспеченного коммодора убедительно прокомментировал новый оглушительный взрыв, начисто снесший внутренние ворота шлюза. Из шахты по ним шарахнули явно нехилой ракетой. Хорошо еще на этот раз никто не пострадал.

– Помните, наша цель в Городе не нарушантов кногтить, а разблокировать шмон-тоннели, – орал Гронкс. – Валим вниз до самого конца шестого уровня на полной скорости, и ни в какие затяжные драки не ввязываемся. Каждая рота берет на себя одно полотно путепровода – первая первое, вторая второе и так далее. Платформам в ротах рассчитаться на первый – второй – третий. Каждый номер, кроме головной и арьергардных машин, берет на себя один этаж штреков, выходя-

щих на путепровод, головная стреляет только по целям на самом путепроводе, а арьергардная прикрывает колонну сзади. И стрелять настильно, аккуратно, глядите у меня, сволочи! Шмальнете по полотну дороги, так всей колонной в шахту и загремим.

В коммуникаторе Ховрина назойливо зазудел приват-сигнал и включилась выделенная линия связи.

– Стас, – несмотря на то, что линия была защищена от прослушивания, Виктор Бюллер говорил таинственно приглушенным голосом. – Стас, помани мое слово, тут что-то не чисто. Не похоже все это на стихийный грабеж. Тут чувствуется, знаешь ли, рука... организовано тут все, и нас тут явно ждали. Не вляпаться бы...

– Может, вылезешь? – зашипел Ховрин.

– Я серьезно, а ты ваньку валять, – обиделся Бюллер.

– Серьезно ты... мать твою! Да весь этот "бунт" так воняет, что хоть противогаз надевай!

– Может, это агентура Старой Дамы?

– Нет. Эти бы уже давно прекратили всяческие беспорядки. Железной рукой. И в курсантов они бы не стреляли. Они бы нами командовали, а мы все тут же бы и исполняли бы. Как миленькие... Сиди и не дергайся. Говорю же, что выбора у нас нет.

В каком-то смысле этот самый Гронкс оказался просто бесценным человеком. Уважения к собственности он был лишен совершенно, а посему и вопросами сохранности чу-

жого имущества озабочиваться не желал. Все, что мешало продвижению колонн, просто сметалось с пути. Любому человеку, не успевшему убраться с дороги, оставалось только пенять на себя самого. Ценность человеческой жизни была для господ курсантов понятием сугубо умозрительным и отвлеченным, к прозе жизни отношения не имеющим совершенно никакого.

Курсанты ворвались в шахту четырьмя колоннами, по всем четырем полотнам центрального путепровода, четырехзаходной спиралью обвивавшего чудовищный провал шахты, и сразу же пустили в ход весь свой арсенал. Колонны шли с некоторым отставанием одна относительно другой так, чтобы каждая – несмотря на разность уровней полотен – находилась в зоне видимости остальных с противоположной стороны шахты и, в случае необходимости, могла быть поддержана их огнем. Стрелять, как выяснилось, парней обучили очень даже неплохо, и это было прекрасно, поскольку все предположения отставного генерала начали немедленно сбываться самым печальным образом. Одно за другим.

Сверху, со стоянок для грузовых винтокрылов, сорвалось две вооруженных ракетами машины с опознавательными знаками санации на борту и попытались обстрелять курсантов, что называется, с бреющего полета. Встреченные ураганным огнем всех четырех колонн со всех четырех сторон шахты, они были в мгновение ока сбиты, а по баррикадам, которые на этот раз оказались сооружены из груженных ру-

дой платформ и горнодобывающего оборудования, курсанты, ничтоже сумняшеся, шарахнули из плазменных пушек. Платформы неслись по крутой спирали вперед и вниз на предельной скорости. Трясло и швыряло немилосердно, причем как-то сразу во все стороны. Ховрину, сидевшему позади и чуть ниже Гронкса, и вовсе было абсолютно не понятно, как это бедняги курсанты, стреляя, еще умудряются во что-нибудь попадать.

Физиономия Гронкса сияла то ли азартом боя, то ли просто оттого, что на свою вихрастую курсантскую башку он – да еще с полным правом! – напялил боевой шлем коммодора второго ранга. Перед ним прямо в воздухе, мгновенно отслеживая малейшее движение его головы, виртуализировало аж целых четыре экрана, разделенных на множество окон, отражавших, как понимал Ховрин, состояние боя для каждой колонны курсантов. Три из четырех Коммодорских экранов были Ховрину хорошо видны, так что по сторонам он старался не смотреть, и глаз от этих самых экранов старался, по возможности, не отрывать. Наблюдать за ними было не то чтобы интересно, но как-то спокойнее, создавалась видимость отстраненности от событий. Типа того, что смотришь рекламку по телетаксеру, а сам как бы ни при чем, и никакого отношения к происходящему не имеешь. Окна открывались, закрывались, возникали снова, иногда раскрываясь во весь экран, как только Гронкс успевал отслеживать происходящее? Он колотил себя кулаком по коленке и вывизгивал

команды в полный голос, совершенно позабывши о командирском башке, так лелею в обычное время:

– Судак, мать твою в тибидух и перетрах! Не ввязываться в бой! Вперед! Быстрее! Прорвался – и вперед! Быстрее, быстрее, а-аоставь его в покое, раз уж он успел спрятаться! Третья колонна, мужеложцы хреновы, вам мало, чтобы в гриву, надо и в хвост? Задницу прикройте! Банзай, чайник перетраханый, хавальник захлопни, помоги второй ... эй, эй, слева, слева...

Слева, из второго бокового ответвления магистрального тоннеля, ведущего в Северную шахту, вывернулся юркий флаттер и увязался за колоннами. По флаттеру немедленно открыли огонь с замыкающих платформ, но плазменные пушки на платформах были плохо приспособлены для стрельбы по таким маленьким и юрким воздушным целям. Машина ловко увернулась, заложив крутой вираж, вышла из-под обстрела, и не отставала, держась вне пределов досягаемости.

– Глядите в оба, – надрывался Гронкс, – этот сучий флаттер тут не зря, глядите в оба...

С бокового, плохо видного Ховрину экрана, на котором, по всей видимости, бессменно торчала генеральская физиономия, то и дело доносилась нервная тарабарщина, в которой единственно понятным Ховрину цензурным словом было слово "быстрее". Гронкс визгливо и возбужденно отвечал тарабарщиной не меньшей. Правда, смысловая нагрузка со-

ставляющая у него была несколько более объемной, и включала еще общедоступные высказывания, вроде "не понимаю" и "тут что-то не так", правда, высказанные несколько другими, значительно менее подцензурными словами.

– Эти козлы совсем не бараны, – орал Гронкс, обильно перемежая осмысленные словосочетания виртуозными идиоматическими выражениями специфического содержания, – они такие же люмпы, как я шлюшка из подтанцовки лабуха с гидропонного Бродвея! Нам перекрывают дорогу позади, а не впереди, и лупят по последним платформам, а не по первым. Я вам говорю, тут какая-то гнусь! Они подталкивают меня вниз, а не мешают, вот фишка-то в чем!

Коммуникатор в шлеме Ховрина снова издал характерный писк вызова по выделенной линии. На связи был все тот же непоседливый Виктор Бюллер.

– Стас! Со мной мой отец на связи. Ты только послушай, что он говорит. Я подключаю тебя к его линии, это... это...

Из коммуникатора раздался голос Бюллера – старшего.

– Координатор Ховрин? Я должен довести до Вас сведения чрезвычайной важности. Предупреждая всяческие Ваши протесты, спешу заявить, что все это стало мне известно совершенно случайно, и не доведено до сведения остальных членов Совета только вследствие отсутствия контактов.

– Давайте без преамбул, – буркнул Ховрин, тон старого лиса ему очень не нравился. Господин Ответственный секретарь и Председатель говорил резко, отрывисто и, как по-

казалось Ховрину, не без изрядной доли злорадства:

– О, извольте, извольте. Не хочу каркать, но кое-кто, сдается мне, хочет погреть себе руки на безвластии. Не люблю я быть застигнутым врасплох. Предпочитаю иметь собственные источники информации помимо... седьмого уровня. Так вот, когда проводилась эвакуация Северной шахты, некоторые грузы направляли, оказывается, не в космопорт, а на промежуточный склад, где-то в районе карстовых пещер. Самое интересное, что изо всех подразделений, которые были выделены санацией на заслоны от Скрыпов, львиная доля была размещена там же, поблизости. Мои информаторы докладывают, что все это время на складе в ударном порядке формировался просто гигантский грузопоезд с платформами – контейнеровозами высшей радиационной защищенности. Вам это о чем-нибудь говорит? Груз нигде не был зарегистрирован. Что это за груз, я не знаю, и даже боюсь догадываться, но если он имеет отношение к известной легенде о пульсирующих реках – Пульсарка-то рядом... тогда стоимость его просто запредельная. До начала инцидента грузопоезд проторчал на складе, в путь он ушел только сегодня секунда в секунду с началом атаки на Гнездо. В свете этой информации и дальнейших событий полное исчезновение верхушки санации во главе с самим Фетменом выглядит более чем странно, не находите?.. Особенно если учесть, что чуть ли не все подразделения санации ушли с гвардейцами на Гнездо, а оставшиеся, кроме ваших курсантов, блокиро-

ваны внизу.

– Стойте, – перебил его Ховрин. – Сейчас Вы все это повторите командиру колонны. Я человек не военный, а действовать нужно быстро и решительно. Я, кажется, догадываюсь... Нельзя допустить, чтобы этот чертов грузопоезд увел у нас из-под носа.

– Да уж, что-что, а этого грузопоезда вице король нам никогда не простит.

– Я вообще не понимаю, какого черта Вы до сих пор молчали?

– А как бы я мог Вам об этом сообщить? Я что, накоротке с инфорами всех платформ Города? Откуда мне было знать, где изволит пребывать господин координатор Ховрин? С Вами связи я не имел, а генерал... я представления не имел, на чьей он стороне. Мне и самому обо всем этом деле тоже знать не полагается. Да и, уж извините старика за прямоту, как я мог быть уверен, что не лично Вы вкупе с иными прочими стоите за всей этой историей? Что Вы тут ни при чем, я смог увериться лишь когда ваши курсанты ввязались в драку.

Выслушав Бюллера, Гронкс тут же впился в Ховрина преданным взглядом, готовый действовать немедленно и со всем возможным рвением.

– Ну, и что дальше? Что предпримем? – перекрикивая грохот боя, заорал Ховрин.

Гронкс резко дернулся к нему всем телом.

– Что прикажете, господин координатор!

– Что?.. а-а, ну да... ставлю задачу. Я не могу допустить, чтобы подрывные элементы завладели преступным путем, так сказать, достоянием ... э-э... комтов Азеры. Отдайте все необходимые распоряжения, лейтенант.

– Слушаюсь! – рявкнул Гронкс, и тут же завопил в коммуникатор, – Банзай, берешь свою роту и всех уцелевших пацанов Судака... Судак, слышишь меня, ты поступаешь в распоряжение Банзая... Младший лейтенант Су... э-э... Вихрофф, почему не отзывается! Вы с уцелевшими курсантами вашей роты поступаете в распоряжение младшего лейтенанта Япончика, приказ ясен, Судак?.. Банзай, на максимальной скорости чешешь назад к шлюзам. Цель – найти, перехватить и задержать грузопоезд, идущий к поверхности... не уничтожить, идиот, а именно что перехватить и задержать! Не ошибешься, я тебя уверяю, он сейчас один такой, больше психов нету. На имена, чины, бумаги и все такое внимания не обращать, всех сопровождающих арестовать тоже, невзирая на чины и звания, хоть генералы будут. Попытки сопротивления пресекать со всей крутостью, то есть предельно... Не волнуйся, попытки будут, народ там идет серьезный, может, еще придется стрелять в очень даже всем нам знакомые начальственные хари. На время выполнения задания отряду присваивается статус группы захвата. Группа выводится за рамки штатной субординации и подчиняется только координатору Ховрину и мне. Понял, Банзай? Больше никому. Даже если в сопровождении окажется начальник

училища commodор Корн, ты арестуешь и его... с удовольствием, и в рыло?... вот и ладненько. Заместителем начальника группы назначаю младшего лейтенанта Суда... Вихроффа. Судак, объясни своим – башки поотрываю, если начнут возникать и не подчиняться Банзаю, не посмотрю, что старые кореша... Пацаны! Чтоб вы поняли и прониклись. Вся хренотень, что тут творится, и вокруг нас, и внизу с андроидами, и вообще, все из-за этого грузопоезда. Не расслабляйтесь, пацаны, там еще и скрыплы, будьте начеку, хавальники не разевать, буркалами не хлопать, зарядов не жалеть.

Гронкс плюхнулся на сидение и вытер вспотевший лоб рукой. К парню следовало приглядеться повнимательнее, он явно не был таким простаком, каким представлялся на первый взгляд. Истинную суть операции он просек сходу.

– Скажите, лейтенант, оставшихся сил нам хватит для разблокирования тоннелей? И что мы будем делать потом? – спросил Ховрин.

– Андроиды, господин Координатор, на много порядков мощнее по энергии, но мы имеем подавляющее преимущество в маневре. Они и пукнуть, простите, не успеют, как мы их прихлопнем. А как разблокируем шмон-тоннели, освободим основные силы санации, так ведь – что прикажете. Я бы всю мародерную сволочь не к поверхности погнал, а к Северной шахте, к скрыплам, да генерал не велит. Нельзя, говорит, их в угол загонять, они тогда как крысы встанут насмерть... ну, он бугор, ему видней. А тут еще и грузопоезд этот.

– Вот что, лейтенант. Ты тут только что отдал приказ об особом статусе этого самого вашего Япончика. Разумный приказ. Я, пожалуй, весь отряд тоже выведу за пределы всяческих субординаций. До особого приказа подчиняться будете лично и только мне, а там посмотрим.

– Стас! – забился в коммуникаторе донельзя возбужденный голос Виктора. – А можно я тоже пойду с ребятами за грузопоездом?

– Зачем, – насторожился Ховрин.

– Ну, как?.. Интересно же...

Ага, подумал Ховрин, интересно тебе... знаю я эти твои интересы, а вслух сказал:

– Оно, конечно, не плохо бы. Был бы там моими глазами. А то мало ли. Только как это сделать? Банзай со своими чуть ли не на противоположной стороне шахты.

– А вот тут мне парни подсказывают, мы только что проскочили флаттерную стоянку...

– Господин Бюллер, Вы в чьей машине? – вмешался в разговор Гронкс. – Эй, Комар?

– Я, – раздался в коммуникаторе густой бас, чем-то неуловимо напоминающий, тем не менее, комариный писк.

– Не "я", а "так точно", – сварливо поправил Гронкс. – Господин Бюллер с тобой? Бери своих, загружайтесь в пару флаттеров и вперед. Будешь осуществлять разведку и огневую поддержку Банзая с воздуха. Она ему понадобится, чем хошь клянусь. Так что в каждую машину взять по плазмен-

ной пукалке. И учти, Комар, за жизнь господина Бюллера ты лично отвечаешь головой.

Курсанты вели флаттеры вполне прилично, видимо, и этому делу учили их тоже неплохо. Обе машины шли в классической связке двойкой: "хвост – хвост". Как и полагалось при патрулировании шахтного ствола, шли по спирали, отслеживая семерку платформ Банзая, на предельной скорости спешивших обратно к шлюзу.

Стоило платформам Банзая повернуть назад, как неизвестный флаттер, нагло висевший над колонной, заложил крутой вираж и по круто восходящей траектории устремился вверх.

– Куда это он? – озадаченно спросил курсант, сидевший за штурвалом командирского флаттера.

– Тебе что за дело? – презрительно прогудел Комар, явно наслаждавшийся своим офицерским положением. – Наше дело прикрывать Банзая. Приказ слышал?

– Там было и про разведку, – пробормотал штурвальный под одобрителный ропот обоих курсантов – стрелков.

– Ты, конечно, Умник, но тут тебе не классы, не выпендривайся! – ощерился Комар, ответом ему было лишь не слишком добродушное молчание. "Ишь, ты, страсти-то какие кипят!" – усмехнулся про себя Виктор, а Умник вдруг заорал:

– Пацаны, гля, этот гад в межшахтный намылился, – и, ты-

ча пальцем в ударающий флаттер, схватил Комара за плечо.

– Убери руки, отшибу, – взревел Комар, сбрасывая с себя руку Умника. – Я тебе офицер или хрен собачий?!

"Гад" и в самом деле нырнул в гигантский зев магистрального межшахтного тоннеля и исчез.

Умник, оглядев Комара откровенно ненавидящим взглядом, заявил вдруг предельно официальным тоном:

– Господин младший лейтенант, разрешите обратиться к старшему по команде.

– Это еще зачем?

– Срочный рапорт для принятия незамедлительных мер, – проорал Умник и, не дожидаясь ответа, возбужденно завопил в микрофон коммуникатора:

– Банзай, слушай, я понял, они не пойдут через наш шлюз, гадам буду. Они хотят смыться через шлюз Северной, там такой бардак, что...

– Думаешь?.. – раздался возбужденный вопль Банзая, – я и сам... не даром этот сучий потрох в межшахтный нырнул. Ну, жас мы их! Слушать мою команду. На ближайшем круге разворачиваемся и выскакиваем на второе полотно путепровода. Перед входом в магистральный перестраиваемся. В авангарде пойдут...

– Постой, Банзай, я бы в магистральный не лез, – орал Умник, – Там ловушка, как пить дать. Нас выжгут, как клопов. Надо иначе, надо...

– Ма-алчать! Прекратить базар в эфире! Я вам покажу,

как демаскировать колонну! Командиры машин, выключить коммуникаторы к ядрене фене! Выходить в эфир разрешаю только командирам платформ, и то по крайней необходимости. Мы тут не кореша и собутыльники, а санаторы на боевом посту... в смысле, на задании. Комар! Пойдешь в разведку, твоего ведомого я пушу в авангарде колонны. Гляди в оба, в принципе, твой стратег прав, там вполне может быть засада.

Флаттеры один за другим нырнули в магистральный тоннель. Комар заметно нервничал, штурвальный хранил угрюмое молчание. Вдруг, видимо спуская пар, штурвальный резко потянул штурвал на себя и влево. Флаттер юлой завертелся в крутейшей спирали чуть ли не впритирочку к стенам тоннеля.

– Эй ты, стратег хренов, у тебя что, крыша едет? – истошным голосом завопил Комар.

– Отрабатываю маневр вывода флаттера из-под обстрела в ограниченном пространстве тоннеля! – гаркнул в ответ штурвальный, демонстрируя предельно верноподданное усердие.

– Прекратить! – орал Комар, а сидевший сзади улыбочивый малый с лицом, как показалось Виктору, может быть, и чуть простоватым, но на редкость приятным, негромко сказал, подхватывая словцо на лету:

– Ты бы, Стратег, это... ты бы полегче... мы теперь все от тебя зависим ... так что уж гляди...

Вот так и рождаются новые прозвища. Да. Умником он,

видимо, был в классах, на поле боя такое прозвище не приживется, а вот "Стратег" – очень может быть и прилипнет. Виктор в задумчивости почесал в затылке. Покуда этот парнишка всегда оказывался прав. И это наводило на размышления.

– А что бы ты сделал на месте Банзая, будь твоя воля? – спросил он, нагнувшись к уху штурвального. – И можно я тоже буду называть тебя Стратегом?

Прозвище, вроде бы, было вполне себе ничего, почетное. Стратег пожал плечами, всем своим видом показывая, что он выше подобных мелочей, но ответил быстро и охотно.

– Я бы бросил платформы к ядрене фене и пересел на винтокрылы, Вы, может, не обратили внимания, но их там, у шлюза до этой самой матери стоит, в том числе и наших, санационных, с полным боекомплектom и даже с ракетами. Вышел бы здесь же в Центральной шахте на поверхность, и встречал бы этот караван у шлюзов снаружи. Нас тут до хрена, можно взять под контроль все ближние выходы. Груз, надо понимать, вывозят нелегально. Если пошарить там по окрестностям, наверняка можно перехватить контакт с перевозчиком. А если взять или даже просто спугнуть перевозчика, грузопоезд можно брать голыми руками. Куда он денется?

– Может, ты все же заткнешься? – зарычал Комар.

– Не будем ссориться, офицер, – с нажимом сказал Виктор. – Стратег всего лишь отвечает на мои вопросы. А когда

я задаю вопросы, на них отвечают и гораздо более важные лица, причем немедленно и охотно... ты все понял, младший лейтенант?

– Так точно! – рявкнул Комар, с некоторым опозданием сообразив, что раз уж этот тип поручен особому вниманию командира группы, то значит человек он влиятельный. – Я ведь что? Я к тому, чтобы ему не отвлекаться.

– Ладно, ладно, я больше и не намерен его отвлекать. – Виктор демонстративно хлопнул Стратега по плечу. – Запомни мое имя, Стратег. Меня зовут Виктор Бюллер. Эта фамилия кое-что значит на планете. Когда все будет позади, найди способ со мной связаться. Не пожалеешь. Я люблю людей твоего склада и охотно с ними сотрудничаю.

Кто-то из курсантов сзади шумно вздохнул. Закрепляя достигнутый успех – играть "Значительное Лицо" оказалось чертовски приятно – Виктор повернулся к ним.

– Ну, что ж, давайте и с вами знакомиться, ребята. Мое имя вы знаете, а как звать вас?

Первым отозвался жилистый малый с плазменной винтовкой.

– Снайпер, – с удовольствием сказал он, явно гордясь почетным прозвищем.

Рукопожатие у него было крепким, имеющим откровенную цель проверить влиятельного шпака на прочность. Однако Виктор был парнем с поверхности, к тому же обучавшимся в элитных учебных заведениях... так что вышла ни-

чья, после чего во взгляде Снайпера на Виктора заметно добавилось уважения.

– Коля, – сказал второй и улыбнулся простецкой и даже несколько застенчивой улыбкой, – а прозвища у меня нет. Они ко мне не липнут.

– Он у нас выдающийся, что ничем не выдающийся, – заржал Снайпер.

Коля обиженно вздохнул. Стратег посмотрел на Снайпера откровенно нелестным взглядом, но ничего не сказал, только сплюнул и отвернулся.

Флаттер мчался по гигантскому тоннелю, соединявшему Центральную и Северную шахты. В обычное время тоннель был бы полон света, жизни и движения, по нему мчались бы грузопоезда и межшахтные экспрессы, мельтешили бы юркие скримеры и с хищным шипением, сопровождающим вибрацию энергонесущих полостей, проносились стремительные флаттеры с размытыми от этой очень характерной вибрации контурами корпусов. Сейчас же он был темен, пуст, и носил на себе отчетливые следы недавнего разгула толпы.

Стратег со вздохом повернулся к Комару.

– Сейчас будет законсервированная развязка с недостроенной кольцевой дорогой. Может, пойдем по обходной штольне и выйдем в эскалаторный зал слева сверху, уж больно место это мне не нравится.

– Вперед, – жестко сказал Комар. – Командовать будешь,

когда тебя произведут.

– Но...

– Я сказал – вперед! – яростно взревел Комар.

– Пацаны, – отчаянно завопил Стратег, – держись!

Флаттер рванулся вправо вниз и, описав мертвую петлю, вылетел в эскалаторный зал под самым потолком. Виктор успел уловить далеко впереди и внизу какое-то грузное движение, но в тот же миг эскалаторный зал вздыбился и улетел куда-то вбок, Виктора швырнуло на Комара, сзади послышались испуганные вопли стрелков, а внизу, там, где угадывалось тяжелое движение неких огромных масс, полыхнул нестерпимой яркости огонь и послышался оглушающий грохот. Сзади вопили в два голоса что-то невнятное, Комар сидел с закатившимися за лоб глазами, а флаттер уже проваливался вниз по узенькому эскалаторному штреку, сзади стремительно нагоняла огненная волна, и в поле зрения была одна лишь напряженная спина Стратега, вцепившегося в штурвал: "Держись, пацаны-ы!" Флаттер снова метнулся влево вверх и, проскочив в какой-то невероятно узкий отрезок штольни, замер, завис в воздухе, чуть ли не упершись обтекателем в шершавую бетонную стену. Огненный вал с ревом промчался мимо где-то там, за стеной. Налетевшая воздушная волна с треском шарахнула флаттер обтекателем о бетон, но это были, по большому счету, уж и вовсе сущие пустяки. Пронесло. И сами целы, и флаттер, вроде бы, вполне еще способен передвигаться. Как ни странно.

С пола флаттера неловко поднялся Снайпер. Лицо его было в кровь разбито, но в ободранных руках он по-прежнему цепко сжимал плазменную винтовку. Стратег висел на штурвале как огромная мятая грязная тряпка. Коля тоже вытирал кровь с разбитого улыбающегося лица, и улыбка эта выглядела на редкость пугающе и дико. Виктора била дрожь. Он нервно ощупывал себя непослушными руками, боли, вроде бы, не было.

На своем командирском месте суетливо и шумно завозился Комар. Он несколько раз громко чихнул и спросил с каким-то даже удивленным вызовом в голосе:

– Ну, и что это такое было, пацаны?

Ни одна голова в его сторону не повернулась.

– Но ведь платформы отстали, правда?.. – торопливо говорил Коля, искательно заглядывая в лица соседей, – ведь они отстали, правильно?.. скажите, отстали?.. отстали, да?..

– Извини, друг, – покачал головой Стратег. – Андроид шарахнул со всей дури.

– Но... ты так гнал...

– Чего ты пристал? – злобно заорал Снайпер. – Чего пристал? Не чуешь, каким оттуда жаром несет? Там до самой Центральной все выжжено, понял?

– А как же пацаны?.. Банзай?.. Алеха с Чуваком?..

– Никого больше нет, и Банзая нет, и Алехи с Чуваком.

Коля схватил игломет, передернул затвор и всем корпусом развернулся к Комару.

– Падла! Сволочь! Убью, крыса поганая!

Ошеломленный Комар растерянно хлопал глазами, а на плечах у Коли с воплем: "Совсем, что ли, сдурел?", уже висел Снайпер, пытаюсь выдрать из цепких Колиных пальцев игломет. Наконец, Коля перестал сопротивляться, выпустил игломет из рук и разрыдался.

– Пацаны... кореша... как же это?..

– Я думаю, что будет лучше для нас всех, – решительно вмешался Виктор, постаравшись предать своему голосу максимум авторитетности, – если с этого момента командовать группой будет Стратег. Я, господа, член Экономической Комиссии и, кроме того, я уже сказал, что фамилия Бюллер на планете, вообще-то, кое-что значит. Как только мы доберемся до места, я гарантирую ему, как минимум, звание лейтенанта. Он готовый зрелый офицер. Если бы он нами командовал, или хотя бы у командования колонной хватило ума к его словам прислушаться, задача была бы выполнена, – он помолчал и добавил шепотом, – и все были бы живы... Приступай выполнять, Стратег.

Стратег внимательно оглядел товарищей, нет, его право командовать никто не оспаривал. Комар индифферентно глядел в сторону, понимал, сволочь, что за художества, очень даже возможно, что придется и отвечать, когда начнут искать крайнего. Что касается остальных, то они просто ловили каждое его слово.

– Прежней дорогой не пройти. Выходить надо здесь, че-

рез Северный шахтоквартал, потом по поверхности до шлюза Центрального квартала. Связь с базой накрылась медным тазом, флаттер чуть живой, а Северная набита скрыплями, что бубонная крыса блохами. Все взаимные обиды отставить до седьмого. Нам бы выжить, пацаны. Учтите, украденный грузопоезд ведут где-то здесь. Напороться можем в любой момент. По местам, глядеть в оба и стрелять без команды. А еще я вам вот что скажу, пацаны. Не по службе, а как корешам. Вот его, – он ткнул пальцем в Виктора, – беречь ценой хоть бы собственной шкуры. Нашей подготовки у него нет, так что на руках понесем в случае чего. Только он может подтвердить, что мы никакие не дезертиры и не предатели, а совсем наоборот. Я начинаю спуск. По местам, и глядеть в оба. Кто-нибудь знает, куда эта штольня ведет?

И тут на Виктора навалился чудовищный, панический страх.

Все пространство было разбито на сектора, каждый следил за своим. Флаттер на лету дергался из стороны в сторону, и все время норовил нырнуть носом. Как Стратег умудрялся управляться с этой развалиной, было уму непостижимо.

Виктор отнесся к поручению с предельной добросовестностью, хотя оружия Стратег ему не доверил, и в случае чего просил просто заорать.

– Что заорать? – растерялся Виктор.

– А неважно чего. Заорите – и все.

Сзади сверху повизгивала сервоприводами турель пушки. Надо понимать, это Коля отслеживал направления, с которых можно было ожидать неприятностей. Снайпер, которому Стратегом было велено "развернуть гирокресло", прилежался в каком-то странном устройстве точно посередине между Виктором и Комаром, в руках он сжимал свою неизменную плазменную винтовку. Но вот что показалось Виктору очень удивительно – как бы машину ни мотало, ни дергало и ни кренило, Снайпер в этом своем гирокресле всегда сохранял строго вертикальное положение. Кажется, это называется "гироскопический эффект", вдруг вспомнилось ему.

Похоже, что все действующие лица последующих событий заметили друг друга практически одновременно, а вот

среагировали по-разному, в зависимости от возраста, скорости реакции и тренированности. Виктор, к примеру, издал предписанный вопль, когда все было уже практически кончено, а похитители... старшие офицеры санации народ, конечно, опытный и бывалый, но соревноваться в скорости реакции с двадцатилетними парнями им, пожалуй, было трудновато.

Стратегу удалось увернуться от прямого удара вражьей лазерной пушки, однако и рикошета от стен хватило для того, чтобы их многострадальный флаттер окончательно вышел из строя. А вот Снайпер в полном соответствии с прозвищем успел вклепать из своей винтовки целых два разряда в обтекатель флаттера похитителей прямо против места водителя. И тут же Коля превратил потерявшую управление вражью машину в облачко раскаленных газов.

Стратегу не оставалось ничего другого, как плюхнуться флаттер на пол тоннеля прямо на пути грузопоезда, прущего вперед на предельной скорости. Снайпер, первым выскочивший из разбитой машины, ударил вдоль полотна дороги перед передней машиной поезда и перевел прицел на кабину. Машина остановилась.

– Выходить по одному, только слева, руки держать на виду, – истошно вопил Стратег, направляя на открывающуюся дверцу аж целых два игломета, что с точки зрения Виктора, было явным перебором.

Дверца кабины открылась, и по смонтированной на ней

лесенке на дорогу медленно спустилась грузная фигура в черном – парадном! – мундире санации. Фигура повернулась и оказалась начальником училища коммодором второго ранга Корном. Собственной персоной.

Стратег подошел к нему вплотную.

– Господин коммодор, Вы арестованы, прошу сдать оружие.

– Курсант! Ты с ума сошел? Кто дал тебе право вмешиваться в секретные операции командования? – заорал Корн. Стратег, не отвечая, повернулся к Комару.

– Младший лейтенант, примите оружие арестованного.

– Что-то я не помню, чтобы подписывал документы о твоём производстве в чин, – желчно сказал Корн, протягивая Комару игломет. – Сами себя производим, господа курсанты?

– Нет, господин коммодор, – вмешался подошедший Виктор. – Производство проведено по всем правилам на поле боя координатором Ховриным. Задержание грузопоезда и Ваш арест проведен также по его приказу.

– Господин Бюллер? И Вы тут?.. Ну да, ну да, и это – ваши люди... Тогда конечно... Послушайте, Виктор, давайте отойдем в сторону, мы вполне можем договориться.

Виктор посмотрел на коммодора с умилением, которого только и заслуживала подобная наивность.

– Коммодор! Я не буду говорить о высоких материях, о чести и всем таком. Когда речь идет о деньгах такого мас-

штаба, это просто смешно. Но! То, что вы, пардон, уперли, принадлежит даже не Компаниям, хотя они все равно будут на вас крайне разобижены, со всем отсюда вытекающим. Это принадлежит вице-королю планеты, абсолютному победителю только что закончившегося конфликта. В империи вора достанут компании, здесь вице-король. Покойникам деньги не нужны.

– Вздор, Вы не понимаете, – начал было Корн, но Виктор уже повернулся к нему спиной и обратился к Стратегу.

– Послушайте, а как мы теперь поедem назад? В кабине больше трех человек не поместится, а остальные? Тут оставаться нельзя, скриплы от пальбы, конечно, разбежались, но они вот-вот снова появятся.

Стратег, соглашаясь, покивал головой.

– Значит так, Снайпер и Комар остаются здесь, сторожат груз и арестованного. Мы пошарим по окрестностям, поищем что-нибудь самодвижущееся. Авось, чего и найдем. А вы тут смотрите в оба, пацаны, господин Бюллер прав, скриплы должны вскоре вернуться.

Однако их надеждам найти средства передвижения, увы, не суждено было сбыться. Все окрестные штольни, штреки, залы и тоннели несли на себе следы поспешного бегства людей... вот потому-то, очевидно, и не было тут ничего, способного самостоятельно передвигаться. В насосном руме, перегораживающем магистральный воздуховод, они, правда, натолкнулись на скример, но радость их оказалась несколь-

ко преждевременной. Какие-то варвары, изрядно потрудившись, совершенно искорежили его гондоле язык и вдребезги разнесли узел коммуникатора.

Выход, к всеобщему изумлению, нашел Коля.

– Стратег, – вдруг заорал он, – смотри, что я нашел!

Коля стоял, склонившись над каким-то разбитым ящиком, явно свалившимся с грузовой платформы во время бегства, и держал в руках странного вида предмет. Более всего предмет напоминал уменьшенную раз в тысячу летающую тарелку волопасных пауков из сериала "Пауки Вселенной". Виктор со Стратегом подошли и встали рядом.

– Ну, и что это?

– Не знаете? Это же проходческие дюбели.

– Что?

– Ну, – смутился Коля, – я не знаю, как это правильно называется, только когда при проходке штольни надо что-то быстро к неровной стенке прикрепить, дюбель нашлепывают на нее вот так, и включают. Там такой наконечник внутри, так он в любой породе пробивает дыру и в ней застревает, что твоя пломба в зубе. Потом вот эту пленочку сдернешь, прижмешь сюда, что тебе надо, оно приклеится – не отодрать. Прочность, доложу я вам, жуткая. Мы на таких дюбелях в детстве тросы поперек дороги в ущелье натягивали. Грузы с платформ скидывать. Резвились...

– Ну, а нам они на что? – сердито спросил Стратег.

– Не понимаете? Мы можем сидения с нашего флаттера к

грузопоезду пришпандорить...

– Невозможно. Там обшивка из свинца. В ней дюбель под нашим весом не удержится. Да и вообще, стоит только эту обшивку повредить, оттуда такая поперет радиация, что мало никому не покажется, – с сожалением начал было Виктор, но тут же и осекся, вдруг увидев, насколько счастливой стала вдруг физиономия Стратега.

– Зачем обшивку? – восторженно орал Стратег. – Мы их прямо к кабине присобачим, сверху от скрыплов накроем обтекателем с нашего флаттера, да и поедем – себе, с комфортом, с растопырочкой, что твои Координаторы... простите, господин Бюллер, если я чего не так сказал, я это от радости. Ах, ты, эк чего удумал, Дюбель ты хренов!

– Да, Коля, – вторил ему Виктор. – Это ты, Коля, молодец! Это ты, Коля, супер!

– Господин Бюллер, – тихонько шепнул ему на ухо Стратег. – Зовите его Дюбель...

– Что-что? Не понял?

– Он заслужил.

Нагрузившись дюбелями – даже Виктор волок несколько штук – они с веселым гомоном направились назад.

У головной машины с неизменной своей плазменкой в руках стоял Снайпер. Ни Корна, ни Комара не было видно. Очевидно, отсиживались в машине. Снайпер еще издали заорал:

– Ну, нашли, что ездить может?

– Нету тут ни хрена, но...

– Вот и хорошо, – даже не дослушав, сказал Снайпер и направил винтовку на друзей. – Значит, жить будете... не дергайся, Стратег, куда тебе с иглачем против плазменки? Стойте, где стоите, пацаны, целей будете.

Дело было ясней ясного. Пока они шарили по окрестностям, господин Корн тут времени даром не терял.

– Продались, Иуды?

– Ага, – безмятежно подтвердил Снайпер. – Но жизнь я вам выговорил, кореша.

– Мы тебе не кореша, сучонок! – взревел Коля-Дюбель. – наших корешей твой покупатель сжег!

Снайпер явно обиделся, а высунувшийся из кабины коммодор сказал ему:

– Я ж тебе говорил, что благодарности от них не дождешься. Пристрели их, пока не поздно, найдут что-нибудь летучее, привяжутся, воюй с ними потом. Да и вообще, свидетели в таком деле нам ни к чему.

– Вы идиоты, – крикнул Виктор. – Ваш контакт, вы думаете, вас все еще ждет? Он давно уже улетел к чертовой матери! Куда вы с планеты денетесь? Снайпер! Кончайте дурить, и мы никому ничего не расскажем, клянусь!

– Вы сами идиот, уважаемый Виктор... и совсем Вы не в папашу, – проорал Корн и громко расхохотался. – Уж он-то тут никак не растерялся бы, а Вы есть самый настоящий кретин. На поверхности мы этот поезд спрячем так, что его

ни одна собака не найдет. Смыться с Азеры – это даже не просто пара пустяков. Это половина пустяка в нынешней-то неразберихе. Сколько она продлится, Вы себе представляете, хотя бы смутно, дубина? А вывести с планеты припрятанное есть в буквальном смысле дело техники.

– Э-эй, Колянчик, ты куда это полез, шалун? – проорал вдруг Снайпер самым издевательским тоном, на который был способен. – Нехорошо бросать в беде корешей. А ну, слазь с машины и иди к ним, думаешь, я не вижу?

Виктор оглянулся.

С ближайшей грузовой платформы – когда только влезть успел! – с угрюмым видом спрыгнул Коля, подошел к товарищам и, глядя в землю, встал рядом. Виктор с неприязненным видом покосился на него: понятно, почему на тебе прозвища не держатся... и тут же насторожился, он вдруг увидел, что тот незаметно для Корна и компании ткнул Стратега кулаком в бок.

– Ну, ладно, – проорал Корн, истекая злорадством. – Заболтались мы тут с вами. Пора и честь знать. Да и скрыплы вас заждались. Им, небось, тоже жрать охота.

Поезд тронулся с места и начал медленно наращивать скорость. Снайпер наблюдал за бывшими друзьями, высунувшись по пояс из кабины. Перед тем, как скрыться в кабине, он крикнул:

– А все-таки шанс я вам дал, пацаны!

Последняя платформа грузопоезда с ревом исчезла в тон-

неле. Проводив ее глазами, Стратег повернулся к Коле.

– Ну, и что ты там делал? Дюбель, что ли, прилаживал?

– Ага... а как ты догадался?

– Сам только и думал, как бы контейнер продырявить, чтобы поезд оставлял радиоактивный след. Ну, Дюбель, ты молодец. Спрячут они его, сволочи, как же!.. Теперь они от нас никуда не денутся, везде найдем.

– Позвольте, парни, – удивленно сказал Виктор, – как это... я не понимаю, радиоактивный след... Но там же вся поверхность радиоактивная. Как же мы этот след отловим?

— Отловим, господин Бюллер, – авторитетно сказал Коля, с удовольствием вживаясь в роль лихого курсанта Дюбеля. – Радиация, она радиации рознь. Никуда они от нас не денутся, дай нам только радиометры взять.

– Ладно-ладно, кончай базарить, пацаны... простите, господин Бюллер... Пошли-ка к тому скримеру... Дюбель! Прихвати вон кусок флаттерного обтекателя. Скример вполне исправный, только язык гондолы отодран, да блок коммуникатора разбит. Коммодор Корн, небось, постарался искорежить, чтобы ни с кем связи из скримера установить было нельзя. Попробуем ему из этого обтекателя какое-никакое соорудить днище. Надо поскорее добраться до седьмого уровня, Гронкс с пацанами его, небось, давно уж разблокировали. Возьмем флаттеры с радиометрами, бластеры и... я ему покажу шанс, подонку!

– Э-э... э-э... пацаны, нет-нет, – встревожился Виктор. –

Не надо на седьмой. Не надо терять время. Пока доберемся, пока найдем флаттеры, радиометры, пока добудем бластеры. Надо лететь сразу в Гнездо к самому комту.

– Так нас к нему и пустили... впрочем... Вы, что же, его лично знаете?

– Встречались, – уклончиво ответил Виктор.

– Удивительное здесь какое-то место, пацаны, – задумчиво сказал Стратег. – Скрыплов до сих пор нету, а вокруг, вон, смотрите-ка, сколько ихних валяется трупов. И даже не просто трупов, а растерзанных в клочки. Кем надо быть, чтобы такое сотворить со скрыплами? Кто знает, что тут еще за монстры водятся? Я с этим, который так разделал скрыплов, встречаться никакого желания не имею. Так что Вы, господин Бюллер, правы. Поспешим-ка мы лучше к вице-королю.

Глава вторая

1

Ховрин стремительно шагал по коридорам Белого Рума. Бледные и растерянные младшие служащие, поспешно уступая дорогу, жались к стенам, и – что характерно – ни одного среднего и, тем более, старшего чиновника ему по дороге не попалось. Попытались по щелям, сволочи!

Впрочем, когда Ховрин с сопровождавшими его курсантами вломился в свою приемную, он с удовлетворением убедился, что его собственная Ответственная секретарша сидела на своем месте, растерянная, перепуганная, но сидела, и даже пыталась работать.

Увидев начальство, пусть и пребывавшее в предельно растерзанном, даже раздрызгано-непотребном виде, Ответственная так по-детски обрадовалась, что у Ховрина даже потеплело на душе. Она вскочила с места, совершенно по-детски всплеснула руками и сбивчиво со всхлипами закричала:

– Стас... о, господи ... господин Координатор... А мы-то ... тут слухи... Какое счастье, Вы живой!

Властным взмахом руки Ховрин прервал ее излияния и, оглядев приемную, ставшую вдруг необыкновенно тесной и

шумной, принялся отрывистым голосом отдавать распоряжения.

– Господа офицеры, всем пока отдыхать. Здесь. Впрочем, особо не расслабляйтесь, возможно, вам еще предстоит работа. Катюша, организуйте для господ офицеров что-нибудь перекусить. Поосновательнее. Свяжитесь с приемными Координаторов и вызовите всех ко мне. Пусть явятся через сорок минут. Да-да, именно вызовите и именно пусть явятся, иначе я велю этим парням притащить их сюда за шиворот.

– Но, из Координаторов, вроде бы, кроме вас только Бюллер и уцелел... – начала было Ответственная, но Ховрин властно перебил ее.

– Пусть явятся их Информанты. Они Первые Советники, им и обязанности исполнять. И пусть захватят с собой всех, кого сочтут нужным для дела. У санаторов заправляет какой-то генерал-майор, не помню фамилии, так вызовите и его. Генерал, как занятый делом, может явиться в фантоме, а остальные только в истинных телах и никак иначе, что бы не прятались по щелям, сволочи, не то из-под земли достану и поотрываю башки.

– По моим сведениям, все они... как бы это сказать... короче, все боятся пальцем пошевелить. Выжидают, словом... ну... в общем, как там Гнездо скажет...

– Начнут дергаться, объясните, что не того они боятся. Комт пока что далеко, а я рядом. Если понадобится, сюда любого за шкуру приволокут. В Городе полный бардак, раз-

драй, свинство, а они ждут? Ну, так они дождутся! Я намерен с этим бардаком кончать. Немедля! Могу и с ними заодно!

Именно этими словами он встретил и собравшихся коллег, после чего потребовал отчета от каждого из присутствующих. Перечить не посмел никто.

Разнос, который неизменно следовал за словами подотчетного: "А что я мог сделать?" был просто устрашающим. Особую убедительность ему придавало присутствие в соседнем с кабинетом приемном руме решительного вида вооруженных парней, весь вид которых показывал, что они только что выдрались из весьма серьезной передраги, злы, возбуждены и выполняют самый жестокий приказ, не задумываясь.

Ховрин орал, брызгая слюной, стучал по столу кулаком и топал ногами. Самое мягкое, что довелось услышать злополучным "отцам города", было: не можешь ты – сделают другие, и вали-ка ты с занимаемого стула к ядрене фене!

Впрочем, оказалось, что не везде дела были из рук вон плохи. Генерал доложил о практически полном прекращении беспорядков во всех стратегически значимых узловых точках, магистралях и путепроводах Города. В течение полусуток он гарантировал полное спокойствие по всему Городу. А подотчетный Бюллеру банковско – финансовый сектор вообще не прекращал работы ни на секунду даже в самый разгар мятежа, так что финансовая катастрофа в ближайшем будущем Городу не грозила.

Однако, как оказалось, скриплы уже окончательно захва-

тили Северную шахту. Жиденские заслоны санаторов с огнеметами, поставленные еще распоряжением Фетмена в то время, когда размер опасности явно недооценивался, бессленно и совершенно героически сдерживали скрыплов в магистральных путепроводах и воздухопроводах. Однако уже имелись сведения, что скрыплы отыскиали другие пути – через штольни инженерных коммуникаций, кабельные каналы и канализационные сети, так что их массовое появление в соседних шахтоквартилах было вопросом самого ближайшего времени.

В промышленных секторах дела шли тоже совсем скверно. Они попросту никак не шли, и в стратегическом плане это было, пожалуй, даже и похуже скрыплов.

Все проходческие и добывающие работы были прекращены. Представители Объединенных Компаний, если и не смылись с планеты прочь, то в ужасе забились в щели, как тараканы, и выковырять их оттуда было легче сказать, чем сделать. Полностью бездействовали производственные уровни, даже гидропонный. А вот это уже грозило немалым и, главное, затяжным продовольственным кризисом. Запасов пищи в Городе с учетом не разграбленных остатков неприкосновенного запаса было максимум на трое – четверо суток. Между тем, остановка питающих насосов с неизбежностью приводила к гибели пищевых водорослей. Хлорелла и ламинаелла, основное сырье для производства протеина, погибали уже через сутки после прекращения подачи к их корневой

системе питающей смеси. Хорошо еще, что никакие идиоты не тронули жизнеобеспечивающие системы. Тут, возможно, просто-напросто сработал инстинкт самосохранения... и, слава богу.

– Даю вам пять часов, – ярился Ховрин, глядя в лицо Советнику от продовольствия пронзительным взглядом. – Потом вам и Звезды не помогут. В санатории сгною. Думаете, за вас вступится вице-король? Думаете, что он будет жутко благодарен, когда вы повесите ему на шею миллионы голодных ртов?

Бледный советник только вытирал шею мокрым от пота платком, кивал и соглашался.

– Да... да... да...

– Проверить работу всех насосов. При необходимости запустить подачу питательной массы по временной схеме с соседних ферм... Не смей возражать! Прокиньте временные трубопроводы, если иначе нельзя! Запросите у медиков антибиотики и вводите в питательную смесь. При безобразиях, что у вас творятся, наверняка занесли на поля кучу всяческой заразы.

– Антибиотики мы послали. Они уже на гидропонном, вот только кому их сдать? – сокрушались медики.

– Какого черта Вы еще здесь, а не уже там? – орал Ховрин, тыча пальцем в беднягу гидропонщика. – Вы слышали? Вас там ищут!

– Я бы просил Вас разрешить привлечь... Тут есть один,

Саша Лобов. В смысле, Александр, но его все зовут просто Сэш. Он старший технический служащий, но не в этом даже дело. У него огромный авторитет. Это он организовал защиту системы жизнеобеспечения, насосных станций на гидропонном, защиту обогатительных фабрик трансурановых элементов и вообще... Можно привлечь?

– Да хоть черта, лишь бы дело делалось! – свирепствовал Ховрин. – Валите отсюда, время для вас пошло, ясно Вам?!

– А чего из кожи-то лезть, – раздалось откуда-то из задних рядов. – Все равно Городу хана. Чего выпендриваться-то?

– Это кто сказал? – заорал Ховрин, вскакивая. – Встать и повторить мне в глаза!

– Спокойно, коллега, – хмуро пробурчал молчавший до сих пор Бюллер. – Это было сказано, не подумав.

Ховрин, отдуваясь, сел и в свою очередь полез в карман за платком. Бюллер укоризненно оглядел присутствующих и так же хмуро продолжал:

– Координатор Ховрин кругом прав. Абсолютно. А некоторая... экстравагантность его поведения вполне извинима, если учесть, что ему пришлось лично умирять, так сказать, вооруженные беспорядки. Многие из присутствующих в это время...

– А какого черта Вы-то сами делали "в это время"?.. да-да, Вы, не как финансист, а как Председатель Совета Координаторов?! – взвился Ховрин.

– Пытался отдавать те же самые распоряжения, что и Вы

сейчас, – с невозмутимой иронией отвечал Бюллер. – К сожалению, я не мог подкрепить их Вашими весомыми аргументами, – он с усмешкой кивнул на приемную. – Но позвольте мне закончить. Господа! Уясните себе раз и навсегда. Наше благополучие, да что там благополучие – сама наша жизнь намертво связана с Городом. Все мы давно распрощались со своими владениями на поверхности. Смерть Города – это наша смерть, господа! Не понимать это может только, простите, круглый дурак, а дураку среди управленцев не место. Это я для нашего "смельчака" говорю. Мы сейчас должны лезть из кожи вон, наизнанку должны вывернуться, но доказать комтам, что Город есть объективная реальность, с которой они должны считаться.

– Нравится им это, или нет? – с вызовом спросил все тот же упрямый голос.

– Именно так, – подтвердил Бюллер. – Будем считать, что нами организован Антикризисный комитет, председателем которого единогласно избран Координатор Ховрин... несогласных, я полагаю, нет, потому что буде такие тут вдруг окажутся, я первый отдам их в руки мальчиков из приемной. Я временно слагаю с себя полномочия Председателя Совета Координаторов – вполне добровольно, господа, можете мне поверить, вполне добровольно – и вхожу в Антикризисный Комитет на правах рядового члена, ответственного за банковскую и биржевую сферы и вообще за финансы.

– Не выйдет, дорогой мой. Свою долю ответственности

Вы-таки огребете. Вы будете Заместителем Председателя, – желчно прервал его Ховрин.

– Нет-нет, – с улыбкой сказал Бюллер, – на этом посту, поверьте моему опыту, Вам рациональнее будет иметь господина генерала.

– У меня будет два заместителя, – не терпящим возражений тоном сказал Ховрин. Внутренними делами и санацией займется господин генерал. А на Вас я дополнительно возложу все вопросы внешних сношений. Переговоры с Гнездом будут нелегкими, и они за Вами. Вы на подобных делах не одну собаку съели, и лучше Вас их никто не проведет. Главная задача – предотвратить оккупацию и уничтожение Города. Мы все должны на нее работать. Все, что угодно, любые уступки, экология там, налоги на восстановление поверхности, очистительные сооружения и переработка отходов, но только не уничтожение Города, только не это... Господа Информанты! По всем средствам коммуникаций, в том числе по инфорам жилых ячеек и телетаксерным программам объявить о всеобщей мобилизации. Цель... ну, словом, для ликвидации последствий. Предупредить, что с уклонистами будем поступать по всей строгости, так сказать... Чрезвычайное положение объявите. А силовую поддержку обеспечит господин Генерал, хотя его основной задачей будут, конечно, скриплы. Здесь, я думаю, нам окажет помощь Гнездо.

Упрямый голос никак не желал уgomониться.

– Ага, Старая Дама так и бросится помогать. И таракану

ясно, она сама их нам сюда и подкинула.

– Может ты, кретин, пойдешь в Гнездо, да ей это в лицо и скажешь? – взъярился вдруг Бюллер.

– А вот нам она пару ласковых точно скажет, когда банды люмпов, которые наш бравый генерал вышвырнул из Города на поверхность, начнут шарашить возвращенцев с Райны, – неугомонный "смельчак" никак не желал утихомириться. – Возвращенцы будут счастливые и размагниченные, и главное – безоружные, а люмпы организованные, вооруженные и злые.

– Все, господа, дебаты закончены. – Ховрин встал и завис над столом, упершись в столешницу обеими руками. – Рапорты от вас о реальном состоянии дел жду через пять часов. К работе, считайте, вы уже приступили. А за этим, за говорливым, Вы, господин генерал, присмотрите лично. Насчет поверхности он почти прав, в смысле – до наоборот. Сразу видно, что не коренной азерец. Это возвращенцы люмпам вломят по первое число, те кинутся назад в Город, вот вы и поручите нашему говоруну этим делом заниматься. И если не управится в кратчайшие сроки, упеките его в санаторный карцер. Мне можете даже не докладывать. Смелость хороша, когда подкреплена деловыми качествами, знаете ли. Идите, господа, идите. Работайте.

Расходились тихо, без обычного в такие моменты шума и гомона. Опять-таки, в отличие от привычных порядков, ни одна живая душа не забыла выключить на трансформере

опространственное для себя рабочее место. Стулья и пульта инфоров исчезли как по мановению волшебной палочки.

Сквозь спешащую к выходу толпу к столу Ховрина протиснулся генерал, щелкнул каблуками и громовым шепотом попросил несколько минут для конфиденциального разговора по делу, требующему незамедлительного решения.

Бюллер, дожидавшийся ухода остальных, чтобы узнать хоть что-нибудь о судьбе сына, досадливо сморщился. Генерал истолковал эту гримасу превратно и поспешно добавил: – Вы тоже, конечно, можете присутствовать, господин Бюллер. Вам, как Заместителю, совсем не мешает быть в курсе.

– Я говорил Вам уже, что весь этот мятеж смердит, – возбужденно заговорил генерал, как только за последним "сообщающим" захлопнулась дверь, – так вот вам и доказательства...

– Минуточку, генерал, – прервал его Бюллер. – Пока Вы не начали. Я хочу задать господину Ховрину один маленький вопрос личного характера...

– Дорогой Карл Степанович, ничего утешительного я Вам сказать не могу, – Ховрин покачал головой, сочувственно глядя на Бюллера. – В последний раз я видел Виктора на теппроводе Центральной шахты. Он тогда... как бы это сказать... выказал очень решительно желание пойти с отрядом курсантов в погоню за грузопоездом. Никаких сведений о нем мы с тех пор не имеем. Пока.

– Что за напасть, господи прости, на мое семейство, – грустно сказал Бюллер. – Сначала пропала старшая дочь – бунтарка. Теперь вот сын.

– Война, дорогой, война, – сказал генерал рассеянно и потрепал его по плечу со специфически военным равнодушным сочувствием. – Радуйтесь, что их никто не видел мертвыми, так что вполне могут еще и объявиться, если повезет.

Бюллер вскинул на него сумасшедшие глаза и что-то сдавленно пискнул, а генерал, уже не обращая на него никакого внимания, весьма решительно опространствовал трехмерную голографическую карту северной части Города и, тыча пальцем в соответствующие ее участки, заговорил.

– Вот, извольте взглянуть, господа. Известие о грузопоезде застало вашу колонну, господин Председатель Комитета, примерно здесь.

Ховрин присмотрелся и согласно кивнул головой.

– Как доложил мне командир колонны... Вы, сударь, сделали прекрасный выбор, поздравляю, очень способный молодой человек... Так вот, как он мне доложил, флаттер появился вот отсюда, был обстрелян, совершил классический противозенитный маневр... на чем, кстати сказать, мальчишки могли бы его и подловить, но не будем к ним слишком строги. Для необстрелянных юнцов парни действовали вполне, я бы сказал, на уровне. Так вот, ушел флаттер обратно, в этот же тоннель, из чего ваш Гронкс сделал в условиях недостатка информации вполне логичный вывод, и напра-

вил отряд преследования именно туда, вдогонку. Преследование велось достаточно грамотно: флаттерный дозор, передовой отряд на бронекаре, а основные силы и отряд прикрытия – на открытых платформах, что делать, бронекар у них был единственный, и распорядились они им правильно. Вашим курсантам не повезло. Против них действовал очень опытный противник, просчитавший все варианты заранее, и имевший время как следует подготовиться. Появление флаттера было отвлекающим маневром, и имело целью заманить преследователей в ловушку. Расчет был на их молодость и неопытность, я думаю. Штольня, вы видите, выходит в большую каверну естественного происхождения. Их здесь две такие. Одна приспособлена под склад и вестибюль, другая под транспортную развязку, говорят, что какая-то подсанационная управленка так умно этими кавернами распорядилась, я бы ей за это даже срок скостил. От обеих каверн отходят эскалаторные штреки. А в каверне у развязки уже дожидался наших парней горнопроходческий комбайн – андроид с расфокусированным лучом. Страшная штука, доложу я вам, такие же блокировали шмон-тоннели на седьмом уровне и держали нас взаперти, пока Ваши мальчики нас не разблокировали. Операцию планировал блестящий тактик, утверждаю как профессионал. Здесь я опять должен отметить грамотные действия ваших парней. Они вовремя обнаружили засаду. Если бы вся колонна втянулась на склад... А так потери оказались минимальными для условий, в которые они

попали. Уцелел весь арьергард и приличная часть основных сил.

Бюллер хотел что-то сказать, но голос изменил ему и он лишь горестно замотал головой.

– Да не отчаивайтесь Вы так, – генерал с предельно философским видом пожал плечами. – Засаду обнаружил именно флаттерный дозор, причем не в развязке находясь, а еще на складе. Так что у парней был шанс. Флаттер о-очень маневренная и быстрая машина. Будем надеяться. Ну а пока парнишки гонялись за приманкой, грузопоезд во всю прыть чесал по Северной шахте, и это доказывает, что похитители совсем не собирались уходить через Урученскую базу, как мы все думали. Их наверняка ждал где-то в окрестностях Северной никому не известный грузовой посадочный модуль. Дальше – дело техники. Погрузка, старт, стыковка в космосе с каким-нибудь конвертопланом, а там – бай, адью и всяческий ореуар пополам с чао.

– Но вблизи-то, насколько нам известно, находилась только "Лиловая Звезда"... – осторожно сказал Ховрин.

Генерал пристально посмотрел на обоих Координаторов и сказал медленно, тщательно взвешивая слова:

– Я никого и ни в чем не обвиняю, господа. И уж конечно не хочу ни в чем таком... так сказать, руководство имперской санации, и вообще... Однако участие санаторов регионального уровня в порядке самостоятельности не исключено. Более того, такая частная акция весьма вероятна. Толь-

ко вот суть дела в том, что грузопоезд не смог выйти на поверхность. Во время боевых действий портал Северной шахты подвергся огромной силы термическому удару и был полностью разрушен. Там плавилась камни, господа. Выход из шахты на поверхность оказался замурован намертво.

– Вы хотите сказать...

– Именно, так господа. Грузопоезд остался на Азере и находится, скорее всего, где-то вот тут, в верхних уровнях Северного шахтоквартала.

– Но там скрыплы.

Генерал снова с величественной небрежностью пожал плечами.

– Думаете, это кого-нибудь остановит, когда на кону такие деньги?

– Все сопровождавшие его люди, должно быть, уже мертвы.

– Господин комт, как уверяют, дважды прошел всю Северную насквозь, причем безо всякого снаряжения. Конечно, господин... э... вице-король личность неординарная, но эти люди, повторяю, готовились весьма тщательно. Весьма.

Генерал помолчал, давая собеседникам возможность осознать все значение сообщенных фактов. Ховрин и Бюллер как по команде посмотрели друг на друга, потом на генерала и снова друг на друга.

– На этот поезд есть какие-нибудь документы? – спросил Ховрин у Бюллера.

– Городу о нем ничего не известно.

– Проверьте архивы компаний.

– Уже сделано, – сказал генерал. – Там тоже ничего нет.

– Интересно, как в телетаксере. Прямо детективчик какой-то. – Ховрин задумчиво посмотрел на собеседников. – Значит, что именно вез грузопоезд, мы доподлинно не знаем?

– Нет, – ответил Бюллер, а генерал пожал плечами и добавил с бесконечно философским видом:

– Но догадываться можем.

Каждому из собеседников все было предельно ясно, но понимать – это одно, а озвучить, да так, чтобы не навести на себя лично ни малейших подозрений – это нечто совсем иное. Каждому из-за собственной спины мерещилась тень человека, которому достаточно лишь пальцем пошевелить, чтобы от господ и позначительнее координаторов местного разлива тут осталось лишь мокрое место. И каждый, пряча от собеседников глаза, говорил осторожно, взвешенно и с оглядкой.

– Речь у нас с вами шла об огромных ценностях, – Ховрин искоса глянул на Бюллера и снова отвел глаза, – алмазы, золото, нет?..

– Вначале я так и думал. Но размах операции... "Лиловая Звезда"... – Бюллер покосился на генерала. – Вы прикиньте расходы, возможности реализации товара, размер риска. Нет, господа, тут должно быть что-нибудь покруче, чем

брюлики с золотишком. Это пахнет чем-то из стабильных трансурановых... а если уж вообще не ходить вокруг и около – ингланий это, господа.

– Похоже на то, – вздохнул Ховрин, слово было произнесено и, что существенно, не им. – Вот только сколько-нибудь значительные запасы инглания находятся преимущественно во владениях Старой Дамы. По крайней мере, разведанные.

Бюллер хмыкнул.

– Вот именно. Но стоит сделать такое предположение, как все сразу встает на свои места. Стоимость товара запредельная. Никаких затруднений со сбытом, только предложи, оторвут с руками, и вопросов лишних не зададут. Ингланий – это височные контакторы, господа.

– Получается, что Компании за нашей спиной потихонечку грабили госпожу комтессу?

– Компании, там, или кто другой, но шарапили Старую Даму почему зря. Где-то в Северной шахте, скорее всего, именно в районе Пульсарки – там под землей здоровенный лабиринт из карстовых пещер – заложили горизонтальный штрек, всего и, как говорится, делов.

– Да-да-да, – подхватил подачу генерал, – прошли под Пульсаркой, и где-то тут, – генерал ткнул пальцем в соответствующее место на голограмме, – забрались во владения комтов. Разработки велись, я почти уверен.

– Но ведь от Рекса такое не скроешь, – картинно ужаснулся Ховрин. – М-да, господа, а ведь что мы тут ни при чем,

Рекс вряд ли поверит.

В руме повисло тяжелое молчание.

– И устроители этой акции нам действительно толком неизвестны?.. А?.. Господа Координаторы? – генерал, отмежевываясь, смотрел теперь испытующе и выражение на физиономии имел крайне недоверчивое. – Эта задачка, как я понимаю, за мной? Или почему? Сразу хочу предупредить, что от его величества вице-короля ее не спрячешь, я даже и пытаться не стану. Проблемка будет потяжелее скрыплов, тут помощи у Гнезда не попросишь.

– Так точно! – со всей возможной ядовитостью сказал Бюллер.

– Что "так точно", – рявкнул генерал.

– А все. По всем трем, как я понимаю, вопросам. "Так точно" – не известно, "Так точно" – за Вами и "Так точно" – не попросишь.

Ховрин насупился и сердито засопел.

– Мы в дерьме по самые уши. И нам придется основательно потрудиться, чтобы вернуть груз и убедить Гнездо, что воры не мы.

– Одно несомненно, – задумчиво сказал Генерал, искоса взглянув на Бюллера. – За этой авантюрой деньги стоят запредельные. Я вообще плохо себе представляю, кому в Городе она по карману.

Бюллер рванулся вперед как загнанная в угол крыса.

– Если одному – то никому, – сказал он со всей возмож-

ной ядовитостью. — А на паях в сием малопочтенном предприятии может участвовать кто угодно. Все от размера пая зависит.

— Мне нужна хоть какая-нибудь зацепка, черт побери! — взорвался генерал. — Никому из старослужащих санации я это дело доверить не могу. Придется посылать туда Вашего Гронкса с его ребятами, а с чем они там столкнутся? Это не считая скрыплов!

— Не нервничайте, генерал, — брюзгливо сморщился Ховрин. — Мы специальным распоряжением объявим зону Северной шахты закрытой. Благо предлог имеется, скажем, применение против скрыплов какого-нибудь жуткого оружия, придумайте, какого именно. Тогда ваши ребята просто будут шмалять в любого встречного. Как во врага. Соответствующий опыт у них уже имеется.

— Это все правильно, — ядовито ответил генерал. — Вот только этот самый "встречный" тоже будет в них шмалять, и у него соответствующего опыта имеется уж точно побольше. Я должен понимать, с кем там мальчишки столкнутся. Вам ясно? Не только с чем, но и с кем. И если, как вы говорите, вгроханы в это дело жуткие деньги, то за этим стоят очень серьезные люди.

— Ну, вы как ребенок, генерал, право слово, — вздохнул Бюллер. — Не знаем мы, кто за этим стоит. И если Вы на что-то намекаете, то это точно не я. Как это там у вас по уставу полагается говорить — "совсем нет!"

– Никак нет! Не "совсем", а "никак", шпаки чертовы! – взъярился генерал.

– Как бы там ни было, мои следы там не сыщутся, хоть обойдитесь. Чего никак не скажешь о ваших коллегах, генерал. Ясно пока, что замешаны высшие офицеры санации, то есть, для Азеры высшие. И отчаянно хотелось бы надеяться, что это сугубо их частное дело. То есть, ну, очень хотелось бы на это надеяться.

Генерал оглядел обоих координаторов фирменным сыскным взглядом вприщур и, зафиксировав его на Бюллере, непреклонным тоном заявил:

– Во всяком случае, мне потребуется письменный приказ с грамотно поставленной задачей и четко очерченными полномочиями. И никаких вмешательств в мои действия ни с чьей стороны.

– Ну не знаю я, кто за этим стоит, что Вы на меня пялитесь подозрительно? – взвыл Бюллер дурным голосом. – Рехнулись, что ли? Да, для такого дела нужны очень большие деньги, но они не мои, и чьи они я не знаю. Понимаете? Не-зна-ю!

– Господа, господа, прекратите, – Ховрин тонко улыбнулся и укоризненно покачал головой. – Успокойтесь, Карл Степанович. У меня таких денег просто нет, а Вас никто ни в чем не обвиняет, что Вы дергаетесь? Я, господа, предлагаю обсудить один аспект проблемы, который, думаю, послужит косвенным доказательством нашей невиновности в глазах... так

сказать... заинтересованных сторон. Если мы отыщем груз и вернем его законному владельцу, я полагаю, Город сможет ходатайствовать... даже, пожалуй, претендовать на известное вознаграждение. Ну и каждый, кто в этом деле окажет помощь, может смело рассчитывать на некоторую толику материальных благ. Что касается Ваших мальчиков, господин генерал, у них есть личные счета с похитителями. Они будут рады поквитаться. Кроме того, мы можем смело гарантировать им в случае успеха весьма и весьма солидное вознаграждение. По азерским меркам, конечно. Месть за погибших товарищей вещь прекрасная и святая, но разумная толика личной заинтересованности еще никогда ничему не мешала.

Что-то ломилось сквозь сон, взламывая барьеры, отделяющие сознание от реальности, хотя барьеры эти были очень мощными. Рекс был буквально напичкан снотворным, и его одурманенный мозг изо всех сил старался вырваться из цепких объятий химического сна.

Сигнал, вызвавший такую бурную реакцию, был очень слабым, но в нем было такое отчаяние, такая беспомощность и тоска, что не воспринять его как импульс к действию Рекс просто не мог.

Строго говоря, это не был призыв о помощи. Где-то рядом подходила к концу человеческая жизнь. Человек умирал, он знал, что умирает, и, более того, человек почему-то был твердо уверен, что умрет ровно через сорок шесть минут, секунда в секунду – откуда такая точность, черт возьми? – и... человек не ждал спасения, не имел надежды, в его эманации не было страха, только бесконечное одиночество и тоска.

Рекс открыл глаза и рывком сел в постели. В комнате было темно, тихо и противно пахло лекарствами. Некоторое время он мучительно соображал, где он?.. что он тут делает?.. и даже кто он, собственно такой? Но тут же воспоминания накрыли его будто приливная волна Пульсарки. Он вспомнил и бой, все случившееся после боя и накатившую на него

тогда жуткую, даже небывалую боль в спине. Да, он действительно был основательно одурманен лекарствами. Тетушка в неумной заботе о здоровье племянника напичкала его лошадиными дозами снотворного и обезболивающих. Как сказали бы сподвижники Рекса по эскападе топарей – скриплы отдыхают!

Вопрос, что делать, для него не стоял. Надо было отправляться на помощь, причем самому и одному, потому что все окружающие, разумеется, дружно воспротивились бы его желанию идти куда бы то ни было. Пока настоишь, пока объяснишь, время будет упущено наверняка.

Было еще одно смутно беспокоившее его обстоятельство, правда, на периферии сознания. Сейчас спина у него не болела. То есть, она не только совершенно не болела, но и не беспокоила, не ощущалась даже. У него вообще ничего не болело, и это наводило на неприятные мысли: что же, под действием лекарств снова отказал интуитивизм? Как тогда, в городе, когда его тяпнули скриплы? Впрочем, Рекс тут же сообразил, что в этом случае он не принял бы сигнала вообще, а не только не определил бы своими локаторами место, где находится умирающий (излучина Пульсарки у подножья Ошбы). Тем не менее, ему было тревожно и неприятно от совершенно ясно осознаваемой иррациональности этой тревоги.

Рекс торопливо оделся, сунул в карман походную аптечку, привычно накиннул на шею ремень конвертора и... недо-

уменно захлопал глазами. Очевидно, он на какое-то время отключился – потерял сознание, заснул, какое это имеет значение? – во всяком случае, Рекс стоял уже в предбаннике Гнезда, и перед ним была открытая дверь во внешний мир... Как он умудрился сюда попасть? Когда открыл двери? В сомнамбулическом припадке, как лунатик, что ли? Что это с ним такое происходит, и что за дрянью напичкала его дорогая те-тушка? Впрочем, вопрос был никчемушный, поскольку человек у подножья Ошбы умирал, и надо было спешить.

Появление Рекса в нужном месте – на узком карнизе, нависающем над руслом Пульсарки – сопровождалось новым провалом в сознании. Если судить по собственным ощущениям, Рекс оказался здесь, что называется, в мгновение ока. Однако, судя по состоянию организма, это, мягко говоря, не соответствовало действительности – таким усталым, да нет, совершенно обессиленным и разбитым он себя чувствовал. Он плюхнулся на камень, чтобы перевести дух, обвел террасу глазами, но ничего, кроме вдребезги разбитого штурмового бота, не обнаружил. Обломки бота были слишком искорежены, да и слишком малы, чтобы уцелевшие люди могли среди них находиться. Тем не менее, эманация исходила от обломка, более всего напоминавшего бранные останки электронного блока управления. Рекс со вздохом поднялся с камня, подковылял ближе к блоку, присел на корточки, взгляделся и... провалился в темноту.

Пространство вокруг более всего напоминало космос. Так

же, как и космос, оно было заполнено светящимися... не точками, не звездами, – артефактами всех оттенков красного цвета и странных форм, отдельными и сгруппированными в некое подобие созвездий, которые на краткие доли секунды стремительно и хаотично соединялись друг с другом странными подобиями светящихся пульсирующих трасс. Занимавшее центральное положение большое тусклобордовое пятно было окружено дрожащим ореолом той же цветовой гаммы. Совершенно очевидно, это "нечто" стремительно тереило энергию.

"Кто ты?" – спросила тьма.

"Здесьний комт", – ответил Рекс.

"Азерски? Ты пришел добить меня?.. нет, ты хочешь помочь. Но почему? Я был твой враг... Впрочем, меж вами, высколобыми, полно блаженных чудаков. Когда-то мою жизнь черт знает, почему, спас Грот, теперь вот ты туда же?

"Ты ведь киборг, каким-то чудом сохранивший человеческую личность, правильно? Помолчи, ты быстро теряешь энергию. Сейчас я сниму боль и посмотрю, что для тебя можно сделать".

"Спасибо, – сказал обломок. – Мне легче. Мне уже не больно. Почти. Ты прав, но я не вполне киборг. И не фантом. В смысле, не фант, управляющий боевой машиной... да, были и такие разработки, но в Компаниях их забраковали... ты спросишь, почему? Они действовали только на базе формальной логики, не были способны на нетривиальные

решения и, значит, их действия были предсказуемы. Все боевые машины, напавшие на тебя, управлялись такими, как я... что, однако же, Компаниям совсем не помогло".

"Кто такой Грот?" – спросил Рекс.

"Очень неплохой ученый, – совершенно неожиданно в разговор вмешался Серж Кулакофф. – Да, я приехал, я здесь, только меня к тебе не пускали. А Грот мой коллега, человек исключительной порядочности, и очень талантливый. Ты сможешь помочь этому парню, Рекс? Продержись хотя бы четверть часа, мы уже в пути и везем все необходимое".

"Он теряет энергию, и долго возмещать ее я ему не смогу, сил не хватит, так что поспешите. Что-то ты заволновался при имени Грот, Сережа. Что с ним такое? В чем дело? "

"Какое-то время назад Грот исчез, как и многие другие. Теперь-то понятно, как и куда. Влип точно так же, как я, и как все прочие. Очень не хочется верить, что он с какого-нибудь боку причастен ко всем этим безобразиям".

"А он и не причастен, – вмешался киборг. – Он всего-навсего пытался найти способ с помощью компьютера сохранять людям жизнь после смерти тела. Я понял Грота так, что он хотел научиться устанавливать фант человека, у которого тело не работает, в другое тело, у которого не работают мозги. Мы были смертельно ранеными солдатами, и должны были быть первыми такими. Но Компаниям нужны были не спасенные солдаты, а киборги с человеческими мозгами для управления штурмовыми ботами. Так что Грота с этой

работы тут же и вышвырнули. Под машины нас приспособлял уже не он. Есть в его лаборатории такой молодой петушок, ходил у него в заведующих теоретическим отделом. У него их два таких, о первом ничего не знаю, а вот второй – первостатейная сволочь. Откуда только они вылезают, такие?.. "

"Где находится лаборатория? На какой планете?"

"Планету называют Темная, а координаты ее я не знаю. Знаю только, что хозяйничают там не люди Компаний, а колонисты".

Мысли киборга, очевидно, путались, сбивались, понимать его становилось все труднее. Центральное пятно стремительно чернело, ореол вокруг него истончался и вот-вот мог исчезнуть совсем. Силы Рекса были на исходе, подпитывать погибающий мозг ему, похоже, тоже было уже нечем, он сам держался из последних сил. И в это время, раздирая в клочья выстроенную им вокруг киборга защитную сферу, в нее ярким солнечным светом, шипением флаттеров и возбужденными голосами друзей ворвался внешний мир. Обессиленный Рекс, шатаясь, поднялся на ноги – здесь был Кулакофф, и теперь он, Рекс, мог бы себе позволить даже и отключиться на какое-то время... если бы не был, как выражалась тетушка, первым среди равных. Положение обязывает, знаете ли.

Карниз и раньше не отличался особой шириной, а после взрыва штурмового бота он вообще более всего на свете напоминал скрабью тропу. Но за штурвалом головной машины

сидел, как оказалось, лично Шульц. Машина зарылась носом в осыпь, а колпак кабины начал откидываться еще до ее остановки. Во всяком случае, флаттер умудрялся каким-то чудом держаться на карнизе в двух шагах от разбитого бота, и это было главное.

Из кабины выскочил Шульц в сопровождении своих ребят, тащивших носилки и аккумуляторные батареи. Подскочив к Рексу, парни завертелись на месте, не понимая, кого им следует укладывать на носилки, и на кой черт здесь кому-нибудь могли понадобиться аккумуляторы.

Остальные флаттеры плюхнулись вниз, ближе к Пульсарке, и по осыпи к Рексу карабкались люди, тащившие на себе еще какую-то аппаратуру, среди этих людей мелькала косматая шевелюра Сержа и парочка белых халатов. Впереди всей этой галдящей возбужденной толпы штурмовым танком пер Черный Барон. С первого взгляда оценив обстановку, Айно мощными руками схватил Кулакоффа за бока с воплем: "Шульц, держи!" подбросил его высоко в воздух, пожалуй, на целых полметра выше карниза. Серж не успел даже испугаться, как оказался перед блоком управления.

– Куда подключать? – орал Шульц, и аккумуляторные провода в его руках извивались, как готовые к укусу змеи.

– Сначала надо отправить его величество, – заявил Айно непреклонным и предельно официальным тоном. – Ваше величество, прекратите качаться как былинка на ветру и извольте лечь на носилки... Ваше величество, я исполняю

строжайшее повеление госпожи комтессы, и если, как Вами неоднократно декларировалось, Вы всего лишь временный управляющий до... как бы сказать... окончательного излечения госпожи комтессы, извольте выполнять ее недвусмысленную волю.

– Подключайте сюда, сюда и сюда, – командовал Кулакофф, отправив с рекордной скоростью созданный фант внутрь блока и ориентируясь по онлайн контакту. – Здесь нужна изоляция. И здесь... Скорее, скорее, и тащите блок в лабораторию, тут у меня нет ни одного шанса спасти этот... эту жизнь.

Рекс, шипя и ругаясь, рухнул на подставленные носилки. Шульцевы спецназовцы сноровисто разделились на три группы. Одна быстро и с какой-то изящной аккуратностью поместила блок управления во флаттер, вторая подхватила носилки с Рексом, а двое последних ловко ухватили Кулакоффа под локотки, и не успел он опомниться, как оказался внутри флаттера рядом с Шульцем и по соседству с блоком управления.

– Дайте же мне возможность взглянуть на Рекса, – орал возмущенный Кулакофф, но флаттер уже мчался к Гнезду.

– Да не волнуйтесь Вы, – увещевал его Шульц. – Все будет в порядке. То есть, все и есть в порядке, – поправился он.

– Вижу я, в каком все порядке. Что это за новости, извините? Как Рекс сюда попал?

– Ногами, – рассмеялся Шульц.

– Еще один остряк – самоучка на мою голову, – взвыл Кулакофф дурным голосом, – близнецов, стервецов рыжих, мне мало, и этот туда же! Заперт он был. Понял? Заперт на замок, причем не электронный, а механический. На механический, понял, чудило?

– Ну и что, – флегматичничал Шульц. – Тоже мне, проблема. Значит, он и механические замки умеет открывать, только и всего.

– Ну, умники кругом, до сил нет! – вздохнул вдруг успокоившийся Кулакофф. – Ага. Конечно. Научился. Не только открывать без ключа, но и закрывать тоже. Потому что, мне докладывают, замок, как был закрытый, так закрытый и есть. И что его кто-нибудь открывал-закрывал для любимого предводителя, вождя и сюзерена, так ведь никто не сознаётся.

– И не сознается, даже не надейся.

"Лиловая Звезда" представляла собой вполне серьезный боевой корабль класса трансформер – корвет, вооруженный ракетами, лазерными и гравипушками и даже аннигиляционным оружием, способным на счет "два" превратить в облачко раскаленных газов приличный астероид, но то, к чему она приближалась... Флагман эскадры гроссадмирала Хилтибранта дредноут "Разрушитель солнц", на сооружение которого наверняка были полностью угроханы материальные ресурсы не одной планеты, а может, и не одной планетной системы, просто потрясал воображение чудовищными размерами, грубостью, какой-то неопрятной корявостью форм и исходившим от него ощущением необоримой тупой мощи.

"Разрушитель солнц" пер вперед, на полной мощности взламывая пространство и разбрызгивая вокруг целые фонтаны гравитационных и темпоральных полей и линз такой безудержной внутренней энергии, что даже прочие дредноуты эскадры адмирала Хилтибранта считали за благо держаться от него подальше, не говоря уже о всяческой крейсерско-фрегатно-корветной мелочи. "Шелупони", как любил говаривать сам адмирал.

Где-то там, далеко позади, осталась мятежная Азера со своим несговорчивым комтом, а здесь...

Энергетические установки "Звезды" были давно уже пе-

реведены в холостой режим работы, поскольку управлять шипом все равно не было никакой возможности. "Лило-вая Звезда" была захвачена "Разрушителем" гравитационным полем, и подтягивалась сейчас этим полем к себе. "Разрушитель", понятно, ни с экипажем, ни с пассажирами корвета, ни в какие такие разговоры – переговоры вступать не собирался. Со "Звездой" поступали точно так же, как поступают в космосе с любым захватываемым кораблем: перехватили управление, обездвжили, да и волокли к уже трансформированному в абордажный режим ближайшему из своих сегментов захвата, где и собирались – это тоже всем было совершенно очевидно – "обшмонать" по полной программе. Поведение было вполне бесцеремонное, профессиональное и адекватное приказу: велено представить пред руководящие очи – вас и волокут, как щенка, за шкурку. Было бы велено уничтожить – прихлопнули бы походя, как муху, никто на "Разрушителе" и внимания бы на инцидент не обратил, да и сами исполнители уже через пять минут о нем забыли бы.

Вся разношерстная публика, собравшаяся в рубке "Лиловой Звезды", притихнув, смотрела, как надвигается, наваливается, заполняет все экраны эта чудовищная коряво уродливая громада – воплощение, олицетворение, апофеоз всеподавляющей имперской мощи.

Впрочем, процесс означенного, так сказать, созерцания длился весьма недолго. Экраны на мгновение погасли, а когда они вновь загорелись, на всех без исключения высвети-

лась пучеглазая физиономия, судя по всему, весьма нехилого начальства, очень усталого и даже изможденного человека... а вот это было уже серьезно – его симбиозные никелевые контакторы были запыленными до невозможности.

Начальство изволило держаться в свободной манере, делало все подчеркнуто неторопливо, а по бесстрастности своей физиономии могло бы дать сто очков вперед даже мумии Фарааноса из телетаксерного сериала "Планета пирамид". Тем не менее, с его появлением на экранах инфоров время вдруг утратило былую неторопливую монотонность и помчалось вперед с совершенно протiwоестественной скоростью.

Все сколько-нибудь значительные лица из числа пассажиров и команды не успели охнуть, как оказались сидящими каждый у персонального инфора и подробнейшим образом отвечающими на вопросы своей же персональной ипостаси до омерзения дотошного фантом-начальства.

Не у дел пока оставались только Эни Боди, с которой сэр Начальник был подчеркнуто почтителен, подсанационная хакерша да командор-санатор, коeму предписано было "наблюдать за маневром стыковки"... чего там наблюдать?.. будто от него что-нибудь зависело! "Вами займутся... После... Обязательно..." – многообещающе сообщил сэру Юргену Начальник, гнусно улыбаясь одним только своим тонкогубым жабым ртом, выпученные глаза его оставались по-рыбы бесстрастными. Обрадовал, сволочь. А борт "Разрушителя", заботливо трансформированный, причем, отнюдь не

в варианте встречи дорогих и обожаемых гостей, надвигался с неотвратимостью судьбы. А транс-сегмент захвата ощерился абордажными палубами со всеми их милыми сюрпризами вроде гравипушек, лазерных ножей для вскрытия корпусов, штурмовых ботов, роившихся в классическом брейк-дансе... ну и так далее. Все вокруг происходящее весьма мало походило на благостные картины, что совсем недавно рисовала тут чванливая хакерша.

Впрочем, и сама хакерша сейчас вид имела отнюдь не такой самонадеянный и самодовольный, как раньше. Рожицей была бледна, губками дрожлива, и с рожицы своей высоколобой то и дело вытирала пот дрожащей же лапкой – Эни Боди, похоже, единственный человек на борту шипа не имевшая оснований для беспокойства за свою дальнейшую судьбу, воспользовалась вынужденным бездельем, чтобы поплотнее познакомиться со своею новой "сервомисской". И что она "сервомисс" самоуверенно недооценила свою "феодалшу", выяснилось очень быстро. Что называется, в мгновение ока.

Феодалша потребовала от Аны вывернуться наизнанку. Ей, стерве, видите ли, от своих сервов нужен полный и совершенный душевный стриптиз. Она, видите ли, должна знать, чем дышит, о чем мечтает и даже в какой позиции предпочитает с мужиками трахаться ее доверенная сотрудница. И вот тут-то Ана совершила непростительную ошибку, принявшись, что говорится, "вешать новоиспеченной хозяйке лапшу на уши", да еще и распустивши при этом павлиний

хвост. Разумеется, многое в ее прошлом хозяйке знать было противопоказано, но уж небрежно лихачить, пыль в глаза пускать и всячески демонстрировать, что и мы тут, извините, "не пальцем деланные", совсем не следовало. Оказалось, что вопросы, которые ей задавались, по видимости бессистемные, сугубо "бабские" и даже, вроде бы, бестолковые, на самом деле не так уж и глупы.

Очень скоро Ана почувствовала себя крайне неудобно. Вопросы все больше и больше группировались вокруг ее сексуальных привычек и предпочтений, все ближе и ближе подбирались к ее главной, так тщательно оберегаемой тайне. С двойным донцем оказались вопросыки. Бабец ее новоиспеченная феодалша и сеньориха была, как оказалась, явно та еще, ушлая, во всякого рода извращенных сексуалиях еще как поднаторевшая... а по внешности – да, ой! – просто домашняя кисейная девочка, которая и вибратора-то ни разу в глаза не видела. Интом шефиня оказалась тоже очень даже хоть куда, ложь просекала слету, врать – чем дальше, тем больше – становилось все труднее, а времени продумать линию поведения не было вовсе. Феодалиха явно насторожилась, подобралась, взгляд ее сделался колючим и острым. Сердце Аны снова дало сильный сбой, правда, теперь уже совсем не сладкий. От эйфории, в которой она пребывала после столь удачно начавшегося дня, не осталось и следа. Ей вдруг стало ясно, что взлетела она явно слишком уж высоко, что судьба ее по-прежнему висит на волоске, и что вся

ее одиссея может окончиться совсем не так жизнерадостно, как это ей только что рисовалось. Спину Аны крутило невыносимой болью, на глаза наворачивались слезы, и орать хотелось от этой боли в полный голос. Но тут она неожиданно получила столь необходимую ей передышку. Взгляд у Эни стал вдруг рассеянным, лицо озадаченным, а вопросы вдруг потеряли жесткость и остроту. Можно было хотя бы перевести дух и собраться с мыслями.

А Эни, с садистским удовольствием наблюдавшая, как, растеряв всю свою самоуверенность и наглость, ужом извивается ее новая прислуга – было, явно было, что скрывать поганке! – вдруг оказалась в этот момент в состоянии фантом-контакта лично с самим Его Имперским Сиятельством сэром Который Всегда Прав.

Эни никогда еще до сих пор не функционировала в фантоме "онлайн". С несказанным потрясением она обнаружила себя одновременно в уже привычной, и даже намозолившей глаза рубке "Лиловой Звезды", и еще некоем огромном совершенно незнакомом помещении.

Раздвоение было таким резким, таким внезапным, что привело ее в болезненное, почти шоковое состояние. Конечно не так, как когда-то, в период раздвоения личности на Эни и Лайзу, но все-таки, чтобы придти в себя, ей пришлось приложить немалые усилия. Наконец, Эни удалось взять себя в руки. Она огляделась. В глубине рума, обставленного с неприятной, вызывающей и даже пошлой роскошью, в

огромном и глубоченном кресле восседал ее "Всегда Правый" покровитель. "Ну-с, – сказал он. – Здравствуй. Как дела? ", и одновременно с ним – но совершенно отдельно, вот в чем фокус! – ее вниманием умудрился завладеть сэр Макрослип. Заслонив собою хакершу, он истерически вопил, брызжа слюной: "Это неправильно! Это нечестно! Я Вас спас! В конце концов, я человек маленький!"

Оказаться сразу в двух руках, раздвоиться настолько, чтобы говорить одновременно с двумя собеседниками, все понимать, все осознавать, использовать в одном разговоре сведения, только что полученные из другого – это было совершенно ошеломительно, мозги сносило, можно сказать, и ехала крыша. "Здравствуй, милый, – говорила она Координатору здесь, вверху, – я очень рада тебя видеть" ... и в то же самое время здесь, внизу, в рубке, презрительно цедила через губу бедолаге командор-санатору, остро наслаждаясь тем, как он из белого на глазах становится уже просто зеленым: "Перестаньте дергаться, уважаемый, я ведь могу подумать, что у вас, и в самом деле, совесть нечиста..."

– Этот тип... – обратилась она к Координатору, кивая головой на командор-санатора и не отдавая себе отчета, что голос ее звучит в одном руме, а кивает она совсем в другом, – ...этот тип, он что-то темнит...

– Какой? – удивился Координатор.

Эни несколько секунд пялилась на него, пока вдруг с ужасом не поняла, что Всегда Правый, в отличие от нее, есть

самый обыкновенный неоконтакторенный горожанин, физически хилый, старый, даже дряхлый, к тому же тугодум, что многое из того, что просто и естественно для нее, ему абсолютно недоступно и не понятно... и что показывать ему это категорически не рекомендуется.

– Я о капитане "Лиловой Звезды". Не верю я, что у Азеры он оказался случайно. Врет, сволочь.

– Так ты не знаешь, что там делал корабль санации?

– Откуда? – удивилась Эни. – Это тонет во мраке неизвестности... – она внутренне хихикнула, фраза получилась хороша, не позабыть бы ее, еще пригодится.

– Это один из двух вопросов, на которые я хотел бы получить ответ без свидетелей. Что же он там делал?

– Я полагаю, ждал какой-то груз, – сказала Эни, проявляя чудеса сообразительности. – Когда мы прибыли, он находился в режиме трансформера, причем в фазе приема, что характерно. Я уж подумала, не промышляет ли почтенный капитан контрабандой? – И Эни тут же весьма подробно рассказала Всегда Правому все обстоятельства своего чудесного спасения.

– Так-так-так... – Координатор жизнерадостно потер руки. – То-то уважаемый сэр Заместитель Санатора так задержался, как только услышал про "Лиловую Звезду". Значит, наша санация потихонечку грабит наши же Объединенные Компании? Интересно...

– А с этим Макрослипом как быть?

Координатор изволил отмахнуться с видом величественным и даже, она бы сказала, напыщенным.

– Наплюй. Им займутся. И воздадут ему по грехам его. Впрочем, нет. Его надо сохранить. Непременно и категорически. Он еще ой-как пригодится.

– Зачем? – удивилась Эни.

– Например, мне может понадобится кое-кого между собою столкнуть лбами, – пояснил Координатор и вызвал на экране инфора секретаря. – Немедленно озаботься, чтобы референции о капитане "Лиловой" были выше всяческих похвал. Его нужно сохранить на прежнем месте, но так, чтобы он понимал, что мне все известно. Ты свободен. Впрочем, подожди. Капитан должен думать, что его жизнь спасла леди Боди, и твердо знать, что эту услугу ему придется отработать. У меня все.

Секретарь скользнул взглядом по Эни, почтительно кивнул головой и отключился. Координатор наклонился вперед и впился в Эни снизу вверх пронзительным взглядом. – А теперь ответь мне на второй вопрос, девочка. Мне тут доносят, что Азерски проник в терминал старнета на Азере под твоей, так сказать, крышей. Как это? Объяснись.

Эни отчаянно покраснела и принялась путано и сбивчиво оправдываться, пытаясь выставить свою азерскую одиссею не то, чтобы в выгодном, но хотя бы в мало-мальски приемлемом свете.

– Ну-ну, – задумчиво сказал Координатор, когда она, со-

вершенно запутавшись, окончательно умолкла. — Он и тут всех обвел вокруг пальца. Восхищаюсь. Вот так, шутя, переиграть всех и вся. Ты, наверное, не знаешь, Старая Дама создала ему в помощь в Городе настоящее подполье. Так это подполье наспиговали агентурой все, кому не лень. Даже мои люди там были, не говоря уж о людях Компаний или всяческих санаторах, имперских и местных. Все ждали появления... э-э... необыкновенного существа с паранормальными способностями, и все такое. Готовились черт знает, к чему. А пришел — вот уж чего не ждали — самый, так сказать, обыкновенный рядовой супермен с кулаками. Как из боевика телетаксерного, право-слово. Простой, как кувалда. Р-раз по морде, два по морде, три... Грубо, просто, эффективно. Не-ет, я им определенно восхищаюсь. Это не человек, это бог. Так что ты не расстраивайся. Ты была обречена. Его нельзя победить. Его можно только убить. Чем ты у меня в дальнейшем и займешься.

Что-то было такое в его рассуждениях ... вернее, чего-то в них не было... такого... "Если уж я не смогла его победить, то как же я его убью?" — мелькнула в ней мысль, показавшаяся Эни поначалу вполне себе здоровой. Но тут она вспомнила "зверюгу", беззастенчиво использовавшего ее для своих собственных целей, да так и не расплатившегося с нею, нагло пренебрегшего ее "главной физиологической системой", и даже внутренне передернувшись от стыда и злости. Все мысли, как повышенной, так и пониженной здравости, из ее го-

ловы тут же и улетучились, осталась одна холодная ярость. "Ничего, я постараюсь. Подожди немножко, дорогой Рекс. За мной не заржавеет"... "Вот именно", – услышала она голос Координатора и подняла голову.

Всегда Правый смотрел на нее со снисходительной насмешкой, и явно демонстрировал, что читает в ней, как в раскрытой книге. "Контакторов у него, конечно, нет, и мыслит он на порядок медленнее, но сбрасывать его со счета, пожалуй что, рановато. Умный, сукин сын, эх он меня..." – подумала Эни самокритично и тут же, гордясь собой, ловко увела разговор в сторону.

– А почему ты не стал говорить со мной по сети, а вытаскивал в фантоме, да еще в онлайн-контакт? – спросила она его, откровенно подставляясь. Ответ был очевиден, но разве она не дурочка – блондинка?

– Ты думаешь, что одна только твоя девица такая шустрая? – усмехнулся Координатор, – Отнюдь. В сети никогда нельзя быть уверенным в конфиденциальности контактов. Если бы ты только знала, сколько хлопот доставляют хакеры спецслужбам. Их ловят, дают, как мух, пора бы уж и усвоить... э-э... поучения, так нет же. Стоит передавить одних, как появляются другие. Может, и твою тоже для верности взять к ногтю? Если, конечно, не жалко. А то шустра больно.

Эни досадливо сморщилась.

– Разве в жалости дело? Она может еще очень даже пригодиться. У сволочи Рекса нету более лютого врага, чем она,

даже считая нас с тобой. Не знаю, что уж он ей такого сделал? Не иначе, как трахнуть отказался, да еще в этой своей гнусной вежливой манере. Она аж вся трясется от ненависти. Грозит ему контакторы из головы выковырять. И знаешь, как? Вилкой! И выковырять при первой возможности, можешь не сомневаться.

– Понимаешь ее? – хмыкнул Координатор.

"Еще как! " – подумала Эни и подняла было руку, чтобы почесать себе нос, но спохватилась, вспыхнула и с торопливой неаккуратностью плюхнула ее на подлокотник кресла.

– Ты чувствуешь себя в фантоме неловко? – удивился Координатор.

– Как раз наоборот, – сморщилась Эни. – Я знаю, что я в фантоме, но ничего не чувствую... то есть, опять же все наоборот, я чувствую, как будто я в теле... но я же знаю, что на самом деле я ничего не чувствую, а знаю!

Координатор со вкусом рассмеялся.

– Ну вот. – Эни с комическим огорчением схватилась обеими руками за голову. – Совсем ты меня запутал. А я просто хочу разобраться с нашей хакершей, которая много о себе понимает, быдло. Свысока так это еще, знаешь... А истина-то об ней опять же тонет во мраке неизвестности, – с удовольствием выговорила она и, взглянув на Всегда Правого, торопливо добавила: – Пока, я думаю, ей можно устроить, как это там у твоих называется, "расспрос с пристрастием?" Под наркозом, или как это делается? Она, сволочь, ужом из-

вивается и что-то важное скрывает, нюхом чую. Можно?

– С моей-то аппаратурой? – усмехнулся Координатор, – Никаких проблем, и без всякого наркоза.

Вальяжно развальясь, Всегда Правый раздувался от важности, и это в сочетании с хилой фигурой и огромным креслом производило эффект бесконечно комический. Ей нестерпимо захотелось сделать ему козу и заблеять "бе-е" – атавизм какой-то безмерно глупый и недальновидный до дикости, с Лайзиных времен не появлялось в ней подобных желаний. И тут Эни вдруг громко ойкнула и подскочила на месте. На "Лиловой Звезде", или, как это она ощущала, "здесь, внизу", тряхнуло, дернуло и снова тряхнуло с такой силой, что, стой обитатели рубки шипа на ногах, они просто покатались бы по полу как сбитые кегли. "Лиловая Звезда" вошла в соприкосновение с абордажным сегментом "Разрушителя". Эни разговор с Анной поневоле пришлось прервать, и та очень постаралась, чтобы вырвавшийся у нее невольный вздох облегчения сошел для шефини за сильный испуг... этакий наив, а еще контакторы на висках у стервочки, тьфу.

Абордажная команда дредноута работала предельно небрежно и неуважительно. Можно сказать, по-хамски.

Из коммуникаторов шипа бездушный и, вместе с тем наглый – уметь надо! – голос командовал, повелевал, погонял: "Экипажу оставаться на штатных местах! Капитану шипа с судовыми документами проследовать в центральный шлюз, сектор "Си". Суперкарго с документами на груз проследо-

вать в центральный шлюз, сектор "Би"! Пассажирам шипа проследовать в центральный шлюз, сектор "Си", имея при себе документы и подготовленное к сдаче личное оружие!.. Да пошевеливайтесь, вы, крысы беременные! Старпому предъявить шип к досмотру! Зондеркомандам работать шип. Вперед!"

Грохот, который подняли в "Лиловой Звезде" "зондера" своими магнитными подошвами, был слышен даже в рубке. Сэр Макрослип, лицо которого было белее собственного комбинезона, неверными шагами поспешил выполнять приказание. Следом за ним потянулись остальные.

Стратег вел скример с предельной осторожностью: кусок флаттерного обтекателя, который курсанты с помощью все тех же дюбелей присобачили к корпусу вместо языка гондолы – что за извращенец так изуродовал бедную машину и, главное, зачем? – так вот этот кусок, являвшийся теперь фактически ее днищем, держался просто на честном слове. Тем не менее, машина была способна хоть как-то передвигаться, и это было самое главное. Впрочем, дырявое днище вполне устраивало парней. То есть, не то чтобы устраивало, но нет, как говорится, худа без добра. Дырки позволили Дюбелю, совершенно оборзевшему с обретением прозвища, приладить под днищем скримера "клизму" – двухзарядный гранатомет ИКГ-2 из запасов в бозе почившего флаттера, оружие, крайне популярное среди санаторной молодежи всех миров. Предназначался гранатомет для применения именно в Городах. Одна граната несла кумулятивный заряд, разносивший вдребезги – как говорилось на лекциях, "с дивной избирательностью и без повреждения инфраструктуры" – любую баррикаду, вторая взрывалась сущим фейерверком разлетающихся во все стороны вторичных зарядов, которые, взрываясь в свою очередь, выбрасывали в воздух одно за другим облака ядовитых игл. Стрелять можно было не целясь, чувствительные инфракрасные датчики

сами находили живые мишени.

За то время, что парни провозились с ремонтом скримера, грузопоезда уже и след простыл. Впрочем, Стратег, на которого Виктор с облегчением возложил бремя руководства... естественно, вместе с ответственностью... так вот, Стратег о преследовании грузопоезда и не помышлял. Скример решительно свернул в сторону от центрального путепровода и через разлом в шлюзе пылесборника втиснулся в воздуховод.

– Ты куда? – всполошился Дюбель. – Воздуховод почти вертикальный, да еще и ветер навстречу. Мы ж не улитки.

Голова Стратега была задрана кверху, взгляд не отрывался от терявшегося в темноте просвета воздуховода. Пальцы, судорожно вцепившиеся в пульт управления, выдавали нешуточное душевное напряжение: вести машину вверх в узком воздуховоде было невероятно трудно. То ли из-за гранаты, то ли из-за обтекателя, то ли из-за всего разом, скример все время тянуло влево. Просвет воздуховода сравнительно с габаритами машины был относительно невелик, так что удерживать ее на нужном курсе было совсем не просто. Тем не менее, вопли Дюбеля не остались без ответа.

– Тише едешь – дальше будешь, – наставительно изрек Стратег. – Эти суки уж точно почесали по спиральному путепроводу. И за дорогой смотрят в оба, что спереди, что сзади, будь спокоен. С разницей в вооружении надо считаться. Напоремся на грузопоезд, нас разделяют как мясник кролика, пукнуть не успеем.

– Да что они могут сделать! – горячился Коля-Дюбель, косясь на Виктора, глаза у парня были шалые, с сумасшедшинкой, голос напористый, агрессивный. В каком-то смысле оба парня, что называется, работали "на публику", в качестве которой он, Виктор, естественно, и выступал. – Это мы их сделаем! Не то, что Корн или Комар, Снайпер в нас ни в жисть не попадет при нашей-то непредсказуемости хода. А вот я им клизму поставлю, это точно!

– Не факт. Снайпер стрелок от бога. Да ему и не надо в нас попадать. Шмальнет в стену возле скримера парой корпускул, взрывная волна снесет нас в шахту, что твою пушинку.

– Вдоль дороги энергетический барьер!

– Вот как раз через него-то и будем кувыркаться, это я тебе гарантирую. Да еще и энерговоды он нам перекорежит. А шахта – она глубоко-окая!

– А в воздуховод ты чего полез? Мало того, что вертикальная скорость у нас улиточья, тут еще, говорят, пауки с элѐфанта ростом. И скорпионы.

– Не бойсь, паря, где наша не пропадала! Подумаешь, пауки. Ты их сам-то видел, пауков? Вот и я не видел. А что Снайпер с лазеркой вытворяет, мы оба видели. И паукам этим сейчас, я так думаю, тоже не до нас. Им, я так думаю, сейчас со скриплами бы разобраться. А вот мы себе путь сократим насколько?.. То-то и оно. Мы еще и обгоним этих падл. Да и вообще, нам сейчас нужен не Корн, а комт, – Стратег заржал, крайне довольный собственным каламбуром. – И кон-

чай обсуждать мои действия, Дюбель. Я тебе сейчас не кореш, я тебе сейчас командир.

Чем больше Виктор присматривался к Стратегу, тем больше этот парень ему нравился. Он был собран, внимателен, насторожен и, в то же время, выглядел абсолютно спокойным. От него исходила такая несокрушимая уверенность в своих силах, такая брызганная энергия, такая готовность к мгновенной – и, без сомнения, абсолютно адекватной! – реакции на малейшую угрозу, что Виктор впервые не умозрительно, а всей, так сказать, кожей почувствовал, что значит в критической ситуации ощущать себя "как за каменной стеной".

Стратег выжимал из растерзанного скримера все возможное и даже больше, отчего запасы энергии таяли на глазах. Нормальный для машин такого типа еле слышный шелест двигателей перешел в пронзительный свист. Красные искры на концах энергопроводов превратились уже чуть ли не в факелы фиолетового цвета и совершенно противоестественной длины. Но своего Стратег все-таки добился. Скреймер на вполне приличной для этих условий скорости упрямо лез вверх.

Воздуховод, по всей видимости, был сугубо технологический, временный, и обеспечивал техническим неочищенным воздухом шахтные разработки. С одной стороны, это было даже и неплохо, поскольку на пути не возникало никаких препятствий в виде очистных сооружений, всяких там

энергетических силовых захватов для крупного мусора и фильтров тонкой очистки воздуха. Построен он был крайне неряшливо, вкривь и вкось, с использованием выработок и всяческих заброшенных тоннелей. К тому же, он сильно пострадал в инциденте – где-то тут подорвались ракеты, которые хотели запустить по Гнезду, и именно на Северный шахтоквартал дождем валились сбитые боевые машины гвардейцев. Можно было представить, что творилось на верхних, предназначенных под жилье, уровнях шахтоквартала, если даже здесь, в магистральном воздуховоде, из раздрызганных мощных когда-то стен во все стороны торчали здоровенные обломки бетонных плит. Стратегу то и дело приходилось менять направление движения, а машина управления слушалась плохо, вести ее приходилось не вперед, а вверх, она шаталась и раскачивалась из стороны в сторону как пьяный люмп на гидропонном Бродвее. Стратег начал заметно нервничать, дергаться и ругаться сквозь зубы, что отнюдь не способствовало спокойствию Виктора. Корявые бетонные плиты скользили вниз, иногда придвигаясь так близко к энерговодам, что у Виктора замирало сердце. Фары скримера, направленные не в сторону движения, а в стену воздуховода – как только Стратег умудрялся управляться с чертовой колымагой в таком диком положении? – на мгновение выхватывали из темноты длинные овальные нашлепки на его грязных и даже на вид омерзительно липких стенах. Нашлепки были похожи на волдыри или опухоли и покрыты шевелящимися

перепутанными волосами, если за таковые можно было считать нитевидные образования в палец толщиной. Местами нити образовывали между двумя нашлепками что-то вроде обрывков настоящих паучьих сетей. Вот только сеточка такая, существуй она на самом деле, увеличена была бы сравнительно с привычной не в одну тысячу раз. И тут Виктор вспомнил, что о пауках – мутантах в воздуховодах он как-то раз уже слышал еще в доконфликтные времена, совершенно случайно оказавшись на совещании у Ховрина. Ростом они были, разумеется, не с элѐфанта, но питались крысами, так что тесное общение с этими очаровашками вряд ли могло кому-нибудь доставить удовольствие.

Слышал он и объяснение этой удивительной мутации, причем из первых уст, от наимудрейших азерских высоколобых. Все дело было, вроде бы, в скорости воздуха. У насекомых легких нету, вместо легких какая-то хрень, названия которой Виктор не помнил, какое-то производное от слов "ахинея" и "трахать", трахинея, что ли, какая-то или трахтея. Очень, кстати сказать, это словечко всех совещантов тогда развеселило... Так что дышат букашки весьма хитроумно, можно сказать, телом дышат, потому и не вырастают в нормальных условиях, что кислород внутрь тела пролезает с трудом. Называется это у яйцеголовых премудрым словом "диффузия". Но в воздуховодах-то совсем другое дело. Скорость движения воздуха там сумасшедшая, диффузия многократно ускоряется, а если просто по человечески, то ветер

в воздуховодах буквально загоняет им в тело кислород. Вот они и растут. Как на дрожжах.

Тогда, на совещании, обсуждалось резкое падение воздухообмена в нескольких шахтокварталах Западного сектора. Чтобы люди стали задыхаться, до этого дело, естественно, не дошло. А вот промышленность и особенно гидропоника, которая воздух жрет тысячами кубометров на ферму в день, просто взвыли. Сперва-то грешили на Старую Даму, а когда разобрались, то оказалось, что это как раз мутанты – пауки просто-напросто перекрывали воздуховоды своими сетями. Сети собирали на себя всю дрянь, которую засасывало в воздуховод, и, в конце концов, затыкали его чуть ли не как пробки.

Представить себе паука, пищей которому служат не мухи, а крысы и прочая подобная живность, было жутковато. Слава богу, эти пауки жить могли только в воздуховодах. Совершенно не понятно было, кстати, как это они охотятся на крыс? Крысы в воздуховод не полезут, дуры они, туда лезть, да и что бы им там делать? А для пауков выходить в обычные штольни, что для людей нырять... нырять?... а почему бы и нет? Вон, дельфины всякие еще как ныряют за рыбой, жрать захочешь – нырнешь. Правда, если охотясь на крыс, пауки "ныряют" во всякие там штреки и штольни, нахрена им тогда сети? Кого они в эти самые сети станут в воздуховоде ловить? Скорпионов, что ли?

За несколько часов движения они забрались уже доволь-

но высоко и находились, как понял Виктор из разговора парней, уже где-то близко к выходу. Похоже, именно эта, верхняя часть шахтоквартала, уже отстроенная и практически подготовленная к заселению, больше всего пострадала при конфликте. Стены воздуховода были покрыты трещинами, в них зияли огромные щели, местами плиты выпирали внутрь вовсе уже безобразно и кошмарным образом, а в одном месте в воздуховоде зияла преогромная дырища, в которую их машина при всей своей расхлябности могла бы проехать безо всякого труда. Двигались они быстро, дыру проскочили за какую-то секунду, но хаос и дикие разрушения, которые Виктор успел за это время рассмотреть, прямо скажем, выглядели более чем убедительно.

Скример затормозил так резко, что Виктор с размаху впечатался лицом в твердую, как кирпичная стена, спину Дюбея. Наверное, он на какое-то время просто отключился, потому что когда способность соображать к нему вернулась, Дюбеля на сидении перед ним уже не было. Скример, потрескивая разрядами энергопроводов, замер в неподвижности, Дюбель чуть ли не висел на плечах у Стратега, головы у обоих парней были задраны кверху, и оба они напряженно вглядывались в темноту воздуховода.

– ... оно конечно, только это всем хреням хрень! – сдавленным голосом говорил Дюбель. Виктор, как и парни, задрал голову и тоже увидел это. Нет, – сказал он себе, – такого не может быть. Пауки живут поодиночке. Одна штука на

паутину. Так пауки не живут.

Огромный мешок из паутины – гнездо, что ли? – когда-то, очевидно, был растянут от стены до стены. Но одна из плит, к которой он был прикреплен, вылетела из воздуховода к чертовой матери, так что сейчас мешок висел вдоль другой стены буквально на честном слове. Взрывом, небось, шарахнуло, а может, уже и после обвалилось. Мешок был весь облеплен многоногими тварями настолько кошмарного облика, что принимать их за пауков сознание отказывалось. Напрочь. Твари торопливо вытаскивали из мешка большущие белые шары, наверное, яйца, и куда-то волокли их, а на смену тут же являлись новые твари, и тоже лезли в мешок за шарами. Процесс шел непрерывно и очень быстро.

– Стратег, живее, рвем когти, пока не засекли! – возбужденно прошипел Дюбель.

– Поздно! – в полный голос проорал Стратег.

Пауки с яйцами вдруг куда-то пропали. Твари забегали по мешку, потом сбились в кучу, будто советуясь, и стремительно разбежались по стенам, как бы окружая... при этом они – казалось Виктору – поблескивали на скример маленькими, злыми, красными глазами... хотя как бы это он разглядел на таком расстоянии? И тут вдруг один из пауков прыгнул на скример. Энергия, хлеставшая с энерговодов, разорвала его в клочья, но он успел плюнуть... ну да, иначе это и не назовешь, именно плюнуть в скример сгустком какой-то дряни с витаминный шарик величиной. Сгусток смачно шлепнул-

ся на прозрачный обтекатель скримера, и Виктор с ужасом увидел, что обтекатель в этом месте тут же потемнел и подернулся сеткой мелких трещин.

Как будто по сигналу, пауки набросились на скример со всех сторон – сверху, с боков и даже снизу... когда они успели там оказаться? Они гибли десятками, но плевки их градом сыпались на машину. Обтекатель на глазах терял прозрачность и, казалось, вот-вот должен был рассыпаться к чертовой матери.

– Дюбель, гранаты, – орал Стратег истошным голосом. Дюбель, не забываясь о прицеле – какой тут, к чертовой матери, прицел? – шарахнул игольчатой в божий свет, как в копейку. От раскатистой череды взрывов у Виктора заложило уши, и на мгновение ему показалось, что от мельтешения мириадов игл померк свет.

– Кумулятивной, быстро, – скомандовал Стратег, – влево, над трещиной, держись, братва!

И вот тут-то вокруг началось сущее светопреставление. Слева на стене вздулся до нестерпимости яркий огненный шар, а стена воздуховода, и без того державшаяся на честном слове, рухнула, к счастью, в основном, наружу. Взрывная волна подхватила скример как пушинку, и со страшной силой шмякнула его о стену, сокрушая стержни энергопроводов и корежа гондолу. Неконтролируемый поток энергии хлынул из разломанных энергопроводов с такой силой, что скример, будто ракета, а точнее, как проткнутый иголкой воздушный

шарик рванулся в противоположную сторону, и через свежесформировавшийся пролом вылетел из воздуховода наружу.

– Бюллера, Бюллера страхуй, – орал Стратег, терзая бесполезный пульт управления.

В центральном шлюзе Разрушителя беглецы предстали пред светлые очи того же самого вездесущего пучеглазого начальства, пребывание, впрочем, изволившего иметь по-прежнему не в истинном теле, а в фантоме. Начальство находилось в окружении весьма высоких флотских чинов, включая шип-коммодоров первого ранга, и мордатых громил в штатском, обладавших на редкость скверной внешностью, манерами и мерзким взглядом вприщур. Пост, который занимало пучеглазое начальство, был, видимо, просто запредельным. Шип-коммодоры пританцовывали вокруг него на пуантах, готовые лететь (исполняя) и исполнять (летя) на лету же подхвативши руководящее указание. Пучеглазое начальство, безошибочно выделив в толпе Эни, тихим голосом сказала, будто бы видело ее впервые в жизни:

– Леди Боди, я Ответственный Секретарь Верховного Координатора по делам колоний. Его Имперское Сиятельство ждут Вас. Пройдемте со мной... О ваших телохранителях позаботятся, – добавил Секретарь, увидев, как Эни бросила нерешительный взгляд на своих гвардейцев, после чего перевел глаза, ставшие вдруг жесткими и неприязненными, на Ану. – Эй, Вы, э-э... как там Вас... Вы тоже следуйте за мной.

Макрослип встрепенулся.

– Простите, а я?

– Вами займутся. Его Имперское Сиятельство полностью в курсе Ваших дел, – не оглядываясь, буркнул сэр Ответственный секретарь и двинулся к выходу из шлюза. Макрослип пискнул ему вслед что-то невнятное, но тут один из шип-коммодоров, одетый, по счастью, не в черный мундир санации – были тут к его ужасу и такие – а в голубой летный, цыкнул зубом и, глядя на сэра Макрослипа как скрипл на крысу, поманил его к себе пальцем.

Палуба под ногами Аны неприятно подергивалась, идти с непривычки было непросто. То с одной, то с другой стороны наваливались перегрузки, небольшие, но неприятные своей неожиданностью и резким ускорением. Видимо, абордажный сегмент совершал обратную трансформацию, встраиваясь вместе с захваченной им "Лиловой Звездой" в гигантское тело "Разрушителя".

Место, в которое они вышли, совсем не походило на рум космического корабля. Оно напоминало, скорее, какую-нибудь оживленную развилку городского путепровода. А вот транспорт, на котором им предстояло передвигаться, вообще не походил ни на что на свете... разве что вот если бы флаттер был обстоятельно изнасилован скримером, тогда, конечно, могло бы появиться на свет что-нибудь подобное.

Машин на стоянке было три. Две из них – первая и третья – более всего напоминали перевернутые вверх тормашками и утыканные иголками ботинки с торчащим из каблука гвоз-

дем. Ботинки стояли каблуками в разные стороны, а между их носками находилась третья машина, маленькая и очень похожая на свернувшегося клубком ежа... есть на Азере такой смешной колючий зверек.

Пучеглазый секретарь вместе с Эни Боди уселись в гондолу средней машины. Ану биопы охранники, не церемонясь, зашвырнули в заднюю – на месте подошвы в "башмаках" был глубокий... как бы это сказать... кузов, что ли, а в нем сиденья для охранников со всякими явно смертоубийственными приспособлениями, даже названий которых Ана не знала. Каблук при ближайшем рассмотрении оказался оружейной башенкой, а торчащий из него гвоздь лазерной пушкой.

Кортеж с огромной скоростью мчался внутри дредноута. Пассажиров немилосердно швыряло и дергало в разные стороны. Ана оказалась насмерть зажата между двумя охранниками, мужиками зверски мускулистыми и твердыми, как доски. Несмотря на то, что Ана всегда была равнодушна к таким парням, она не чувствовала ни малейшего сексуального возбуждения. Вся ее интуиция подсказывала, что – увы – и на этот раз ей повезло вляпаться в нечто, не сулящее ничего хорошего. И что же это за судьба досталась такая? Жизнь перла, будто по спирали какой раскручивающейся. Что бы она ни делала, после краткого мига счастливой надежды неизбежно приходило сокрушительное падение, и чем слаще была надежда, тем больнее было падать. Это не случайность, говорила она себе, нет. Это следствие решений,

принятых при остром недостатке информации. А как же интуитивизм твой этот самый, пресловутый, ни при чем, что ли?.. А вот так вот как раз и ни при чем! Чем он тебе поможет, если влезает в игру, где твои противники играют краплеными картами, да еще и по правилам, которые сами в процессе игры устанавливают и меняют? Где все игроки, кроме тебя, связаны круговой порукой? Где законы если и действуют, то всегда сверху вниз, и никогда снизу вверх? Нет, в принципе-то, Ана ничего против этого не имела, просто она сама хотела находиться среди тех, а не среди этих. Вот только те этого ее желания разделить категорически, так сказать, не разделяли.

Путешествие закончилось так же стремительно, как началось. Когда Ана выбралась из башмака, секретарь с леди Боди уже исчезли. Ана беспомощно оглянулась, но тут один из охранников со ставшей ей уже привычной бесцеремонностью тутошних "официальных лиц" ухватил ее за плечо и подтолкнул к диафрагме маленького портала в темном углу ангара с обратной стороны башмака. Прорезь для карты доступа перемигивалась красным и фиолетовым огоньками – для входа требовался ключ серьезней некуда.

– Туда, – прорычал биоп, засовывая в прорезь карту аж с двумя нулями на идентификаторе, и, поскольку Ана испуганно медлила, толкнул ее в раскрывшийся портал с такой силой, что, влетевши внутрь, она еле удержалась на ногах.

Биоп протащил Ану по нескольким пустынным коридо-

рам, над входными порталами в которых перемигивались исключительно красно-фиолетовые огоньки, и затолкал ее в небольшое отделение, сплошь уставленное аппаратурой самого зловещего вида. Весь центр рума занимало огромное кресло для ментоскопирования.

– Нет... нет... – забормотала Ана в ужасе, но биоп сгреб ее огромной лапищей и швырнул в кресло. Кресло, несмотря на свою массивность, жалобно застонало.

Из-за кресла вывернулся маленький косоглазый человечек в кипенно-белом халате.

– Не надо пугаться, – пропищал он, жизнерадостно потирая руки. – Идиотку из тебя пока делать не планируется. То есть, специально мы этого делать не будем, я хочу сказать. Разве что, ты сама. Если ей, – человечек любовно погладил аппаратуру своими цыплячьими лапками, – не понравятся твои ответы, она ведь переспрашивать не будет. Она тебе тут же устроит глубинное ментоскопирование принудительно. Так что сожжешь свои мозги сама, собственными своими красивыми ручками, точнее бабским брехливым языком... Ах, какая прелесть, – человечек еще больше прищурил свои и без того узенькие глазки, – какая прелесть, да мы, оказывается, оконтакторенные! Тем лучше, цыпочка, тем лучше, возни меньше.

В мгновение ока Ана оказалась распята в кресле в самой унижительной позе, какую только можно себе представить, всюду утыкана датчиками и подключена к ментоскопу. Боль

в позвоночнике, не оставлявшая ее с момента начала памятного разговора с новоявленной хозяйкой, стала совершенно нестерпимой. От этой боли, хотелось выть в голос, она почти теряла сознание. Между тем, коротышка властным движением руки отослал биопу прочь и еще раз внимательно проверил все соединения. Потом он издевательски потрепал ее цыплячьей лапкой по щеке, вздел кверху указующий перст и выкрикнул с издевательским же пафосом в голосе набивший оскомину всей Империи слоган Старых Миров: "наше будущее в наших руках", после чего вышел в соседний рум, лязгнув запорами толстого стального люка. Ана осталась одна на растерзание боли и страху. И тут в ее мозгу зазвучал голос Эни Боди. "Я говорю тебе "прощай", а не до свидания, милочка, – сказал голос, – поскольку ты у нас, я заметила, особа, не расположенная откровенничать со своими хозяевами, а напротив того, стремишься утопить истину во мраке неизвестности. Впрочем, ты можешь еще попытаться исправиться". Голос хихикнул и отключился.

Шок, который испытала Ана при звуках этого голоса, был чудовищным. Переживаний подобной силы еще не выпадало на ее долю за всю многогрешную несправедливую жизнь. Ужас, который до сих пор ей, пусть и на пределе сил, но все же как-то удавалось сдерживать, разом вырвался наружу. Даже когда перед отправкой в санаторий пьяные биопы-санаторы насильовали ее прямо на металлическом полу, раздирая в кровь беззащитное тело и вдавливая рубчатые металлические пружины

тъя настила в ее голую спину, даже тогда она не чувствовала такой беспомощности и такого всепоглощающего страха. В уши Аны ворвался истошный визг, и ей не сразу удалось понять, что это визжит она сама. Она пыталась просить пощады, умоляла помочь, пыталась объяснить, что не виновата, что до вживления контакторов была самой обыкновенной девушкой, даже невинной... почти... Что садизм, жажда убивать появились в ней только потом, только после операции, что она больше не будет, но изо рта ее вырывался только хриплый невнятный рев. Потом ее мозг заволокло душным вязким туманом – будто тяжелое ватное одеяло навалилось – и сознание покинуло ее окончательно.

– ... все? – спросил Координатор.

– Так точно, Ваше Имперское Сиятельство, – полуобморочно прошелестел кипенный халат.

– Это радует, – задумчиво пробормотал Координатор, рассматривая на экранах инфора данные ментоскопирования. Потом медленно повернулся к Эни, и некоторое время разглядывал уже ее с выражением подчеркнуто снисходительного удивления на лице. Впрочем, снисходительность эта выглядела явно нарочитой, и потому имела, как невольно отметила Эни, несколько комический оттенок.

– Bravo, – сказал он, наконец, и беззвучно похлопал в ладоши. – Эк ты ее просекла. Безо всякой аппаратуры, без... э... э... что значит – контакторы. Bravo, bravo! Ты делаешь большие успехи, девочка. Это, как бы сказать, весьма...

Эни, скромничая, потупила глазки. Впрочем, ее скромности хватило ненадолго.

– Ну, так и что, берем крыску к ногтю? – деловито спросила она.

– Почему? – удивился Координатор.

– Но не лечить же ее, в самом деле?

– Зачем лечить? – еще больше удивился Координатор. – С какой стати? Да ей цены нет. О-о, ты мне сделала отменный подарок, это радует. Из нее выйдет прекрасный исполнитель для ... э-э... в особых случаях. За примером не надо далеко ходить. Взять, хотя бы, Рекса Азерски. С ним надо разобраться в ближайшем будущем, причем кардинально. Попробуем подвести ее к нему.

– Но Рекс, как я это понимаю, уже отверг девку один раз. Почему ты думаешь... он такую и на десять шагов к себе не подпустит, а чтобы улечься с нею в постель? Да никогда!

– В ее собственном теле, конечно же, не подпустит, – Координатор согласно покивал головой. – Когда я говорю – нет цены, я имею в виду ее фант, тело мне без надобности, тело у нее – тьфу. А если мы подведем ее к Рексу вот в этом теле? – Он пробежался пальцами по клавиатуре и с победительным видом ткнул пальцем в экран инфора.

На экране возникло изображение коридора, как две капли воды похожего на тот, в котором Эни, еще будучи старой перечницей Лайзой, некогда через прозрачную стену выбирала себе донорское тело. Изображение развернулось, укруп-

нилось, наезжая на экран, стена исчезла, и... Эни невольно вскрикнула. В камере, вжавшись в угол и обхватив руками прижатые к груди колени, прямо на полу сидела Сурия Бюллер, уставившись в противоположный угол камеры неподвижными огромными глазами.

– Перед самой своей смертью там, на Азере, твой камердинер выполнил совет, который ты ему дала, и украл-таки эту девку. Впрочем, он и до твоего совета к ней приглядывался. Роскошное тело, да еще и контакторы. Полезный был тип, твой камердинер. У меня в чистилище сидит его фант. Вот, подумываю, не подарить ли ему шанс на еще одну жизнь?

– Где-где сидит?

– Э-э... Не бери в голову. Потом разберешься в хитро-сплетениях нашего здешнего существования.

– Я не поэтому ему советовала, – возразила Эни. – Подумаешь, тело... контакторы... Эта сволочь была любовницей Рекса. Потом-то между ними черная кошка пробежала, но у каждого на морде было написано, что у них – чуйства.

– Ревнуешь? – усмехнулся Координатор.

– Я?! – с горячностью чуть ли не заорала Эни, но, наткнувшись на его иронический взгляд, улыбнулась смущенно и призналась: – ну, может быть, самую малость. Он, видишь ли...

– Не смущайся. Я все понимаю. Эти твои гвардейцы неплохи, но, естественно, я полагаю, с Рексом никакого сравнения не выдерживают даже вместе. Отменное тело. Впро-

чем, перефразируя одного древнего приматского философа, можно сказать, что секс есть смысл, цель и способ существования белковых тел, – Координатор извернулся в кресле и потрепал Эни по колену, – так что под этим телом ты еще, пожалуй, имеешь шанс оказаться. Даже, пожалуй, наверняка окажешься.

– Под Рексом?!

– Кто говорит о Рексе? – удивился Координатор. – Я говорю о теле, а не о Рексе.

– Ах, вот оно что, – протянула Эни.

– Именно, – улыбнулся Координатор, и вдруг спросил: – Кстати, давно хотел полюбопытствовать, вот ты Ольгерда пустила в расход. Тебе его ни капли не было жалко?

– Кого? – поразилась Эни. – Ольгерда? С какой стати мне жалеть этого болвана? Ах, вот ты о чем... так не я же его рожала, его произвело на свет тело старой перечницы Лайзы, а не мое. Сыночек, прости господи!

Координатор с задумчивым видом покивал головой.

– И вот еще. Ты получила тело готового инта. Ты долго привыкала к этому телу, или сразу же заделалась интуитивисткой хоть куда? И насчет боли в позвоночнике, сильно она тебя мучила?

– Интом я стала, конечно же, не сразу. Я долго просто не понимала, что со всем этим делать, с контакторами и вообще. Нет-нет, понимание и особенно умение пришло не мгновенно. Что до боли, это очень специфическая вещь. Тому,

кто не испытал, не объяснишь, ты уж извини. К ней привыкаешь. Ее даже ждешь. Это как бы сигнал, что ты развиваешься, совершенствуешься. Это как месячные... Впрочем, ты мужик, ты этого тоже не поймешь. Когда боли долго нет, даже нервничать начинаешь.

– Терпеть боли не могу, – пробормотал Координатор себе под нос. – С детства.

Эни удивилась.

– Да нет в ней ничего такого уж особенного. Рожать куда больней. Ну а не можешь... не хочешь терпеть, – поправила она, – так и не терпи. Вели высоколобым придумать обезболивающее. А нельзя лекарство, так аппаратуру какую-нибудь.

Координатор оживился. Видимо, он так свыкся с мыслью, что интуитивизм неотделим от боли, что мысль об аппаратуре просто не приходила ему в голову.

– Может быть, может быть. Почему бы и нет? Но вернемся к нашим баранам. Да. Вот в теле этой самой Сурии мы Рексу фант твоей стервочки и подсунем.

– А натаскать-то ее сумеем? Сурия – та еще штучка. Интеллектуалка, и даже того хуже. Причем, заметь, несмотря на весь свой зеленый демократизм, аристократка высокомерная надменная из нее так и прет.

– Не знаешь ты мужиков, дорогая, при всем твоим немалом опыте, – покровительственно усмехнулся Координатор. – Что ли она Рексу нужна для прогулок и бесед фило-

софской заумности? Для этого у него есть разные Кулакоффы и прочие профессора. Нормальная мужская реакция на эту стервочку такая: насадить ее на кол, да так, чтобы кончик одного из рта высунулся. Как только Рекс ее увидит, сразу же потащит в постель. Чтобы трахать, трахать и трахать во все дырки. Вот во время оргазма она его и прикончит.

Эни из всех сил старалась не показать, насколько ее покорила вульгарность человека, которого она как-то уже привыкла полагать Правым Всегда.

– Я их обоих прекрасно знаю. Ей один на один Рекса никогда не прикончить, даже если свяжет его или к койке наручниками прикует. Сам подумай, сможет ли какая соплячка прирезать слона, пусть и связанного? А Рекс еще и инт. Оргазм, фига! Он будет знать про это ее желание убить раньше, чем она сама его осознает, уверяю тебя.

Координатор картинно вздернул бровь.

– Ну, что ж. Работы по созданию киллера для Азерски ведет мой Советник от Науки. Отправляйся к нему, проводи... э-э... ревизию. Заодно передай фант твоей хакерши, пусть использует. Вот тебе, кстати сказать, прекрасный случай проверить дар твоего собственного предвидения. Устрой соответствующий эксперимент. Так сказать, полевые испытания киллера – клон этой девки Бюллер с установленным в него фантом хакерши. Ученнику скажешь, я распорядился клонбоди не жалеть и биопов на роль Рекса подобрать покрепче. Результаты доложишь.

Эни встала.

– Нет-нет, не спеши. Я хочу с тобой обсудить еще один вопрос. Я хочу знать, всем ли ты довольна в своем новом теле.

Эни на секунду замялась, но тут же поспешно зачастила:

– Да, о, да, конечно! Я даже не сказала тебе спасибо, кажется? Так это я одурела от счастья. Это я просто от одурения, а не от...

– Я тебя ни в чем не обвиняю, тем более что ты меня благодарила, и очень даже пылко. Просто мой ментоскопист говорит, что тело, которое я тебе дал, имеет в твоих глазах один существенный недостаток. Твои конечности биомеханические, так что в тебе наличествует некая доля... э-э... транслюдии. Конечно, не как в киборге, которые киборги есть крайняя степень, поскольку органического тела не имеют вообще. Но в твоих конечностях нет органических нервов, одни электронные цепи. Они лишены эрогенных зон, и это, конечно, недостаток, причем не только в твоих глазах. Отнюдь. Да и волосы вот тоже...

Эни криво усмехнулась.

– Нельзя иметь все. Ты дал мне молодость, красоту, здоровье, новую личность.

– Прекрати болтать глупости, – нетерпеливо перебил ее Координатор. – Ты хотела бы вернуть себе эрогенные зоны на конечностях, в кожу под волосы, ну, и все такое? Да или нет?

– Да, – тихо прошептала она.

– Зайди к моему ментоскописту. Велишь ему обследовать себя и взять кровь для клонирования. Быстро не обещаю, но для следующего воплощения прикажу изготовить для тебя полноценную копию с этого твоего тела. Полноценного клонна, сама понимаешь, можно изготовить с любого инвалида, даже если он не чуточку биомех, как ты, а на сколько угодно процентов. Транслюдия это все-таки не постлюдия.

– Чего-чего?

– Не чего, а что. Чего – это родительный падеж от слова что. И употребляется, главным образом, с отрицанием: "ни чего", поняла?

– Да-да, конечно. Но причем здесь постлюдия? Постлюдия – это же что-то из музыкального шоу-бизнеса, ну там, прелюдия, интерлюдия... когда фьютят всякую музыку и вообще.

– Ну, приматы, ну... это что то! Никакого представления о собственной культуре, и вообще! Разве словами транс и постлюдия... э-э... используют только лабухи? Это термины из науки. Из эволюции. Транслюдия – это когда эволюционные изменения накапливаются в отдельных, так сказать, персоналиях, но еще окончательно, как бы это, не у всех, словом. А постлюдия... Здесь тонкая игра слов, поскольку слово означает следующий за транслудией этап, когда изменения уже на генетическом уровне. По наследству, понимаешь? Хотел бы я уверенно знать, что представляет собой ваш

Рекс – транс или уже постчеловека? Очень может быть, что и пост...

Эни озадаченно похлопала ресницами и покопалась пальцем в затылке... что-то тут было, воля ваша...

– А дальше? – спросила она, чтобы просто не молчать. – Какой будет следующий этот самый этап этой самой эволюции?

– Следующий этап – это Бог. Бог! Но мы отвлеклись. Иди прямо сейчас, ментоскопист получил все необходимые распоряжения. Но учти, хотя твое новое клонбоди не будет иметь сегодняшних недостатков, оно, естественно, окажется лишено и всех достоинств биомеха, хотя бы, к примеру, твоей теперешней физической силы и неутомимости.

Эни вскочила и, не прощаясь, опрометью помчалась к диафрагме портала.

– Стой, стой, подожди минутку.

Эни, будто споткнувшись, замерла на месте и медленно повернулась.

– На Азере тебе, похоже, сильно досталось. Когда раскрутишь с ревизией у научника, можешь отдохнуть на Земле. Я предоставляю в твое распоряжение одно из своих земных поместий. Лайвадию. Располагайся со всем... э-э... с максимальными комфортностями. И, как ты выражаешься, оттягивайся на всю катушку. Попутно сделаешь для меня еще одно дело. Попробуй разобраться, как Рекс Азерски сумел повернуть с разгромом тамошней лаборатории. Он спосо-

бен и дальше... боюсь, что именно он подsunул мне Шульца. Мои люди в Корпусе докладывают, что между ними, я имею в виду Азерски и этого Шульца, отношения чуть ли не сплошной вась-вась. А тут, как на грех, и еще один их общий дружок прорезался, некий Кулакофф. Такая гремучая смесь, знаешь ли, сделает как детей приматов и покруче Фукса. Я распорядился, чтобы всю необходимую информацию тебе предоставляли по первому требованию, каким бы индексом секретности она ни обладала.

Эни кивнула головой и пулей вылетела из рума.

Координатор с ленивой, чуть презрительной улыбкой проводил ее глазами и, не успела диафрагма схлопнуться за нею, вызвал по инфору ментоскописта.

– Встречай. Ты помнишь, что обязан сделать? Любовь должна не просто проявиться или, там, усилиться. Она у нее должна быть стойкая, слепая и абсолютно... э-э... без рассуждений. Все мыслимые блоки поставь.

– А как насчет страха? Другим Ваше Сиятельство приказывали поставить еще и страх послушания.

– Если бы мне нужно было, чтобы она боялась, я бы тебе сказал. Я тебе говорил про страх?

Ментоскопист испуганно сжался, но все-таки нашел в себе силы продолжить.

– Она сильная интуитивистка, ваше Имперское Сиятельство. Она может понять, в конце концов, что любовь эта инсталлированная.

– Чтобы у нее и мыслей таких не появлялось. Не приведи тебе господь... тем более, что господь – это я. Шкуру спущу.

В кабинете с грохотом распахнулась дверь, и чья-то всунувшаяся рыжая физиономия – с головой ушедшая в работу девушка даже не сумела сразу разобрать, чья именно – возбужденно заорала:

– Лайза, кончай возиться с заумными предуростями, нашла время! Тут из Города приперлись какие-то, требуют комта, ни с кем другим разговаривать не желают, а он, хоть и болен и напичкан снотворным, все равно куда-то пропал прямо из-под замка. Госпожу комтессу Малыш... тьфу, черт, опять, никак не привыкну... господин комт, тьфу, в смысле – вице-король-его-величество, беспокоить запретил категорически и под угрозой. Кулакофф, Айно и Шульц куда-то рванули на флаттерах, связи с ними нет. Брат пытается защитить люмпов от астраханцев с туляками, которые их рвут в мелкие клочки и загоняют в болота к гамадрилам. Мне надо в Космопорт, он весь покореженный, а кораблей на орбите прорва, все срочно хотят выгрузить пассажиров. Прочие наши тоже в разгоне, иди к этим городским и раскрути их, не то придется искать Малыша – опять же тебе, потому что меня здесь уже нету. И учти, комтесса с Кулакоффом в него снотворного велели нашпандорить лошадиную дозу, и уж тут твоя мамаша постаралась. Городские в каминном зале дожидаются. Ребята мученные, драные, битые и злые.

Пешедралом притрюхали от самой Северной шахты, а как умудрились переправиться через Пульсарку – ума не приложу, поинтересуйся, а?.. любопытно, все-таки. И дело у них важное, нюхом чую.

Проорав все это чуть ли не на одном дыхании, голова исчезла, и только тогда Лайза сообразила, что был это один из братьев близнецов, черт их разберет, который именно. Отсюда следовало, что дело было действительно важное, нюх братцы, и в самом деле, имели отменный. Надо было идти. Лайза со вздохом принялась отключать компьютеры.

Дела ее в новой жизни складывались... непонятно. И ладно какие-нибудь внешние факторы были бы тому причиной. Так нет же. Причина была в ней самой.

После той памятной ночи, взорвавшей всю ее жизнь, развитие новой личности шло в ней на редкость стремительно. Она уже не ощущала свое новое тело как нечто чужеродное, она и была этим телом, то есть, точнее, и им тоже. Она отчетливо видела все перемены, в ней происходящие, она видела, что Старая Лайза размывается, уходит куда-то, ей было этого безумно жаль... и вообще, какой она, новая Лайза еще получится? Пример пресловутой Эни Боди стоял перед ее глазами и день, и ночь, пугая до колик в животе.

Было еще одно обстоятельство, доставлявшее ей немало мучений. Обстоятельство это носило вполне конкретное имя – Серж Кулакофф. По мере развития новой личности, она с ужасом начала понимать, что то чувство, которым она жила,

будучи отложенным фантомом, уходит куда-то, тает и вот-вот сойдет на нет вместе с фантом Старой Лайзы. Старая Лайза, которую она теперь упорно называла матерью, сказала ей, что Серж об этой любви знает и, похоже, ее разделяет.

"Но Сержа любила не я, а она, — думала Лайза в смятении. — И кто из нас, дур эдаких, отверг Рекса?"

Рекс ничего не понимал и весело улыбался. Серж все понимал и улыбался грустно.

Сама Лайза, пытаясь удержать гаснущее чувство, со всем пылом, унаследованным от "матери", с головой окунулась в научные проблемы, занимавшие Сержа, чтобы разделить его интересы, и... неожиданно лихорадочно ими увлеклась. Успехи, которых ей за весьма короткий срок удалось добиться, поражали даже Кулакоффа.

Однако доставшаяся ей в наследство от Старой Лайзы пылкость научным направлением исчерпываться не желала. По мере того, как личность ее обретала цельность, осваивала молодость как непреложный факт и собственное органичное свойство, Лайза с паническим ужасом почувствовала, что ее тянет к мужчинам. Не к кому-то одному, конкретному, определенному, а к мужчинам вообще, к мужчинам как... философской категории! Причем она не желала ограничиваться абстракцией, пусть и философской. Она желала иметь их, так сказать, как объективную реальность, всенепременно данную ей в ощущении... во всей полноте физических ощущений.

Чтобы преодолеть это, она еще больше уходила в работу, доводя себя, свой мозг до изнеможения. Она даже была рада постоянно терзавшей ее боли в позвоночнике, благо боль эта, разыгравшись, мгновенно вышибала из головы все посторонние докучные мысли и желания. Привело это, однако, к результату, совершенно противоположному желаемому, поскольку, вкупе с интуитивизмом, ударными темпами в ней принялась развиваться новая личность, окончательно добывая милую старую Лайзу.

Рекс качал головой в веселом изумлении. Серж, который, кажется, уже смирился с ситуацией, качал головой в изумлении унылом. Сама Лайза воспринимала это как "подлянку" со стороны судьбы и готова была кусаться и царапаться. Выход из сложившейся ситуации отыскиваться не желал. Надежды на Рекса не было никакой, поскольку честен он был до идиотизма, копать в головах своих друзей ему и в голову не приходило.

Троица в каминном зале была живописна до... словом, обхохочешься, даже если у тебя юмор беременной самки гамадрила. Двое, что живописно драпировались в обрывки форменных мундиров, были еще ничего, даже при том, что выглядели проигравшими схватку со стаей крыс. Но вот третий... его она даже не сразу узнала – представьте себе человека, одетого во фрачную пару от Мулен Руж, которой только что вымыли пол на гидропонной ферме! И притом, когда она вошла, это пугало, которое она знала еще в пеленках,

сделало на нее стойку. Чисто рефлекторно, понятно, но все равно смешно.

Сделав над собой чудовищное усилие, Лайза сдержала смех и бесконечно серьезным тоном сказала:

– Вот что, ребята, вы, естественно, видите, что я не Рекс Азерски. Я также, понятно, и не госпожа комтесса. И неча корчить понимающие рожи, любезные мои, любовницей господина комта... черт, вице-короля, я тоже не являюсь. Я всего лишь одна из его доверенных сотрудников. У нас тут все просто и даже патриархально. Никаких сервов, лакеев, никаких "исполнителей". Мы все сотрудники господина вице-короля... смешно звучит?.. это еще что, мы считаем себя к тому же и его товарищами и друзьями, да и он нас тоже. Вы отказались представиться и изложить свое дело...

– И представимся, и изложим свое дело только лично господину комту, – твердо и даже с вызовом сказала пугало.

– Да бросьте Вы, Виктор, в самом деле, – блефуя, сказала Лайза подчеркнуто усталым голосом. Стала бы я отрываться от своих, уж Вы мне поверьте, достаточно важных дел, если бы не знала, кого я тут буду жизнерадостно приветствовать? Сын Председателя Совета Координаторов Бюллера и посланец Антикризисного комитета...

– Я не посланец, – перебил ее покрасневший Бюллер. – Просто я не знаю, кому из своих... доверенных сотрудников господин вице-король решится доверить принесенные нами сведения.

– Всем. Он доверит их всем нам. Потому что своекорыстными прихлебателями Гнездо обзавестись еще не успело. Парни! Если ваше дело срочное, мы теряем время. Не станете рассказывать мне, я буду вынуждена пойти будить Рекса. А он очень устал. И, будем откровенны, напичкан снотворным. Так что у меня может и не получиться.

На лицах парней отражалась целая буря чувств. Один из них, здоровенный верзила с добродушным улыбчивым лицом, в сомнении покачал головой.

– Лучше бы разбудить.

– погоди, Дюбель, дамочка права, – сказал второй сопровождающий. – Они и в самом деле доказали и преданность, и вообще. А пока мы тут кочевряжимся... груз, понятно, никуда не денется, а вот Корн, сволочь, и подонки эти, Снайпер с Комаром, уж точно смоются. Как узнаем организаторов? Все ниточки оборвутся. А без очень крупных шишек не ниже, чем из самой Экономической комиссии, тут точно не обошлось.

– Позвольте, позвольте, – перебила Лайза, – это какой Корн, начальник училища санации?

– Он, сволочь. Конечно, Виктор, Вам решать, но я бы ей доверился...

– Ладно, – решил Виктор. – Слушайте.

Едва уяснив суть вопроса и оставив подробности на потом, Лайза немедленно связалась с близнецами.

– Который из Вас в космопорте? – возбужденно орала

она в коммуникатор. – Хватит зубоскалить, некогда, это ты, Алексей? Немедленно прими все меры, чтобы коммодор Корн не покинул Азеру! На него разрешение Рекса о свободе перемещений не распространяется, немедленно арестуй его и сопровождающих лиц! Что?.. а перехватить нельзя? Как это "как? " Запрети старт конвертоплана! Поздно?..

Лайза чертыхнулась.

– Вот так, мальчики. Тю-тю. Смылись, мерзавцы. Всегда я знала, что Корн сукин сын и негодяй, но чтобы элементарный жулик, это уж я даже и не знаю!

– Вы его знали лично? – удивился Виктор.

– Имела счастье, – буркнула Лайза.

– Ну, вот, – махнул рукой Виктор. – Дела, хуже некуда. Как теперь докажешь, что ни отец, ни Стас Ховрин, да и все мы тут ни сном, ни духом?

– Вы что это говорите? – возмутился добродушный верзила. – Ваш папаша и навел Гронкса на грузопоезд. А преследование кто организовал, как не координатор Ховрин?

– Тебе скажут, что это все мы следы заматали, наводили тень на ясный день, – возразил второй, явно более сообразительный курсант. – Одна надежда, говорят, господин вице-король умеет у людей мысли читать, не знаю, правда ли. Хорошо бы, если так.

– Простите, сударыня, не знаю, как Вас зовут, – предельно официально обратился Виктор к Лайзе, – мы должны считать себя арестованными?

– С какой стати? – удивилась Лайза. – Вы совершенно свободны, господа. Более того. Я намерена немедленно отправиться в Город на встречу с координаторами Ховриным и Бюллером. Если хотите, могу захватить вас с собой.

Она поглядела на Виктора. Нет, парень был все-таки очень хорош. Да и второй, сообразительный, был тоже, пожалуй, не хуже. Лайза улыбнулась и добавила:

– А зовут меня... Лиза. Лиза Дуна.

И тут же сама поняла, что – да, именно таким и будет отныне ее имя.

Глава третья

1

Что делалось на поверхности, в Городе представляли себе плохо. На все осторожные вопросы, которые народ из окружения Ховрина решался задавать этой самой Лизе...Эли...или как там ее, ну, которая была назначена азерскому антикризисному комитету в полномочные представители вице-короля – слишком красивая женщина для того, чтобы быть умной или, хотя бы, просто толковой... – так вот, на все эти вопросы она, улыбаясь, отвечала непонятным: "Все хорошо, прекрасная маркиза, за исключением пустяка". Почему "маркиза", что за маркиза и какой именно пустяк она при этом имела в виду – поди, попробуй догадаться.

Генерал Жарко-второй, бывший бравый вояка, явочным порядком оказавшийся во главе всю прошлую жизнь им надменно презиравшейся санации, только вздыхал и ярился, ярился и вздыхал. Вздыхал, когда представлял себе, как хохотали бы старые боевые товарищи над его превращением в гоблина-держиморду, а яриться у него были и более веские основания. Сил не было смотреть на эту пародию на вооруженные силы – жуликоватых и бестолковых кадровых азерских санаторов. Да и на мальчиков Гронкса, если уж быть

честным с самим собой, глаза бы не смотрели при всем их задоре, юношеском максимализме и энтузиазме, разогретом до белого каления звездами, щедро посыпавшимися на погоны.

Генерал, простая душа, для которого законы тактики – не говоря уже о законах стратегии – были выше законов природы, никак не мог взять в толк, почему вести переговоры с самопровозглашенной городской администрацией вице-король поручил этой слишком красивой и слишком молодой особе? Почему до сих пор в Городе не появились оккупационные войска? Почему на Город не наложена контрибуция, в конце концов? Все те художества и безобразия, что устроила на поверхности старая администрация, надо было исправлять, а на какие шиши, извините?

Генерал вернулся из путешествия по поверхности на свой седьмой уровень – теперь-то уж точно свой! – обескураженный, вздрюченный и очень-очень злой. И было от чего. Воистину, инициатива наказуема, и быть ему теперь главою азерских санаторов, пока кто-нибудь из этих умников – либо Гронкс, либо Стратег достаточно не заматереют. Вот уж влип, так влип.

Как только курсантами Гронкса были разблокированы шмон-тоннели, генерал, оставив нижние этажи практически без сколько-нибудь серьезного прикрытия, ударил по мятежному верху с такой силой и беспощадностью, что мятеж оказался практически прихлопнут чуть ли не в мгновение ока.

Санаторы, натерпевшиеся страха за время сидения в осаде, да и сейчас еще в собственной судьбе абсолютно не уверенные – как-то еще посмотрят на их прошлые художества победители? – вымещали теперь весь свой страх и всю неуверенность в собственном завтра на беднягах люмпенах. Мальчики Гронкса, потерявшие столько товарищей во время марш-броска вниз и, особенно, при преследовании грузопоезда, отставать в этом деле от старших товарищей совсем не желали. К тому же, генерал сделал вид, будто собирается гнать мятежников в Северную шахту. Как только мятежники это уразумели, они в дикой панике устремились наверх с такой скоростью, что не сразу очухались и пришли в себя, даже вылетев на поверхность. Причем кое-кто из них, подтверждая мнение давешнего "смельчака", оказался настолько глуп, что попробовал "наехать" на первых переселенцев, представлявших собой подготовленные и обученные Айно боевые подразделения.

Свою задачу генерал считал выполненной... разве что за исключением скрыплов, и, прихвативши с собой Гронкса со Стратегом, с чистой совестью отправился в Москву. Именно в этом городском поселении на поверхности, как он слышал, находилась ставка Черного Барона, по генеральским представлениям, командующего экспедиционным корпусом вице-короля и, вообще, "главной тигры" среди военных Гнезда. Поездка эта – кстати сказать, проводимая с ведома и одобрения Антикризисного Комитета – Москвой, увы, не огра-

ничилась. Ставки, как таковой, в Москве не оказалось. Ай-но носился по планете, как угорелый, и настичь его генералу удалось лишь в самой Тмутаракани.

Черный Барон, однако же, демонстративно пожал плечами и с демонстративным же удивлением поинтересовался у генерала, с чего это их комитет решил, что Гнездо будет взваливать на себя ассенизаторские функции? Речь Барона была краткой, очень энергичной и образной, и сводилась, в конечном итоге – естественно, при тщательном переводе ее с языка военного на язык всякого рода шпаков, помешанных на деликатности словесных оборотов – примерно к такому смыслу: вы, ребята, как сами в это самое влезли по самое это самое, так сами из этого самого и выбирайтесь... и забирайте-ка вы, мудрецы эти самые, назад к себе под землю все это самое, что вы изволили оттуда выгнать на это самое. Смысл этого экстравагантного высказывания был генералу предельно ясен, тем более что ему уже успели доложить, что львиная доля вышвырнутых из Города люмпов, всласть вкусивши на поверхности общения с воинственными аборигенами, сбежалась обратно ко входам в Город, и теперь в слезах, соплях и с раскאיивательным визгом умоляет взять их обратно. А в заключение Барон язвительно поинтересовался, кой этот самый изволил господин генерал тащиться в такую даль?... спросил бы у Елизаветы, тут же и получил бы ответ, не сходя с места... штатская она?... и что с того?... у нас в Гнезде, когда надо, все военные.

Паче чаяния, в Комитете унылый доклад генерала встречен был с откровенной радостью и энтузиазмом: заверения заверениями, но отказ Гнезда вводить в Город своих силовиков был самым весомым подтверждением намерений вице-короля сохранить его в целости.

Энтузиазм продержался, однако же, очень недолго. С люмпами у городских шлюзов надо было что-то делать и решать. Из Северной шахты сыпались отчаянные донесения о скрыплах, рвущихся в путепроводы волна за волной. Санаторы еле сдерживали их, причем зарядов для огнеметов при таком расходе должно было хватить, разве что, на несколько суток.

Лиза, которую в Городе называли "госпожа Эли" – имя "Елизавета" или, тем паче, "Лиза", для неповерхностного слуха звучало очень уж дико, а "Элизабет" или "Эли" вполне себе нормально – так вот, эта самая Лиза-Эли предложила пустить против скрыплов добровольцев – интов, вооружив их нейронными лучевыми ножами.

Бюллер-старший уверял, что, по его сведениям, на складах санации такие ножи должны иметься... так, по крайней мере, ему самому докладывали таможенные службы, занимавшиеся контрабандой. Но тактика использования нейронных ножей в борьбе со скрыплами была еще не разработана, а показавшаяся вначале такой перспективной идея создать для этой борьбы отряды интов на проверку оказалась безнадежной чушью... о чем и доложил генералу Макс Гронкс,

успевший за это время дослужиться уже до капитана.

– Что значит, невозможно обучить? – ревел господин Жарко-второй, потрясая кулаками над головой новоиспеченного капитана. – В цирке крыс дрессируют!.. элѐфантов!..

– Так то элѐфанты, – мялся и вздыхал Гронкс, уверяя генерала, что обучение поручено самым-самым, что у него сейчас на этом деле и Дюбель, и Банзай, и даже сам Стратег подключен, да вот – поди ж ты... и, в конце концов, предложил господину генералу убедиться лично.

Зрелище оказалось, и в самом деле, не для слабонервных. Душераздирающее оказалось зрелище.

На тренировочном полигоне училища санации в чем-то, отдаленно напоминавшем воинский строй, стояло около полусотни самых омерзительных шпаков, на которых кто-нибудь когда-нибудь зачем-нибудь сподобился натянуть военную форму. Вид этот самый "строй" имел такой, будто каждым входившим в него индивидуумом некто только что старательно драил полигон, а оный индивидуум оному процессу противился изо всех наличных ... не то чтобы сил – откуда у инта взяться силам? – но силенок. Рожи у всех присутствующих были красные и усталые, а у бывших курсантов, а ныне офицеров-наставников еще и разъяренные.

– Смирна! – не своим голосом заорал, увидевши генерала, здоровенный малый в чине старшего лейтенанта, носивший среди своих, как помнил генерал, странное прозвище "Дюбель", и тут же намылился подскочить с докладом.

Команда "смирно" выполнена была бравым воинством таким образом, что генерал только махнул рукой и выговорил с предельным отвращением:

– Вольно...

Затем генерал обозрел воинство, вздохнул, мановением руки пресек злобные гримасы Гронкса в адрес бывших ко-решей, а ныне подчиненных, и с нейтральным видом поинтересовался, что бы все это могло значить?

Из краткого, но очень толкового доклада старшего лейтенанта Дюбеля он уяснил для себя смысл происшедшего.

Как оказалось, офицеры-наставники занимались с волонтерами – интами строевой подготовкой (-ох!-), включавшей в себя способы прохождения с полной выкладкой узких тоннелей, щелей, каверн и отверстий... что само по себе было нешуточным испытанием для нервов господ офицеров (-убой!-). А тут еще одному волонтеру во время объявленного короткого передыха вдруг взбрело в умную очкастую оконтакторенную голову заняться разборкой игломета... да откуда я знаю, что это ему в башку стукнуло, – возопил в отчаянии этот самый Дюбель, на каковой вопль генерал, понимая и сочувствуя, официального внимания не обратил.

– Ясно, – сказал генерал. – Потерял что-нибудь?

Дюбель только молча кивнул головой.

– Пружина клапан отсечки выбросила? – сказал генерал, проявляя чудеса начальственной прозорливости.

– Так точно!

– Нашли?

– Попробовали бы не найти! – дергаясь, прошипел сквозь зубы Дюбель. – Простите, господин генерал, так точно, нашли, но внешний вид у них после поисков сами видите, какой.

Генерал снова покачал головой, посмотрел на Гронкса – да, мол, провал, полный провал, и повернулся к строю.

– Ну, и кто же это из вас такой... деятельный? Два шага вперед.

Строй взволнованно закачался, зашевелился строй, отчето у господ офицеров-наставников перекосило физиономии. Потом, распахивая локтями товарищей, стоявших в первых рядах, вперед вылезло такое чудо природы, что генерал некоторое – вполне ощутимое – время смотрел на него в полной оторопелости. Дело было даже не в очках, чудом держащихся на кончике носа, не в воробыиной взъерошенности или каскетке, съехавшей на нос за время продирания через строй товарищей. Даже не в том, что пуговицы на френче были застегнуты через одну петлю, хотя и этого уже, конечно, хватило бы выше крыши, чтобы сгноить мерзавца на губе. Но вот то, что френч слева и сзади у него был засунут под брючный ремень, вот это уже... да-а!

– Подойди-ка сюда, сынок, – выговорил генерал, до глубины души потрясенный тем, что подобная личность как-то умудрилась дожить до вполне себе зрелого возраста, и... тут же чуть сам не шлепнулся от изумления и оторопелости.

Личность направилась к нему, старательно изображая строевой шаг. При этом, шагая левой ногой, господин оконтаторенный вольнопер выбрасывал вперед левую руку, а шагая правой – правую.

Господа офицеры-наставники взвыли в голос, а генерал, не обращая внимания на столь возмутительное с их стороны нарушение устава и всяческой субординации, сказал, обращаясь уже исключительно к Гронксу:

– Вы правы, капитан. Эксперимент можно считать полностью провалившимся.

Гронкс переглянулся с Дюбелем, открыл было рот и замер в нерешительности.

– В чем дело, капитан? Что у вас там такое?

– У курсанта Дю... простите, вот у старшего лейтенанта есть некоторые соображения. Вроде бы, толковые. Разрешите?..

Мысль Дюбеля генерал ухватил с полуслова. Действительно, ударной силой боевых групп, вооруженной нейронными ножами и иглометами, должны были стать мальчишки Гронкса, подготовка у которых – они это уже не раз доказали – была если и не выше всяких похвал, то все-таки была. А вот инты при них должны быть чем-то вроде приборов и индикаторов, определяющих наличие скрыплов, место их, скрыплов, дислокации, направление атаки и все такое.

Отсутствие у интов боевой подготовки Дюбелем отмечалось сходу.

– У Виктора Бюллера тоже не было боевой подготовки, а мы со Стратегом протащили его чуть ли не через всю Северную. А такие мобильные отряды, если между ними наладить взаимодействие и тактически грамотно построить атаку, погонят скрыплов из Северной шахты в прибрежные карстовые пещеры и дальше наружу. А там, если поставить на хребте огнеметы, путь у скрыплов будет один – в воды Пульсарки, а из них никто еще живым не выходил... кроме вице-короля, естественно.

– Так-так-так, – протянул генерал. – Неплохо, неплохо... ну, а этого, – генерал ткнул пальцем в "чудо природы", – этого...

– Я возьму его в свое звено, – поспешно сказал Дюбель. – За ним, конечно, нужен глаз да глаз, но голова у ботаника, это что-то, господин генерал. Вот, посмотрите, он придумал. Это – защитный панцирь. Скрыплы всегда атакуют сверху... видите, как удобно и надежно?.. А эта хреновина – локатор, совмещенный с предохранителем. Монтируется на нейронном ноже. Раздадим всем своим, и порядок, никаких тебе случайных, так сказать, несчастных случаев. Вот это манипулятор. Тоже он придумал. Пока мы со скрыплами будем разбираться в штреках и тоннелях, особых неприятностей ожидать не приходится. А вот как войдем в пещеры, там узких ходов и лазов тьма-тьмушая... нет-нет, он хотя и дурак-дураком, но зверски умный, и в каком-то смысле очень даже полезный гений.

– Понятно. Предложение принимаю. Грамотное предложение. Я думаю, что госпожа Дуна что-то в этом роде и имела в виду. Что ли она интов в своей жизни не видела? Уж как-нибудь! У самой контакторы на полголовы. Сколько своих парней предлагаете на одну боевую единицу?

– Пять как минимум, господин генерал, меньше никак. Двое в авангарде. Это основная ударная сила. Двое в центре при инте. И один прикрывающий в арьергарде.

– Разумно, разумно... – Генерал откашлялся и весьма торжественно обратился к присутствующим. – Господа офицеры и вольноопределяющиеся! Смею думать, что у меня есть для вас радостная новость. На складе конфиската, подготовленного руководством санации к уничтожению, найдена партия лучших ножей. Почти сотня штук, господа!

Мановением руки прекратив восторженные вопли, генерал продолжил.

– Считая по два ножа на нос, и учитывая всю их наличность, мы уже можем отправить в тоннели пятьдесят подготовленных бойцов. Считая по пять бойцов на звено, это десять боевых групп.

– Господин генерал, разрешите обратиться? – гаркнул Дюбель. Генерал отчески кивнул.

– Я думаю... то есть... одним словом, каждый из нас может обойтись одним ножом. Особенно, если действовать спаренными звеньями. Каждой паре звеньев надо придать группу помощников – технарей, которые будут обеспечивать все

потребности звеньев, в том числе в энергии для подзарядки ножей.

– Ну-ка, ну-ка, – заинтересовался генерал, – давай поподробнее.

– Ну, как... – Дюбель почесал нос. – Одно звено ведет боевые действия в течение двух часов. Это как раз такое время, которое требуется для зарядки ножей. Второе звено, ножи которых заряжают технари, в это время кушает и все такое... перекур, одним словом. Работа каждой пары звеньев длится двенадцать часов, потом ее сменяет вторая пара, а первая пара уходит на сон и отдых, так что – никаких переутомлений, никаких авралов и все такое...

– Великолечно! – воскликнул генерал в восхищении. – Предложение принимается полностью и безоговорочно, – генерал поднял руку, в зародыше давя восторженные вопли. – Только вот ты, старший лейтенант Дюбель, зря радуешься. Ты в тоннели не пойдешь, ты будешь участвовать в разработке операции в целом, готовить ударные группы и, вообще, руководить... Не возражать! Это приказ. Героев тут у нас до этой самой легкомысленной мамы, а вот умные и дельные люди, способные руководить операциями, в жутком дефиците. Считайте себя на казарменном положении, мальчишки. Никаких выходных! Никаких увольнительных! Про дринк, Бродвей и девочек забыть до тех пор, пока в Северной будет оставаться хотя бы один живой скрипл! – генерал оглядел непроницаемые физиономии бывших курсантов, а ныне

офицеров санации, хмыкнул и добавил железным голосом: — Во всяком случае, если кто будет на Броде отловлен, пусть пеняет на себя. Сгною и вообще замордую.

Новоиспеченные господа офицеры смотрели вслед удаляющемуся руководству не без нетерпения, очень уж хотелось выпить по столь превосходному поводу.

— Да-а, — протянул расстроенный Дюбель. — Правду говорят, что инициатива наказуема.

— Брось расстраиваться, чудило! — жизнерадостно возопил Банзай. — Па-адумаешь, казарменное положение! Чихали мы на казарменное положение. И кашляли... пукали даже. А самоволка на что?

— Дурак ты, — Макс Гронкс укоризненно покачал головой. — Будешь Дюбеля учить в самоволку ходить? Да разве ж он из-за этого?

– Сахно, на выход!

– Меня зовут Снайпер, слышишь ты, биопья харя!

Снайпер хорохорился изо всех сил. Его переполняла даже не злоба, а какая-то детская обида – встреча была ой-как далека от той, что рисовал им по дороге господин коммодор. Самого коммодора тут же куда-то уволокли совсем неласковые дяди в черном, а они с Комаром черт знает, сколько времени – счет ему был потерян напрочь – торчали в крохотном руме, больше всего похожем на санаторную камеру.

Выучка у здешних вертухаев была отменная. На биопьем рыле не дрогнул ни один мускул. Даже в глазах ничего не промелькнуло такого, человеческого. Машина, автомат, киборг поганый.

– Встать и пройти на выход, – повторил биоп. – С вещами.

– С какими вещами, урод? Откуда у меня вещи, когда вы даже зубочистку отобрали?

– Какие есть, с такими и выходи. В коридорах смотреть под ноги, глаз не поднимать, по сторонам не зыркать, и рта не раскрывать. Буду пресекать.

Снайпер оттолкнулся спиной от пола, прямо из положения лежа на спине вскочил на ноги – коронный трюк! – и выпрямился во весь свой немалый рост. "Ох, будь мы где-нибудь в более подходящем месте, я бы тебе пресек!" – поду-

мал он. Хотя... если уж подходить критично, то подготовка у вертухая, надо полагать, была та еще. Вряд ли здесь держали простых гоблинов. Не та лавочка. Снайпер покосился на Комара. Тот по-прежнему находился в полной прострации, сидел, привалившись к стене, уткнув голову в колени и ни на что не реагируя. Да... вот уж влипли, так влипли.

Потом Снайпер часто вспоминал последние минуты, проведенные вдвоем с Комаром. Если бы знать, что видишь приятеля в последний раз! Хотя слово ободряющее ему сказал бы. Совсем парень раскис и сломался, когда выяснилось, что тянули они пустышку и лопухнулись, как последние фраера. Вот Корн, вот сука, правы были пацаны, что верить ему нельзя было ни на грош.

Коридор оказался – что характерно – стальной, по бокам простые стальные двери, а вот под ногами расстилалась самая настоящая ковровая дорожка, которую Снайпер и видел-то до сих пор только в телетаксерных сериалах про богатеев. Биоп двигался легко и даже изящно, будто девочка из подтанцовки каких-нибудь рекламслабухов, хоть ростом Снайперу почти не уступал, а фигурой был, пожалуй что, и помассивнее. Ведет, сволочь... куда ведет? Уверенный такой. И понимал он о нем, Снайпере, прямо как о какой-нибудь сявке. Может, раздавить и ведет? Куда подальше. Чтобы ковер ненароком не запачкать. А вот хрен я тебя буду слушаться, сволочь!

Снайпер строптиво вскинулся, огляделся теперь уже от-

кровенно, и с вызовом повернулся к конвоиру.

– Не выеживайся, – сказал тот негромко, не разжимая губ и глядя в сторону. – Снайпер, говоришь? Вот и покажи сейчас, какой ты есть снайпер... если жить хочешь. Опустит рывок, дурак. И представиться не забудь по всей форме.

У очередного ничем не выделяющегося портала он вдруг весь подобрался и подтолкнул Снайпера кулаком в шею, но не злобно, а как-то так... соберись, мол... мембрана раскрылась, и Снайпер очутился в просторном руме непонятного назначения. Слева у стены за массивным столом с кучей непонятных пультов сидел очень толстый человек с брюзгливым лицом и крысиными зубами. Судя по всему, чином толстяк был... генералы отдыхают. Рядом располагалось еще несколько человек, тоже явное начальство, хотя и не такое запредельное как сидевший толстяк.

Биоп незаметно для окружающих легонько ткнул Снайпера кулаком в бок. Снайпер, мгновенно подобравшись, вытянулся в струну и, четко печатая шаг, направился к толстяку. Не доходя нескольких шагов, он щелкнул каблуками и, вскинув руку в официальном санаторском приветствии, проорал:

– Курсант высшего азербайджанского училища санации Сахно!

Толстяк со вкусом рассмеялся.

– Смотри, какой прыткий. Службист! Сам представился, заметили, сэры? Под конвоем себя не чувствует, однозначно... не чувствуешь, а, парень?

– Никак нет, господин... простите, не знаю, как к Вам об-

ращаться, не чувствую.

– Чего ж так?

– Все указания командира выполнял как... по уставу, в общем, с прилежностью и усердием, и не вдаваясь в рассуждения.

Теперь вздох хохотали уже все, и не обидно, а даже, вроде бы, поощрительно. Но тут толстяк круто оборвал смех и спросил, вперив в Снайпера специфический "допросный" взгляд вприщур – такому обучают в училище еще салажат – первокурсников, так что делал это он, надо полагать, автоматически:

– Не понял?.. ты был аттестован мне как младший лейтенант.

Снайпер замялся, и – была, не была, решил рискнуть.

– Представлен на поле боя при выполнении секретного задания, господин... Но, поскольку документов предоставить не могу, аттестоваться офицером не считаю, так сказать, вправе.

– Что за задание?

– Конвоирование груза в условиях боя, бунта и уличных беспорядков.

– Что за груз? – вкрадчиво спросил толстяк.

Начиналось самое... скользкое, ни молчать, ни колебаться было нельзя. Снайпер шкурой чувствовал, что сознаваться в знании того, что они везли, было смертельно опасно. Он немедленно проорал:

– Это известно только коммодору Корну. Нам было сказано, что это секретный и чрезвычайно важный груз санации, который ни в коем случае не должен попасть в руки мятежников и вообще посторонних.

Толстяк повернулся к свите и вопросительно поднял бровь. Один из свитских тотчас пояснил:

– Главный сопровождающий. Начальник азерского училища санации. Тот самый, что уверял Вашу светлость, что вынужден был направить весь конвой в заслоны от преследователей. И что для непосредственного прикрытия колонны ему вполне хватало этого вундеркинда.

– Откуда там вообще взялись эти преследователи? – буркнул толстяк и снова повернулся к Снайперу. – Каковы были твои функции в конвое?

– А чтобы ничто вокруг не летало, не ездило и даже не ползало.

– Ну и как?

– Мы не довели грузопоезд не по моей вине, там все было разбито, не проедешь, – осторожно сказал Снайпер. Ну, в самом деле, зачем начальству было знать, что ему ни разу не пришлось выстрелить, да еще и что он свидетелей отпустил живыми? Это пусть Корн докладывает, если не побоится показать, что ситуацию не контролировал. Только бы у Комара, у дурака, ума хватило держать язык за зубами.

– Почему не биоп? Обучение в спецроте, что ли, проходил?

– Так точно!

– Специализация – снайпер?

– Так точно!

– Успехи?

– Во всех соревнованиях первое место. Не только у себя на Азере, но и в общеимперских соревнованиях стрелков санации нашего сектора галактики. Аттестация – альфа два ноля.

Свита вокруг толстяка возбужденно зашумела. Толстяк поднял брови и недоверчиво спросил:

– Так-таки и ни одного промаха?

Снайпер как бы позволил себе слегка обидеться.

– За последние два года – ни на одних ответственных соревнованиях. Вон хоть у господина коммодора Корна спросите. Он подтвердит.

Свита снова дружно расхохоталась, а толстяк даже подпрыгивал в своем кресле от хохота и бил в подлокотники пухлыми кулаками.

– Да уж, – с трудом выговорил он сквозь хохот, – он, может, и подтвердил бы, да как у него спросить?

Снайпер похолодел: вон оно, значит, как... откоммодорился коммодор Корн...

– Ну, а сейчас ты нам продемонстрируешь свое искусство, – снова резко оборвав смех, сказал толстяк. Какое оружие предпочитаешь?

– В общем-то, лазерную снайперскую винтовку. Ну, а там

– какое дадите.

Дали винтовку. Рум оказался блестяще оборудованным тиром, в котором имелись все мыслимые и немыслимые виды оружия, даже самые запредельные – эти, правда, в виде тренажеров.

Потом винтовку сменил стандартный полицейский игломет, игломет сменили последовательно скорострельная корпускулярная пушка, бластер и какая-то хрень, которую он видел впервые, стрелявшая стандартными энергетическими корпускулами, но на сумасшедшие расстояния. Хрень имела ту особенность, что полетом корпускулы можно было мысленно управлять... чего только не напридумывают яйцеголовые, даже дальность цели умудряются повернуть себе на пользу.

Правда, эта последняя хрень оказалась с подленьким секретом. Прицел у нее был намеренно сбит, причем препорядочно, корпускула полетела черт знает, куда. Снайпер и сам потом удивлялся – как это он умудрился успеть перехватить управление и чертову корпускулу по наитию, на глазок, вцепить прямо в цель.

Толстяк долго глядел на Снайпера пристальным взглядом и молчал. Свита тоже молчала. Снайпер занервничал, чего вам еще-то надо? Но тут толстяк, будто очнувшись, дернул головой и сказал:

– Неплохо парень, очень неплохо. Будешь стараться, из тебя получится очень толковый профессионал. Будешь ста-

раться?

– Так точно! – проорал Снайпер.

– Беру тебя на службу в центральный аппарат, лейтенант Сахно, – слово "лейтенант" толстяк произнес с особым нажимом. – Служить будешь в исследовательском центре при канцелярии развития демократии... – увидев ошарашенную физиономию Снайпера, толстяк снова со вкусом рассмеялся. – Ну-ну, не пугайся. Все не так страшно, в деле содействия развитию демократии имеются самые разнообразные аспекты. Работа тебе предстоит насквозь известная и сугубо по специальности, однозначно.

Потом он повернулся к свите, вышарил взглядом нужное лицо.

– Я полагаю, что этот парень сушая находка для нашего любителя истории? – вопрошаемый всем своим видом продемонстрировал полное и совершенное согласие. – Беда теоретиков в том, что как только дело доходит до воплощения замыслов в дело, они оказываются совершенно беспомощными. Поможем старику. В конце концов, он работает на меня, хотя и не подозревает об этом. – Толстяк снова рассмеялся и махнул рукой. – Ладно. Минимум необходимого времени парню на подготовку, много не надо, обстановку на месте он знает насквозь и досконально и получше любых инструкторов. Не забудьте изменить ему лицо – налетит еще там, на Азере, на кого знакомого – да и отправляйте сэру Координатору по делам колоний. Дальше его заботы, однозначно. А

ты, – снова обратился он к Снайперу, – имей в виду: воздаяние у нас по делам. Предателей, нерадивых, сомневающихся и колеблющихся караем жестоко. Верные, преданные и исполнительные имеют все! Ты, например, после успешного, подчеркиваю – успешного выполнения задания подлежишь производству в новый чин, минуя два промежуточных, и награждению золотой кредитной картой. Задание у тебя будет ответственное и опасное, но других у нас и не бывает.

– Так точно! – радостно завопил Снайпер, не вполне к месту, зато начальство могло в полной мере оценить обуревавшие его, Снайпера, чувства.

– Носа особо не задирай, в подразделении, где будешь служить, все стрелки такие же, если не лучше. Задание получаешь ты, поскольку, как я уже сказал, обстановка на месте тебе известная сплошь и поперек – работать предстоит на Азере.

– Так точно... – снова невпопад, зато с чувством.

– Про конспирацию, про внедрение в среду понимаешь?

– Так точно. Нас учили... Так точно... Так точно... Слушаюсь... – и все это очень даже с чувством, правда, по-прежнему большей частью невпопад.

На новое место службы он шел все с тем же биопом, но уже не под конвоем, а в сопровождении.

– Слушай, – спросил он бпопа, – этот толстяк, он кто?

Вот тут-то бпопа по-настоящему проняло. Не помогла никакая выучка. Всю невозмутимость с его лица смыло как

ионным душем. У него даже глаза округлились и вылезли на лоб.

– Ты что, совсем дурак?

Снайпер заволновался, задержался.

– Я ничего, я просто не здешний, я...

– Ну, ты тундра, ну, ферма ты гидропонная. Чтобы я больше никогда о его светлости... понял?

– Я же не со зла, не в насмешку, я в том смысле просто, чтобы знать – кто?

– Тебе как, полным титулом, или коротким? Если полным, то его светлость есть тайный Советник от внутренней безопасности его Имперского Сиятельства сэра Верховного Санатора. Если коротким, то первый его, сэра Верховного Санатора заместитель ... Не-ет, ты не тундра неогороженная. Ты много хуже. Ну, ляпни ты такое при ком другом... и правду говорят, что дуракам везет.

Санатор есть Санатор. И рассуждать Санатор может непременно и исключительно как мужлан и дуболом. В этих людях нет изящества, им незнакомо воспарение мысли. Впрочем, вздохнул Координатор, нельзя сказать, чтобы и его собственные советнички, что ни шаг, воспаряли, так сказать, в эмпиреи и прочие заоблачные выси. Да и те, что способны на полет мысли, расправляют крылышки единственно с той целью, чтобы... э-э... если где углядят полакомее кусочек. Естественно, для себя. Не-ет, уважаемые сэры, очередная ротация становится уже, похоже, пошлой необходимостью. Ах, если бы не подходил час "Ч"!

Ничего не скажешь, кадр, что прислал союзничек по триумвиату, был неплох. Парень с поверхности, коренной азе-рец, прекрасный стрелок. Все в ажуре, хренов "благодетель" не учел только одного: на Рекса этого снайпера надо еще суметь вывести. Да и рожу он ему изменил на редкость бездарно – и не похож, а узнаваем, по голограммам судя, на сто процентов И влипнуть ему там, на Азере пара пустяков... Идиот!

Размышления Координатора прервало мелодичное курлыканье инфора. Ответственный секретарь прошелестел с экрана:

– Ваше Имперское Сиятельство, аудиенции, желательно

немедленной, просят леди Боди и сэр Советник от науки.

Координатор удивился.

– Вместе?

– Да, Ваше Имперское Сиятельство.

Это было что-то непонятное. Конечно, он просил Эни проинспектировать работу ученых по изготовлению киллера для Рекса на базе клонбоди Сурии Бюллер с установленным в него фантом маньячки Стеклофф. И оценить его, киллера, шансы на убийство Рекса. Это было естественно, поскольку Эни очень хорошо знала прототип. Естественно также, что сэр Ученый особой радости от этого не испытал... Интересное, знаете ли, наблюдение. Четырех ученых успел ротировать сэр Координатор – всегда одно и то же. Стоит человеку потеряться возле яйцеголовой публики, как начинает из него переть высоколобость. Сколько ты потом из себя хама ни корчи – прет высоколобость, и все тут. Не спрятать. Вот уж правы были древние, когда говорили, что с кем поведешься, от того и вшей наберешься... Что ж это они вместе-то пришли? Удайся испытание клона, Ученый бы пришкандыбал один, с треском провалился – припорхала бы одна Эни. Что ж они вместе-то?

– Пусть войдут, – сказал он Секретарю.

– Леди Боди оказалась права, – хмуро начал Ученый с места в карьер. – Испытания полностью провалились.

– Прелестно, – иронически прокрипел Координатор. – Очаровательно. Ну и что же мне прикажете делать?... э-э...

Оргвыводы?..

– Леди Боди высказала кое-какие соображения... Мы вместе прикинули, может получится. Разрешите доложить?

Сначала расскажи об испытаниях.

– Слушаюсь, Ваше Имперское Сиятельство. Чтобы физические кондиции испытантов хоть как-то соответствовали объекту номер один, мы отобрали трех биопов, из которых один был оконтакторен.

– Подопытные были предупреждены о возможной опасности?

– Только неоконтакторенные.

– Продолжай, продолжай, что ж ты умолк, любезный мой?

– На эксперимент подопытные пошли охотно – не каждый день биопу светит половой акт с такой красоткой. Перед половым актом все биопы были прикованы к постели наручниками. Так вот. Оба неоконтакторенных биопы были убиты...

– Ну, вот, а вы говорите, что эксперимент не удался!

– Да, но оба клона были убиты тоже, и Вы бы видели их трупы!

– Да черт с ней, был бы Азерски мертв. Впрочем, стоп. Биоп – инт остался жив?

– Точно так, Ваше Имперское Сиятельство. А вот клон был буквально размазан по стенкам.

Координатор повернулся к Эни.

– Что же ты такое придумала, девочка?

Эни оживилась и, скромничая, опустила глазки.

– Ничего особенного. Просто я подумала, что основная идея, безусловно, верна. Жажда убийства должна проявляться исключительно при оргазме, и наша стервочка Ана, для этого случая просто создана. Но чтобы застать врасплах инта, убийство должно быть совершено еще до того, как желание убивать будет осознано самим убийцей. Тогда объекту воздействия и интуитивизм не поможет. Наша подопытная крайне агрессивна и стремится к насилию еще задолго до... словом, когда еще даже сама этого не понимает. Наблюдая за ходом эксперимента, я заметила, что в начальной фазе оргазма подопытная – всегда! – начинает царапаться и кусаться, и только в кульминационный момент хватается за нож. Следовательно, если мы вживим ей под ногти ядовитые железы, и согласуем выброс яда с начальной фазой оргазма – все, дело сделано, объект воздействия можно считать трупом.

– Соответствующие железы мною уже подобраны, – торопливо вмешался Научник. – Есть такие пауки – мутанты, живут в воздуховодах подземных городов. Яд убийственный, комплексного действия, с хорошими как химической, так и нервнопаралитической составляющими. Срабатывание мгновенное, противоядие отсутствует...

– Утверждаю! – решительно заявил Координатор. – Считайте проект актуализированным, бумаги оформите задним числом. Приступайте к изготовлению модели. Когда модель на базе клонбоди Сурии Бюллер с фантом этой маньячки Стеклофф и ядом под ногтями будет готова, пусть Советник

от информации установит её клонфильтр.

– Что такое? – заинтересовалась Эни.

– Такое устройство, которое позволяет фантому существовать достаточно долго, оно не дает образоваться новой личности.

– Какая прелесть! – восхитилась Эни.

– Иди и работай, – сказал Координатор Научнику. – Для экономии времени адаптацию тела к фанту и адаптацию фанта маньячки под Сурию проводить будем одновременно, и начнем сразу... Ты, кажется, намерен возражать? – вкрадчиво спросил он замешкавшегося Научника. – Нет?.. Это радует. Эни, задержись на минутку. Я тут подумал, где мне лучше использовать этого азерского санатора, как бишь его... Фетмен, вот. То ли на Темной, то ли логичнее бросить его на завершающую фазу операции Троянский конь?

Когда за Научником захлопнулась мембрана портала, Эни сказала:

– Я бы не стала посылать толстяка на Азеру. Толку там от него не будет. Его тут же выявят, разоблачат и прикончат.

– Ну, невелика потеря.

– Оно конечно, но для дела-то без пользы....

– Пожалуй... Азерски он знает с пеленок, а Азеру – именно как санатор. С изнанки... э-э... с задворок, так сказать. Отправлю-ка его, все-таки, к Информанту. Пусть использует как консультанта. Ты становишься мне очень полезной, девочка. Это радует. Я, пожалуй, поручу тебе и дальше ку-

рировать работу над проектом "Троянский конь". С начала и до конца. Хотя бы и в инспекционном порядке. Когда модель окажется на выходе у Информанта, я имею в виду... э-э... словом, когда фильтр установят, смотаешься на Темную и поглядишь, что получилось. Доложишь. А то из докладов исполнителей, как правило, ничего не понять. Все, как ты говоришь, покрыто мраком неизвестности.

– Это дело было бы, наверное, гораздо проще, если бы ты засунул маньячкин фант не в клона, а в саму Бюллершу. Там ведь даже сознание целиком не понадобилось бы аборттировать. Память удали – и все. Девочка потеряла память. Ну, и как же такую лапочку и бедняжку не потащить в постель?

– Ты меня удивляешь. Вот уж тут-то Рекс точно сначала потащил бы ее лечить, а не в койку. Да и вообще, на оригинал этого тела я имею особенные виды. Оригинал должен принадлежать мне душою и телом, причем, на его глазах. Его "ах, высокая любовь" должна стать моей подстилкой, моей проשמандовкой. Моим спермоприемником и плевательницей. Все, чем сейчас обладает Рекс – его тело, его планета, его баба – все должно лечь под меня и с визгом раздвинуть ножки!

Эни скривилась, но как только Координатор повернулся в ее сторону, постаралась натянуть на физиономию максимально безразличное выражение.

– Кстати, о тебе. Мое пожелание относительно отдыха на Земле остается в силе. Только ты не затягивай. Скоро нам

всем будет не до личных дел. Так что поспеши. Поручение мое тамошнее для тебя легкое, много времени не займет. Оттянешься на всю катушку.

Когда она вышла, Координатор тяжело задумался. Сам по себе план покушения был неплох и даже изящен – поразить ненавистного противника руками обожаемой им любовницы, а потом обладать этой самой любовницей в его теле... пусть даже не совсем так, но, в конце концов, тело клона полностью идентично телу оригинала. В этом плане было все: красота, блеск, божественная логическая стройность. Не было только уверенности в его исполнении. Рекс непредсказуем. Эни может оказаться права, и он раскусит... в смысле, не поддастся на обман. Что тогда?

И тут его осенило. Черт с нею, с красотой замысла. Выйдет – хорошо, а не выйдет... уж приманкой-то клонбоди Сурии точно может послужить! В конце концов, главное, чтобы Рекс был мертв. Снайпер будет торчать рядом с этой... э-э... в общем, с приманкой. Как только Рексу доложат, а ему уж точно доложат – может ли такое быть, чтобы никто из окружения выслужиться не захотел? – да... так вот, как только доложат, что среди городской богемы видели Сурию, он тотчас примчится посмотреть и убедиться, и тут же угодит под выстрел санационного вундеркинда.

Вот теперь – решил Координатор – план и в самом деле полностью обрел логическую стройность и завершенность. Исполнители на острие каждой ветви плана должны стре-

миться выполнить задание изо всех сил. Отсюда следует, что они не должны даже подозревать, что существует страхующее направление. Не выйдет у одного, получится у другого. Снайпер пойдет по ведомству Информанта, девка... ею на Азере пусть занимается Теолог, у Научника мы ее отнимем. Высоколобые народ, конечно, умный. Но завершающую стадию работы высоколобым чистюлям оставлять нельзя, запорют. У них же мораль. Нравственность у них, кретинов... Оба направления его великого Замысла будут существовать независимо. В смысле, осуществляться. В смысле, о связи между ними не только знать, подозревать никто не должен. Пусть эти приматы Теолог с Информантом позиционируют себя как конкурентов.

Координатор хихикнул, тут же сам себе безмерно удивившись: что это он?.. сущий примат, право слово.

Все были заняты, все разрывались на части, все, по популярному в Гнезде выражению, "стояли на ушах".

Несмотря на феноменальную работоспособность, "Птенцы Гнезда" – как называла друзей неугомонная Лиза – естественно, не могли поспеть всюду. Поневоле огромную часть работы приходилось перекладывать на старую администрацию и новых, никому не известных людей... а доверять им надо было деньги – немалые! – и материальные ценности – весьма и весьма большие.

Если сам себя назначивший Ховрин оказался, по счастью, человеком дельным и к тому же лично Рексу знакомым, то в других случаях назначать приходилось черт знает кого, да еще назначающими оказывались люди, отнюдь не обладавшие его, Рекса проницательностью. То там, то тут начали прорезаться скандалы и скандальчики с подоплекой из коррупции, кумовства и вообще – как выражалась та же Лиза – "всяческой вась-васьности". Поэтому везде, где возможно, Гнездо старалось создавать выборные органы самоуправления, оставляя за выборщиками самые широкие права по сме-не руководства, буде оное проворуется или просто окажется неудачным.

– Доверять надо людям, доверять, – назидательно говорил Рекс друзьям, – поскольку в массе своей люди – они народ

хороший.

– И проверять надо людей, проверять, – ехидствовала Лиза, – поскольку они в массе своей народ такой, что склонны поддаваться соблазнам.

По ее, Лизиному, настоянию Рекс оставлял за Гнездом самые широкие права на вмешательство во все эти "внутренние самоуправленческие дела". Руководители вынуждены бывают принимать непопулярные решения, – утверждала Лиза, – никуда от этого не деться, так что недовольство недовольству рознь, и "акции" по смене руководства должны были, по ее мнению, при всем своем демократизме получать одобрение Гнезда.

При Рексе как-то само собою сложилось нечто вроде "Государственного совета", в который вошли ближайшие сподвижники Старой Дамы и друзья самого Рекса, старые и новые – Кулакофф, Дрейер, Шульц, несколько бывших коллег Кулакоффа по Академии Пространства и, конечно же, Лиза. Попытались привлечь к делам Совета и старую Лайзу, но та наотрез отказалась, причем так энергично, что повторного предложения не решался сделать никто. Жила она теперь в Гнезде, практически не общаясь с родственниками, и занималась исключительно цветами. Ее усилиями Гнездо превратилось в настоящий цветник или, точнее, оранжерею. Лизу она называла доченькой, а к Старой Даме за последнее время успела так привязаться, что теперь, когда существование той в фантоме было по времени резко ограничено, очень

тосковала по "милой Лере" – Рекс заявил, что на месте прикончит каждого, кто вытащит тетушку из компьютера в фантом-контакт без крайней на то необходимости.

Среди намеченных Рексом первоочередных дел особое место занимала организация на Азере мощного научного центра. На совещании или "общем шмоне", как со всей присущей ей непочтительностью и неуважением к "устоям и традициям" выражалась Лиза, все присутствующие переругались, определяя для него приоритеты. Совещания в Гнезде при Рексе проходили в таком ключе, что люди, приученные хотя бы к какому-то порядку и субординации – Айно с Шульцем, Дрейер или тот же Кулакофф – поначалу только головой качали, да вздевали кверху руки. Рекс, однако же, памятуя старое присловье, что в споре рождается истина, ору не препятствовал, пока оный ор держался в границах дела. Собственное мнение он высказывать не спешил, поскольку абсолютным большинством присутствующих оно воспринималось как истина в последней инстанции и руководство к безусловному исполнению, а уж высказывать по его поводу критические замечания не решался вообще никто за исключением Кулакоффа и закосневшей в непочтительности Лизы. Сидел Рекс молча, положив руки на столешницу массивного круглого стола, сооруженного специально для подобных совещаний, переводил задумчивый взгляд с одного спорщика на другого, и все его вмешательство в "дискуссию" заключалось в легком постукивании ладонью по столешнице, когда в

"обмене мнениями" спорщики заходили слишком уж далеко. Обсуждение научных направлений – как и следовало ожидать – вылилось, в конечном итоге, в определение стратегических задач для Азеры в целом. Так что бедлам получился, по Лизиному мнению, прелесть что такое, всем бедламам бедлам. Даже приглашенные поучаствовать и высказаться горожане – Ховрин, оба Бюллера, Сэш Лобов и Жарко – приняли в нем посильное участие. Сама Лиза, изо всех сил стуча кулачками по столешнице, кричала, что, прежде всего Гнезду необходима лаборатория клонирования, центр по вживлению контакторов и научная разработка теории инсталляции сознания в клонбоди.

– Мы не можем допустить, чтобы кто-нибудь из окружающих нас хороших людей потерял жизнь! – вопила она нестерпимо тонким пронзительно визгливым голосом, пытаясь перекрычать всеобщий шум и тайком – впрочем, как и все присутствующие – косясь на руки Рекса... но нет, руки лежали на столешнице спокойно, нахлобучка спорщикам пока не грозила.

– Это важно, – соглашался Айно, – но есть вещи неизмеримо более важные, чем моя жизнь, твоя жизнь, да и вообще жизнь любого из нас. Существование жизни на Азере, существование самой Азеры – вот что является важнейшим приоритетом. В случае открытого конфликта Империя прихлопнет Азеру как муху. Нам нечего противопоставить ее космическому флоту. Мы энергетически беспомощны. Нам нуж-

ны аннигиляторы, сюда и должно направить все силы и всех свободных интов.

– И чем аннигиляторы тебе помогут? – кричали одни.

– Имперцы боятся Рекса, – кричали другие.

– Вот потому-то они и нападут! – кричали третьи.

– Интов у нас хоть завтра будет пруд пруди. Все почтовые серверы забиты заявками, столько их к нам просится! – кричали четвертые.

Орали все в полный голос, перебивая и – в ажитации – обзывая друг друга на самый, так сказать, предосудительный манер, а кое-кто и вообще не стеснялся в выражениях.

– Как ты это себе представляешь, сапог ты нагуталиненный! – наивозмутительнейшим образом излагал собственное решительное мнение один из близнецов, кажется, Алексей, насупленному Айно. – За какое время, какими силами и на какие такие шиши мы сможем создать энергетическую систему, приближающуюся по мощности хотя бы одному "Разрушителю"? А их у Империи сколько?

– Сам ты... в другом месте я бы тебе объяснил, кто ты есть, такой мудрец, причем доступными тебе словами, – бесновался Сэш Лобов, вдруг страшно обидевшись за Айно и вместо Айно.

– Ага, – ехидствовал неугомонный близнец, – культурный ты наш. Не иначе, как Лизкины невинные скромные ушки скромно оберегаешь, оне же у нас девушка нежная, ничего такого отродясь не слыхивали, сей же минут изволят грох-

нутья в обморок. От смущения и шокинга.

– Лизе на это дело начхать, хамла она, по-твоему, не видела помимо вас с братцем? А вот ее сиятельство госпожа комтесса изволила предупредить кое-кого из здесь присутствующих, что матерного поноса словесного терпеть не намерена. Радуйся, что ее тут нет, она бы тебя извозила фейсом об тейбл, да и отполировала бы твоей харей столешницу, чтобы ты, долбошлеп...

Рекс легонько хлопнул ладонью по столу.

– ...так вот я и говорю, что нам не нужна такая мощь! – как ни в чем ни бывало, продолжал Сэш. – Планеты нам аннигилировать не надо, и гравитационные коллапсы нам тоже на хрен не нужны. (-Ишь, ты, как изячно выражается, "культуртрегер" хренов, – ввернул потихоньку Алексей.) Нам надо только крутить пространство, и даже не в материальном виде, как его величеству во время конфликта, а вакуум, чтобы имперские подарки – ракеты, там, и всякую прочую хрень – отправлять мимо Азеры, и лучше всего назад, самым посланцам. Все высоколобые в один голос говорят, что вакуум таких расходов энергии не требует. Вон, у профессора спросите, он специалист. Пары – тройки аннигиляционных установок средней мощности на орбитальных спутниках для защиты Азеры вполне достаточно. Вот на них и надо бросить все силы.

– А на что они годятся без конверторов, твои аннигиляторы? – ехидно осведомилась Лиза.

– Простите, господа, – нерешительно сказал Виктор Бюллер, – если мне будет позволено... Азера сейчас крайне ограничена в ресурсах, как материальных, так и в этих... в интеллектуальном потенциале, словом. Обещанные инты, которых "пруд пруди", они когда еще будут? И их, к тому же, надо куда-то принять, обустроить, снабдить деньгами хотя бы на первое время. Пока же спецы только покидают Азеру. По крайней мере, служащие Компаний уехали почти все, а они находились на ключевых постах в добывающих отраслях. Переговоры с Компаниями о возобновлении поставок зашли в тупик. Мы активно работаем со Свободными Мирами, есть успехи, но... чтобы к нам потекли деньги, нужны мозги, а для привлечения мозгов нужны деньги.

– Великолепно! – снова самым непочтительным образом перебил оратора неугомонный Алексей. – Того нету, потому что нету этого, а этого – потому что того. У всех трудности. Что предлагаешь-то?

Как ни странно, откровенная грубость подействовала на Виктора самым благотворным образом.

– А то и предлагаю. Госпожа Дуна совершенно права. Все силы сейчас надо бросить на конверторы. Это приоритет среди всех приоритетов. В серьезных масштабах Азера может сейчас получать деньги лишь из одного источника – от продажи инглания, а его покупают только миры, в которых налажено производство контакторов. Сколько их, таких миров во вселенной?.. То-то и оно! Нам нужен альтернативный источ-

ник денежных поступлений. Мы должны организовать промышленный выпуск малых конверторов и наладить их сбыт, как в Свободных Мирах, так и в Империи, да-да, имперский рынок самый емкий. Империя собственными конверторами будет вооружать армию и санацию, в свободную продажу малый конвертор она пустит еще очень не скоро, так что хрен с ним, если имперские конверторы окажутся совершеннее наших. У нас неплохие шансы уже сейчас захватить рынок. Если Гнездо окажет Городу содействие... мы знаем, что у его величества имеется такой конвертор... мы готовы обсудить условия, на которых Гнездо передаст нам конструкцию – совместные предприятия, например. У Города превосходная промышленная база, и электронная, и механическая. Всех высоколобых специалистов по конверторам надо тащить к нам уже сейчас в пожарном порядке и на любых условиях, хотя и наши собственные умники уверяют, что на все про все им потребуется максимум три – четыре месяца.

– Все это, Виктор, может быть, очень умно и дельно, – перебила его Лиза, – но не надо ссылаться на меня. Не хочу умалять значения всего, что тут говорилось, но голосую за Вечность, то есть, за лабораторию клонирования, контакторы и фундаментальные работы по инсталлированию фанта в клонбоди. У меня из головы не идет рассказ давешнего киборга о лаборатории на той планете, как ее, Темная... Айно, черт тебя подери, в лоции ее нет, кто-нибудь займется поиском координат этой планеты, в конце-то концов?... Ничьи

мозги сэр Координатор в клоны, конечно, вживлять там не собирается, а собирается он, сволочь, в клонов устанавливать фанты и плодить, таким образом, всяких подонков. Или солдат... одно другого не исключает. Вам, мужикам, только волю дай. У вас на первом месте всегда всяческое смертоубийство. И вообще, хоть бы о тете Кале кто-нибудь подумал. В смысле, о госпоже комтессе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.